

II-10
P-135.

О П
РЕШЕРТУАРЪ

н. д

РУССКАГО

И

ПАЛЕТОНЪ

ВСѢХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ

ТЕАТРОВЪ,

НА 1842 ГОДЪ.

ИЗДАВАНІЕ

И. Песоцкимъ.

XIII.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ

1842.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
ЛЕНИНГРАДСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТРЪ ДРАМЫ

7949-6985
7949-6985

ПО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪЗВРАЩАЮЩАЯ

И

ПЕЧАТНОЕ

ВЪЗВРАЩАЮЩАЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30-го Іюня, 1842 года.

Цензоръ: П. Корсаковъ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪЗВРАЩАЮЩАЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

III

ВЪЗВРАЩАЮЩАЯ

1842

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

Handwritten notes and signatures on the right margin, including the name "Корсаковъ" and some illegible scribbles.

I. ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ИСПАНЦЫ ВЪ ДАНИИ,

КОМЕДИЯ ВЪ ТРЕХЪ СУТКАХЪ; СОЧИНЕНІЕ *Клары Хауль*.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маркизъ де ла Романья, начальникъ Испанскаго отряда.
Донъ Жуанъ де Диасъ, его Адъютантъ.
Французскій Резидентъ на островѣ Фіоніи.
Шарль Лебланъ, Французскій офицеръ.
Валлсъ, Англійскій офицеръ.

Содержатель трактира.

Госпожа де Турвилль, или Госпожа Лебланъ.

Госпожа де Куланжъ, или Девушка Лебланъ.

Офицеры и солдаты Испанскіе, Датскіе, Германскіе.

Слуги, маркизантши.

Дѣйствіе происходитъ на островѣ Фіоніи, въ 1808 году.

СУТКИ ПЕРВЫЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Кабинетъ Резидента.

(*вдали слышна Испанская военная музыка*).

Резидентъ (*одинъ*).

Ла, тра-та-та; чортъ бы васъ побралъ и съ проклятой вашей музыкой! — (*смотритъ въ окно*.) А, разводъ кончился.

Не очень весело сидеть здѣсь, между этими почерплыми солдатами!.. Э, вотъ и Генералъ Ла Романья скачетъ домой, — можно отдохнуть! Боже мой! Что за тяжелое ремесло!.. По инструкціямъ, я долженъ безпрестанно присматривать за Испанскими офицерами, и я битый часъ прохаживался съ ними!.. Фи! какъ пахнетъ табачищемъ отъ фрака!.. Случись это въ

Кн. XIII—1.

Парижѣ, я не смѣлъ бы никуда показаться въ немъ мѣсяца полтора... но на островѣ Фіоніи, въ этой дрянной ямѣ, нечего церемониться.

(Садится).

Уфъ!.. Какіе у нихъ длинные усищи, какіе черные, звѣрскіе глаза!.. они, кажется, не очень-то жалуютъ насъ, Французовъ... и, чортъ знаетъ, что за глупцы, эти Испанцы! Никакъ не могутъ понять что Государь нашъ, назначая имъ въ Короли Августѣйшаго своего брата, ихъ же хочетъ осчастливить такою милостию... Здѣсь, на острову, имъ, признаться, холодно... Охъ! да и мнѣ тоже... дорогонько поплачиваюсь я за честь исправлять такую должность... Когда я пустился въ дипломатію, я воображалъ, что тотчасъ махну въ Римъ или въ Неаполь, словомъ, въ порядочное мѣсто... являюсь, съ низкимъ поклономъ, къ Министру, толкую съ нимъ о томъ, о семъ, и не легкое дернуло меня проболтаться, что я знаю по-Испански. «Такъ вы говорите по-Испански?» спросилъ онъ меня, и тутъ-то и попался я на удочку!.. Прихожу домой, мнѣ подають ужъ и паспорта, и инструкціи. А, думаю себѣ, въ Мадридѣ... Ни чуть не бывало... къ Испанскому отряду Ла Романьи, на островѣ Фіоніи!.. На островѣ Фіоніи!.. Милосердый Господи! Какъ удивятся въ Парижѣ, что я на островѣ Фіоніи!.. Да мало еще этого, меня гоняють и туда и сюда, какъ военнаго... Ужъ хоть прикомандировали бы къ арміи Князя въ самой Даніи; тамъ, по крайней мѣрѣ, было бы съ кѣмъ поговорить по-Французски... Такъ вѣтъ, велеть жить здѣсь, съ горстью Испанцевъ, да съ Датчанами, Ганноверцами, Нѣмцами. Всѣ эти молодцы ладятъ между собою, какъ кошки съ собаками... Приказано подематривать за ними, забавлять ихъ, говорить имъ голосомъ разсудка, природы и просвѣщенія... Охъ! Трудненько это для меня... Никакъ не растолкуешь имъ, что Англичане, и съ сахаромъ своимъ, смертельныя имъ враги.

Хочется имъ пить кофе и много кое-чего другаго, но вѣдь мы обходимся же безъ этой дряни, такъ и они, право, могутъ оботись безъ нея. Ахъ! Боже мой! Да скоро ли возьмемъ мы Англію!.. По милости Англичанъ и я принужденъ жить на этомъ проклятомъ островѣ съ несносными Испанцами... Уфъ! Сегодня такая сырая погода!.. Счастье, если не схвачу насморка... Какъ бы хотѣлось прилечь отдохнуть, а надо писать донесеніе. Проклятая должность! Ни на минуту нѣтъ покоя!.. Гмъ! Донесеніе! А что я буду доносить?... Князь пишетъ ко мнѣ, что вѣдетъ поводъ сомнѣваться въ вѣрности Маркиза Ла Романьи, велитъ наблюдать за его поступками, развѣдывать мнѣнія солдатъ... Гмъ! Развѣдывать! Легко сказать это; извольте-ка заглянуть къ нимъ въ сердце... а кожа у этихъ смугляковъ такая темная, что сердца никакъ не увидишь. Ахъ! вотъ славно придумано! Какъ жаль, что здѣсь меня никто не слышитъ... Напишу объ этомъ Князю Понте-Корво; онъ посмѣется; а умѣть смѣшить своихъ начальниковъ премолезное искусство: шутика не забываютъ при наградахъ. Дѣло! Чудесно! Напишу и въ Парижѣ. *(пишетъ)* Мысль очень не дурная...

Слуга *(сходя).*

Какая-то барыня пришла къ вамъ, сударь.

Резидентъ.

Барыня? Кто она?

Слуга.

Француженка, и такая разодѣтая, такая красивая...

Резидентъ.

Француженка на островѣ Фіоніи! Француженка въ Ниборгѣ! О, неожиданное благополучіе! Лафлёръ, давай поскорѣ синій фракъ, часы съ печатками, гребенку. Хорошо, хорошо. Проси. *(Входитъ Г-жа де Куланжъ, въ дорожномъ платьѣ).*

Слуга (докладываетъ).

Госпожа де Куланжъ.

(Уходитъ).

Резидентъ (въ сторону).

Ба! Да она видно какая нибудь генеральша. (Обращаясь къ ней) Я въ совершенномъ отчаяніи, сударыня, что принужденъ принять васъ посреди дипломатическаго хаоса, въ моемъ кабинетѣ, который...

Г-жа де Куланжъ.

Покорнѣйше прошу васъ потрудиться прочесть это письмо.

Резидентъ.

Но, прежде всего, сударыня, милости просимъ садиться.

Г-жа де Куланжъ.

Государь мой...

Резидентъ.

Ахъ! сдѣлайте милость... вотъ кресла.

Г-жа де Куланжъ.

Если...

Резидентъ (не читая письма).

Вы, безъ сомнѣнія, прямо изъ Парижа?

Г-жа де Куланжъ.

Да-съ, но письмо...

Резидентъ (по-прежнему).

Я едва осмѣливаюсь надѣяться, что вы удостоите пробить хоть нѣсколько времени въ этой ужасной странѣ...

Г-жа де Куланжъ.

Это не отъ меня зависитъ, и ежели вы примете на себя трудъ прочитать письмо...

Резидентъ (говоритъ очень торопливо).

Ниборгъ прескучный городишка, здѣсь размѣщены на кантонирь-квартирахъ Испанцы; они скучаютъ въ запуски съ Нѣмцами, а Французовъ у насъ почти нѣтъ совсѣмъ. Всѣ они, къ несчастію, въ

Давіи, по ту сторону Бельта, съ Княземъ Понте-Корво. Однако жъ, сударыня, одно уже ваше пребываніе въ Ниборгѣ привлечетъ сюда весь штабъ Князя. Пустыня, обитаемая такою отшельницею какъ вы...

Г-жа де Куланжъ.

Но если бы вы потрудились...

Резидентъ (по-прежнему).

А прогос, какъ поживаетъ нашъ Тальма?

Г-жа де Куланжъ.

Я очень рѣдко бываю въ театрѣ; но извольте...

Резидентъ (по-прежнему).

Словъ не нахожу, сударыня, не умѣю выразить вамъ, какъ восхищенъ я, что, посреди вѣчныхъ снѣговъ, имѣю счастье встрѣтить... Парижскую розу... хи, хи, хи! такую милую землячку... О, какъ радъ бы я былъ услужить вамъ въ чемъ нибудь. Не имѣете ли вы надобности, сударыня?..

Г-жа де Куланжъ.

Прошу у васъ одной милости: прочитайте это письмо.

Резидентъ.

Съ вашего позволенія (распечатываетъ письмо и читаетъ)... [Бррр, бррр, бррр... Ого, го! Чортъ возьми! Впрочемъ, тутъ не отъ чего краснѣть... Но чего же хотите вы отъ меня, сударыня?

Г-жа де Куланжъ.

Разскажите мнѣ все, что знаете о Маркизѣ ла Романьѣ.

Резидентъ.

Да что же мнѣ сказать вамъ о немъ?— Правда, конечно, я наблюдалъ за Маркизомъ, но съ такимъ человѣкомъ не сладить. Онъ всегда на вытяжкѣ, застегнутъ до самаго подбородка. А притомъ же, извольте видѣть, онъ ужъ старъ... и

какъ ни прелестны ваши глазки, но они не оживятъ мертваго, хе, хе, хе!

(Продвигается на своихъ креслахъ къ Г-жа де Куланжъ).

Г-жа де Куланжъ (отодвигаясь отъ него).

Но, можетъ быть, у него есть другъ, повѣренный всѣхъ его тайнъ?

Резидентъ.

Есть, есть, да еще презабавный, именно адъютантъ его и племянникъ. Отъ него онъ ничего не утаиваетъ, какъ я слышалъ. Впрочемъ, этотъ адъютантъ негодяй, забіяка... и вотъ нѣтъ еще и двухъ недѣль, какъ онъ убилъ на дуэли Французскаго офицера, подававшаго самый лестный надежды. И знаете ли за что? Офицеръ этотъ предложилъ ему тостъ за здоровье Его Величества нашего Императора, и сказалъ только, что въ случаѣ отъказа обрубить ему уши. Испанецъ не принялъ тоста, и убилъ Француза.

Г-жа де Куланжъ.

Однако жъ, какого онъ характера?

Резидентъ.

Что сказать мнѣ вамъ о его характерѣ?.. Право, не знаю хорошенько... или нѣтъ, позвольте... онъ безпрестанно покручиваетъ и фабрику свои усы, а къ тому же куритъ безпрестанно весь день. По цѣлымъ часамъ сидитъ запершись съ Маркизомъ и куритъ съ нимъ вмѣстѣ пресмѣшныя маленькія бумажныя сигарки которыя они сами свертываютъ; это ужъ я знаю навѣрное... я видѣлъ своими глазами.

Г-жа де Куланжъ.

Но, вѣроятно, вамъ сообщены еще какія нибудь письменныя свѣдѣнія о его поступкахъ.

Резидентъ.

Ахъ! Точно, точно, были кое-какія бумаги, но, признаться по правдѣ, не знаю куда онѣ дѣвались... У меня такое мно-

жество документовъ преважныхъ! А о немъ писали ко мнѣ что-то пустяшное, такъ, что теперь и припомнить не могу.

Г-жа де Куланжъ.

Но потрудитесь, по крайней мѣрѣ, сказать, какъ его зовутъ?

Резидентъ.

Зовутъ его Донъ... вѣдь вы знаете, что всѣ Испанцы называютъ себя Донъ... Донъ Жуанъ Діасъ... преуморительныя у нихъ имена и фамили!... Донъ Жуанъ Діасъ... Впрочемъ, у него есть еще и другое прозвище, но никакъ не приходитъ оно мнѣ на память... а живетъ онъ въ трактирѣ Трехъ Коронъ, на морскомъ берегу.

Г-жа де Куланжъ.

Очень много благодарна вамъ за всѣ эти извѣстія. Прошу васъ снабдить меня тысячею талерами.

Резидентъ (пишетъ вексель).

Вы получите ихъ. Письмо предоставлять вамъ кредитъ безпредѣльный, а ваше личико... хе, хе, хе!

Г-жа де Куланжъ.

Лзя ли мнѣ будетъ черезъ васъ переслать небольшую сумму къ моему брату, который служитъ сержантомъ въ гвардіи? Деньги эти выручила я за Французскіе товары, проданные мною въ Германіи.

Резидентъ.

Безъ малѣйшаго препятствія. Я всякой день отправляю копченую говядину къ своимъ пріятелямъ, съ дипломатическимъ курьеромъ... Но позвольте же спросить, могу ли я надѣяться хоть на крошечную признательность съ вашей стороны?.. хе, хе, хе!

Г-жа де Куланжъ.

На чье имя адресовали вы мой вексель?

Резидентъ.

На имя Гг. Моора и компаніи... Что за счастливецъ этотъ Жуанъ Діасъ!... Наша братья дипломаты тотчасъ преду-

гадываютъ конецъ всякаго дѣла... Вы намѣрены обольстить адъютантика... хе, хе! Я, изъ зависти, готовъ сдѣлаться заговорщикомъ, хе, хе, хе!

Г-жа де Куланжъ.

Проникнуть въ ваши тайны весьма трудно... Мнѣ очень совѣстно, что я такими пустяками отвлекаю васъ отъ дипломатическихкихъ занятій.

Резидентъ.

Но вы позволите мнѣ, прелестная землячка, приходитъ иногда къ вамъ, и отдыхать у васъ отъ политики?

Г-жа де Куланжъ.

Звоните, вы вѣрно забыли, что я никакъ не могу принимать у себя Французскаго резидента на островѣ Фіюни.

Резидентъ.

Ахъ! чортъ возьми! это и дѣйствительно похоже на правду... Однакожъ, напримѣръ, въ огромномъ Испанскомъ плащѣ самаго темнаго цвѣта... вечеромъ... подъ защитою туманной погоды...

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ, сударь, мы видимся въ первый и послѣдній разъ... Моя мать доставитъ вамъ бумаги на имя Князя Понте-Корво. *(Опускаетъ вуаль и хочетъ уйти).*

Резидентъ.

Да, позвольте жъ, по крайней мѣрѣ...

Слуга *(вбѣгал).*

Адъютантъ, сударь, вашъ знакомый... какъ бишь его?... Адъютантъ Генерала Ла Романьи желаетъ поговорить съ вами.

Резидентъ.

Чортъ его возьми! Лафлёръ, проводи эту госпожу по задней лѣстницѣ. Скорѣе, скорѣе! Прощайте, милая сирена! *(Г-жа де Куланжъ уходитъ).* Ахъ! какая жалость! никогда еще не былъ я такъ уменъ... никогда не дѣйствовалъ такъ успѣшно! А тутъ и помѣшали! ни минуточки нѣтъ свободной!

(Входитъ Донъ Жуанъ).

Ахъ! государь мой, имѣю честь свидѣтельствовать вамъ мое нижайшее почтеніе: здоровы ли? Очень радъ! А дорогой нашъ генераль? Все по-прежнему? Право, я въ восторгѣ! Покорнѣе прошу садиться.

Донъ Жуанъ.

Примите на себя трудъ выслушать меня...

Резидентъ.

Я весь къ вашимъ услугамъ. Располагайте мною, какъ вамъ угодно.

Донъ Жуанъ.

Полгода уже не получаемъ мы ни какихъ извѣстій изъ Испаніи. Я и другіе офицеры нашего отряда, по многимъ причинамъ, должны предположить, что вы, милостивый государь, имѣете приказаніе отъ своего правительства задерживать нашу переписку и ..

Резидентъ.

Помилуйте, господинъ полковникъ, съ чего вы взяли это?... Вы очень, очень ошибаетесь, и, чтобы совершенно вывести васъ изъ заблужденія, я съ величайшимъ удовольствіемъ сообщая вамъ депеши изъ Испаніи, которыя сейчасъ получилъ. Вотъ прокламація Его Свѣтлости Великаго Герцога Бергскаго; вотъ бюллетень, увѣдомляющій...

Донъ Жуанъ.

Да, что мнѣ въ вашихъ прокламаціяхъ и бюллетеняхъ! Не о томъ мы заботимся! Намъ нужны извѣстія о нашихъ семействахъ, а не о фамиліи Великаго Герцога Бергскаго; вотъ о чемъ мы просимъ!

Резидентъ.

Ахъ! сколько встрѣчается обстоятельствъ, препятствующихъ доставкѣ письма по адресу. Такъ, напримѣръ, можетъ быть, забыли отдать заграничныя вѣсовыя деньги за ваши письма въ Испаніи, что очень часто случается, или же...

Донъ Жуанъ.

Презабавное извиненіе!

Резидентъ.

Не угодно ли сдѣлать мнѣ честь, позавтракать со мною?

Донъ Жуанъ.

Много благодаренъ, господинъ Резидентъ. Меня ожидаетъ дома контрабандный шоколадъ, и вы извините, что я предпочитаю его вашему Императорскому кофе.

Резидентъ.

Ахъ! молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! Не ужели вамъ не извѣстно, что такими поступками вы наносите ужасный ударъ, величайшій вредъ торговлѣ? Вѣдь этотъ шоколадъ доставляютъ вамъ наши смертельные враги!

Донъ Жуанъ.

А мнѣ что за дѣло? Былъ бы онъ только хорошъ.

Резидентъ.

Господинъ Полковникъ, позвольте доложить, что шоколадъ морскихъ тирановъ долженъ всегда казаться отвратительнымъ всякому офицеру, имѣющему честь служить подъ вѣчно-побѣдоносными знаменами Его Императорскаго Величества.

Донъ Жуанъ.

И Его Величество, конечно, хочетъ вознаграждать насъ всею континентальною дрянью, которую мы принуждены глотать, благодаря его блокадѣ.

Резидентъ.

Безъ сомнѣнія. Не желаетъ ли Его Величество, чтобы надъ Пиренеями блистало свѣтило образованности, отъ котораго къ вамъ, при мракѣ безначалія, доходилъ только слабый отблескъ?

Донъ Жуанъ.

Ха, ха, ха! Какія отеческія попеченія! Какъ это трогательно! Но откровенно долженъ вамъ признаться, что мы, Испанцы, любимъ тѣнь и совершенно обойдемся безъ его свѣтила.

Резидентъ.

Вотъ новое доказательство, что для васъ необходимъ законодатель, который могъ бы совсѣмъ пересоздать васъ. Позвольте, господинъ Полковникъ, со всею откровенностію сказать вамъ мое мнѣніе. Вы, господа Испанцы, отстали отъ своего вѣка; и кто бы повѣрилъ тому? Вы отвергаете просвѣщеніе, которымъ хотятъ озарить васъ. Я готовъ побиться объ закладъ, что вы никогда не читали Вольтера....

Донъ Жуанъ.

Напротивъ, государь мой, я знаю науку большую часть его сочиненій.

Резидентъ.

Ну, такъ я и не буду говорить вамъ о немъ. Но, однимъ словомъ, вы все еще заражены суевѣріемъ, то есть, не вы сами, господинъ Полковникъ, потому, что въ вольнодумствѣ вы не уступите и Французу, но я разумѣю здѣсь массу вашихъ соотечественниковъ. Вы почитаете только монаховъ... Послѣ этого, не истинную ли услугу оказалъ бы вамъ тотъ, кто водворилъ бы у васъ философію девятнадцатаго вѣка, и избавилъ бы васъ отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, чадъ невежества и заблужденія?

Донъ Жуанъ.

Философію мы всегда будемъ принимать съ отверзтыми объятіями, если намъ станутъ присылать хорошія книги. Но, нынѣшнія нравоученія, подъ конвоемъ восьмидесяти тысячъ солдатъ, признаюся вамъ, не очень нравятся Испанцамъ.

Резидентъ.

Его Величество желаетъ освободить васъ отъ ига островитянъ-деспотовъ.

Донъ Жуанъ.

Ахъ, кстати, скажите, правда ли, что въ Португаліи, на морскомъ берегу, близъ городка Вимейры...

Резидентъ.

О! господинъ Полковникъ, до васъ вѣрно дошли ложные слухи.

Донъ Жуанъ.

Какъ? да вѣдь я ничего еще не ска- залъ вамъ.

Резидентъ.

Но я ужъ догадываюсь, что вы хотѣли сказать мнѣ. Позвольте объяснить вамъ все дѣло. Англичане сдѣлали высадку у Вимейры, это правда. Но мы атаковали ихъ, обратили въ тылъ, отрѣзали отъ моря и произвели въ рядахъ ихъ ужаснѣйшее опустошеніе; кажется, они лишились даже многихъ своихъ генераловъ. Армія ихъ приведена была въ чрезвычайное разстройство... и потому храбрыя наши войска, въ слѣдствіе высочайшаго приказа, отправились въ Брестъ, во Францію. Все это сущая истина.

Донъ Жуанъ.

Удивительно! Не знаю какъ благода- рить васъ за это извѣстіе, я поспѣшу сообщить его своимъ друзьямъ...

Резидентъ.

Если вамъ угодно, я тотчасъ же до- ставлю подробную и отчетливую реляцію....

Донъ Жуанъ.

О! помилуйте, и вашъ рассказъ превос- ходенъ и совершенно отчетливъ... я вѣрю ему совершенно. Прощайте, господинъ Ре- зидентъ, желаю вамъ хорошаго аппетита, безъ котораго никакъ нельзя пить кофе великой націи. *(Уходитъ)*.

Резидентъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга, потрудитесь засвидѣтельствовать мое нижайшее почте- ніе господину Маркизу. *(Одинъ)*. Неснос- ный насмѣшникъ! Да пусть себѣ смѣет- ся сколько захочетъ, а я славно поддѣлъ его рассказомъ о Вимейрскомъ сраженіи.... Странное дѣло! Я совсѣмъ перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ занимаюсь диплома- тіею: лгу, сплетаю небылицы съ удиви- тельною неустрашимостію, а за голъ на- задъ, никакъ не думалъ, что у меня есть такая способность! Теперь сочиняю бюл- летени, право, не хуже какого нибудь

главнаго штаба!.. Терпѣніе, терпѣніе! Я вѣдь не прикованъ къ этому острову. Почему знать, можетъ быть, дожусь и такого денька, что, проснувшись утромъ, ощупаю у себя подъ подушкой портфель министра иностранныхъ дѣлъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Общая зала въ трактирѣ Трехъ Коронъ.

Маркизь *(одинъ)*.

(Прохаживается въ безпокойствѣ по комнатѣ. Вынимаетъ карманные ча- сы).

Вотъ прошелъ еще цѣлый часъ, а его все нѣтъ!... Не могу сидѣть на мѣстѣ... Не узнаю ли хоть здѣсь чего нибудь. *(открываетъ окно, изъ котораго видно сильно волнующееся море)*. Нѣтъ, ни одной шлюбки на морѣ... До самаго предѣ- ла горизонта все волны, однѣ только волны... не вижу ни одной черной точки, которая могла бы подать мнѣ хоть сла- бый лучъ надежды! *(опять прохажива- ется)*. Можетъ быть, они опасаются сильной бури... но именно такую погоду и слѣдовало бы имъ избрать.. О, если бы, по крайней мѣрѣ, я зналъ навѣрное, что они не пустились еще въ море! *(Смо- тритъ въ окно)*. Корветъ ушелъ. Ахъ! Они промучаютъ меня еще сутки... Однакожь... Адмиралъ пишетъ, что, не смотря ни на какую погоду, увѣдомить меня... Я весь какъ въ огнѣ... Ни малѣйшаго извѣстія.. Что, если они взяты береговою стражею, не смотря на паспорта?... Приняты ли всѣ предосторожности для спасенія де- пешъ?.. А я такъ просилъ ихъ объ этомъ!.. О! голова моя трещитъ!... Съ какимъ удовольствіемъ промѣнялъ бы я на поле кровавой битвы эту комнату, въ которой принужденъ ожидать шлюбки, не имѣя возможности даже одною минутою уско- рить ея прибытіе!..

Донъ Жуанъ (за дверь-
ми).

Лоресо, разсѣдай мою лошадь. Сегодня такая скверная погода, что никуда нельзя выѣхать (сходитъ). Чортъ побори эту дождливую и туманную сторонку! — Ахъ! Генераль, цѣлую руки Вашего Превосходительства. Неужели вы все смотрѣли въ окно, съ тѣхъ поръ, какъ я уѣхалъ? Но, позвольте спросить, сосчитали ли вы сколько вошь въ Бельтѣ?

Маркизъ.

Скажи, пожалуйста, Донъ Жуанъ, нравится ли тебѣ здѣшняя страна?

Донъ Жуанъ.

Какъ передняя чистилища! и я надѣюсь, что, на томъ свѣтѣ, когда меня будутъ жарить за грѣхи мои, непременно зачтутъ тѣ годы, которые провелъ я въ Даніи.

Маркизъ (въ сторону).

Воленіе ужасное! Полагаю, что они не рѣшились пуститься въ море.

Донъ Жуанъ (продолжал).

Здѣсь, когда не валитъ снѣгъ, такъ идетъ дождь. Женщины тутъ всѣ или блѣдырысы, или рыжія; не встрѣтишь ни одной миниатюрной ножки, ни одного чернаго глаза. О! Испанія, Испанія! Когда увижу я опять твои баскипы, прелестные башмачки, твои черные глазки, которые блестятъ какъ карбункулы?

Маркизъ.

Такъ ты хочешь возвратиться въ Испанію только для черныхъ глазъ, для миниатюрныхъ ножекъ?

Донъ Жуанъ.

Угодно ли вамъ, генераль, слышать отъ меня серьезный отвѣтъ?

Маркизъ.

Конечно. Но можешь ли ты говорить серьезно?

Донъ Жуанъ.

Клявусь Богомъ, что если бы вы не были моимъ начальникомъ, я сказалъ бы вамъ очень важную причину, которая

заставляетъ меня желать возвращенія въ Испанію.

Маркизъ.

Говори безъ всякаго опасенія.

Донъ Жуанъ.

А вы не посадите меня подъ арестъ? Даете ли честное слово?

Маркизъ.

Ты все шутишь, Донъ Жуанъ.

Донъ Жуанъ.

Ну, такъ извольте же выслушать мое серьезное мнѣніе: я мысленно лечу въ Испанію только для того, чтобы стать лицомъ къ лицу съ ея притѣснителями, для того, чтобы, въ Галиціи, водрузить знамя свободы, и умереть, если ужъ нельзя будетъ жить тамъ свободнымъ.

Маркизъ (крепко сжимая ему руку).

О, Донъ Жуанъ! Я не зналъ еще тебя. У тебя сердце настоящее Испанское, и ты только притворяешься вѣтреннымъ. Этому-то сердцу хочу я доверить тайну, которую оно достойно знать.... Хотя мы и не въ оковахъ, однако все же плѣнники на здѣшнемъ островѣ, и разница только въ томъ, что тюрьма наша очень обширна. За нами наблюдаетъ многочисленная армія союзниковъ Франціи, а по ту сторону Бельта, армія Князя Понте-Корво можетъ соединиться съ Датчанами и Нѣмцами въ нѣсколько дней, и совершенно истребить насъ. Но это море, преграждающее намъ путь въ нашу отчизну, это море....

(Входятъ: Г-жа де Куланжъ, Г-жа де Турвилъ, трактирщикъ и горничная. Донъ Жуанъ разсматриваетъ ихъ, а Маркизъ удаляется къ окну).

Трактирщикъ.

Вотъ общая зала; тутъ собирается самое блестящее общество, а до вашихъ комнатъ отсюда нѣсколько шаговъ. Генераль ла Романья занимаетъ тотъ флигель, гдѣ вы помѣстились. И такъ, вы из-

волите видѣть, что лучшей гостиницы найти невозможно

Г-жа де Турвилль.

Мы очень рады.

Г-жа де Куланжъ.

Луиза, вели внести чемоданы въ наши комнаты.

Г-жа де Турвилль.

Я сама пойду съ тобою. (*Тихо Г-жѣ Куланжъ.*) Какъ хорошо, что мы узнали всѣ подробности о здѣшнихъ жильцахъ. Смотри же, не робѣй! Непрiятель передъ тобою. Первый приступъ всего важнѣе.

Г-жа де Куланжъ.

Хорошо, я останусь здѣсь, а вы приведите въ порядокъ наши комнаты. (*притворяясь удивленною.*) Ахъ! да тутъ есть кто-то!

(*Г-жа де Турвилль уходитъ.*)

Трактирщикъ.

Это генераль, о которомъ я вамъ говорилъ, и его старшій адъютантъ.

Донъ Жуанъ (*тихо Маркизу*).

Генераль, посмотрите ради Бога, это настоящіе Андалузскіе глаза...

Маркизь.

Донъ Жуанъ, пойдемъ...

Трактирщикъ.

Господинъ Маркизь, вотъ Француженка, ваша сосѣдка, Госпожа де Куланжъ.... А это, сударыня, господинъ Генераль ла Романья и Полковникъ Донъ Жуанъ Діасъ.

Г-жа де Куланжъ.

Вы обѣщали нанять мнѣ лакея...

Трактирщикъ.

Тотчасъ же пойду за нимъ. Извините, что оставляю васъ, но, безъ сомнѣнія, эти господа поставятъ себѣ за особенное удовольствіе.

Донъ Жуанъ.

Мы, какъ давнишніе жильцы, обязаны принять васъ, сударыня, въ этомъ домишкѣ. Покорнѣйше прошу садиться. Конечно, мы должны благодарить только бурю, что имѣемъ удовольствіе видѣть васъ

на этомъ проклятомъ островѣ. Я давно умолялъ о томъ небо, но признаюсь, никакъ не надѣялся, чтобы оно послало намъ такую...

Г-жа де Куланжъ.

Мольбы ваши не были услышаны; я преспокойно пріѣхала вчера на пакетботѣ, и вовсе не видала бурн. Но сегодня, смотря на море, очень радуюсь, что я уже на берегу.

Маркизь.

Донъ Жуанъ?...

Донъ Жуанъ.

По всему видно, что вы наша соотечественница, и пріѣхали сюда безъ сомнѣнія, изъ состраданія къ намъ, несчастнымъ изгнанникамъ.

Г-жа де Куланжъ.

О, нѣтъ, полковникъ, я не Испанка, но долго жила въ вашемъ прелестномъ отечествѣ.

Донъ Жуанъ.

Судя по вашему произношенію, и особенно по блеску вашихъ глазъ, мнѣиатурнымъ пожатіемъ, я бы готовъ былъ побориться, что вы Андалузка. Не правда ли, Ваше Превосходительство, что и вы приняли ихъ за Севильскую уроженку?

Г-жа де Куланжъ.

А я, слушая ваши привѣтствія, готова назвать васъ Парижанномъ, потому что въ трехъ словахъ вы сказали мнѣ три комплимента; но должна предварить васъ, что не люблю ихъ.

Донъ Жуанъ.

Ахъ! сударыня, вы вѣрно простите меня: я такъ давно уже не видалъ прелестной женщины!

Маркизь.

Донъ Жуанъ, я буду васъ ожидать въ своей комнатѣ.

(*Уходитъ.*)

Г-жа де Куланжъ.

Генераль, какъ видно, имѣетъ надобность поговорить съ вами.

Донъ Жуанъ.

О, пусть подождетъ! Я право не отка-

жусь отъ бесѣды съ молодою дамою для того, чтобы толковать о казармахъ и гауптвахтахъ со старымъ генераломъ. Можемъ ли мы надѣяться, сударыня, что вы еще не скоро уѣдете отъ насъ?

Г-жа де Куланжъ.

Я и сама не знаю. Похоронивъ мужа, я уѣхала изъ Польши, и ожидаю здѣсь моего дядю, который присоединится къ вашей арміи.

Донъ Жуанъ.

Такъ онъ военный?

Г-жа де Куланжъ.

Драгунскій полковникъ.

Донъ Жуанъ.

А котораго нумера его полкъ?

Г-жа де Куланжъ (въ сторону).

Я трепещу! (громко.) Три... четырнадцатаго, кажется.

Донъ Жуанъ.

Ахъ! такъ это Полковникъ Дюранъ, я служилъ съ нимъ. Но полкъ его былъ въ Голштиніи и недавно выступилъ въ Испанію.

Г-жа де Куланжъ.

Фамилія моего дяди де Турвиль... и теперь онъ находится, вѣроятно, при Главномъ Штабѣ... а тѣмъ полкомъ командовалъ прежде... или, можетъ быть, я ошиблась въ нумерахъ.

Донъ Жуанъ.

Вы оставили Испанію прежде, нежели Французы вторглись (одумавшись)... вступили въ нее, хотѣлъ я сказать?

Г-жа де Куланжъ.

Гораздо прежде. Французовъ теперь не очень жалуютъ въ Испаніи.

Донъ Жуанъ.

Но такихъ Француженокъ какъ вы, любить вездѣ, и я увѣренъ, что наши мятежники, какъ называете вы ихъ....

(Слышны голоса за сценою: Они тонуть! Они погибли!)

Донъ Жуанъ.

Ахъ, Боже мой! Какіе-то несчастные погибаютъ въ морѣ!

(Онъ и Г-жа де Куланжъ бѣгутъ къ окну).

Г-жа де Куланжъ.

Вотъ, вотъ шлюбка съ троици... Милосердый Господи! Какое ужасное волненіе!

Донъ Жуанъ.

Шлюбка разобьется въ дребезги о подводные камни, и они утонутъ, если не подадутъ имъ помощи! Но, видно, никто не отваживается....

Г-жа де Куланжъ.

О, если бы я была мужчиной!

Донъ Жуанъ.

Я спасу ихъ....

Г-жа де Куланжъ.

Остановитесь! остановитесь! Вы погибнете. Не ходите, умоляю васъ!

Донъ Жуанъ.

Можно ли оставаться спокойнымъ зрителемъ, когда видишь людей въ крайней опасности?

Г-жа де Куланжъ.

Но вы не морякъ.... Оставайтесь, заклинаю васъ именемъ Бога! Вы утонете вмѣстѣ съ ними, останьтесь, останьтесь здѣсь (она хватаетъ его за одежду. Донъ Жуанъ послѣшно скидаетъ мундиръ, оставляетъ его у нея въ рукахъ и бѣжитъ изъ комнаты.) Вы рѣшились умереть! Какую помощь можете вы подать имъ? (кричитъ съ окно.) Полковникъ! Полковникъ! Донъ Жуанъ!... Но онъ вскочилъ уже въ лодку.... за нимъ еще двое, такихъ же неустрашимыхъ людей. Несчастные! А волны выше домовъ!

(Входитъ Маркизъ).

Маркизъ.

Что тутъ такое? О чемъ столько шума?

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! Ваше Превосходительство.... Вашъ адъютантъ....

Маркизъ.

Что съ нимъ сдѣлалось?

Г-жа де Куланжъ.

Онъ бросился опрометью... не смотря на мои просьбы...

Маркизь.

Да гдѣ же онъ?

Г-жа де Куланжъ.

Вотъ, посмотрите.... Ахъ!

Маркизь.

Донъ Жуанъ! Донъ Жуанъ!

Г-жа де Куланжъ.

Господи! Какая страшная буря! А лодка у нихъ такая маленькая!

Маркизь (кричитъ въ окно).

Господа! Остановите лодку! Они стремятся на явную смерть! Вотъ, возьмите мой кониелекъ, но, ради Бога, постѣшите!

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! Опасность такъ велика, что никто не рѣшается.

Маркизь.

Какъ, трусы! Неужели вы дадите погибнуть своимъ товарищамъ передъ глазами вашими?... Ахъ! свѣтъ темнѣетъ въ глазахъ.... я ничего ужъ не вижу.... Скажите мнѣ, видите ли вы его?

Г-жа де Куланжъ.

О, все еще вижу. Они прилегли къ весламъ.

Маркизь.

Боже мой! Неужели онъ погибнетъ жертвою своего великодушія?

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! Они утонули! Праведное небо!

Маркизь.

Нѣтъ! Лодка Донъ Жуана еще держится на водѣ, но другая...

Г-жа де Куланжъ.

Не могу оторваться отъ этого ужаснаго зрѣлища, хоть оно убиваетъ меня!

Маркизь.

Ахъ! онъ исчезъ въ волнахъ!...

Г-жа де Куланжъ.

Я не вижу ужъ краснаго его шарфа!

Маркизь.

Несчастный! Что скажу я его матери?

Г-жа де Куланжъ.

У меня темнѣетъ въ глазахъ.... все вертится вокругъ.... (Она упадаетъ на окно).

Маркизь.

Онъ погибъ, погибъ невозвратно! Что будетъ съ матерью, которая ввѣрила мнѣ его? (Онъ бѣгаетъ взадъ и впередъ, какъ бѣшенный. Черезъ нѣсколько мгновеній слышны крики за сценою: Вотъ они! Вотъ они!)

Маркизь.

Они спасены!... Я вижу его!... Донъ Жуанъ! Донъ Жуанъ!... Сударыня... онъ живъ!

Г-жа де Куланжъ.

Какъ! Онъ не утонулъ?

Маркизь.

Вотъ ихъ лодка!... Они взяли къ себѣ людей и съ другой шлюбки.... Еще одно усилие, Донъ Жуанъ.

Г-жа де Куланжъ (махая платкомъ).

Мужайся, храбрый юноша, ты созданъ не для того, чтобы умереть здѣсь!

Маркизь.

Держи крѣпче руль, Донъ Жуанъ... Еще одинъ только валь... Не робѣй!...

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! я не могу держаться на ногахъ! (бросается на диванъ).

Маркизь.

Донъ Жуанъ!... Донъ Жуанъ!...

Крики за сценою.

Они спаслись!

Маркизь.

Ну, такъ, такъ... еще этотъ валь... онъ ужъ послѣдній... Побѣда! Онъ хватается за берегъ.... О, я умру съ радости!... Сударыня, сударыня, посмотрите же, какъ онъ несетъ на себѣ несчастнаго, котораго спасъ!... Вотъ истинное мужество! (Уходитъ).

Г-жа де Куланжъ.

Такъ вотъ каковъ этотъ Донъ Жуанъ!... О, я несчастная!... я полагала, что онъ малодушный волокита, а нахожу въ немъ

героя!... Ахъ! какъ онъ далекъ отъ того идеала, который представлялся моему воображенію!

(Входятъ: Донъ Жуанъ, несущій на рукахъ обмершаго Валлиса, Маркиза, Г-жа де Турвилъ, трактирщикъ и нѣсколько слугъ.)

Донъ Жуанъ.

Слава Богу!... О, какъ я счастливъ, что умѣю плавать! Ахъ! и вы здѣсь, сударыня; сдѣлайте милость, уступите намъ не много мѣстечка.

Трактирщикъ.

Ахъ! не замочите дивана.... подстелите подъ больного вотъ эту скатерть.

Донъ Жуанъ.

Великое дѣло твой диванъ!... Положимте страдальца полегоньку!

Маркизь (обнимая его).

Сынъ мой! Милый Жуанъ!

Трактирщикъ (слугамъ).

Приготовьте поскорѣ теплую постель, а я побѣгу за докторомъ. (Уходитъ.)

Донъ Жуанъ (Г-жѣ де Куланжъ).

Вѣрно, сударыня, у васъ есть нюхательный спиртъ; всѣ прелестныя женщины запасаются имъ.

Г-жа де Куланжъ.

Я сейчасъ принесу.

(Уходитъ).

Донъ Жуанъ.

Впрочемъ, опасности нѣтъ ни какой, онъ очень недолго былъ въ водѣ. Но посмотрите, Генераль, подъ этимъ дряннымъ камзолемъ такая рубашка съ манжетами.... Для Норвежскаго рыбака это чрезъ-чуръ щеголевато.

Маркизь (тихо).

Молчи, ради Бога.

Донъ Жуанъ.

А зачѣмъ?... Трите ему другой високъ и ладони.... Но какъ онъ крѣпко прижалъ руки къ груди!... Ага! маленькій медаліонъ на шнурочкѣ! О, тутъ вѣрно любовь....

Г-жа де Турвилъ,

А вотъ посмотримъ.

Маркизь (схватывая медаліонъ).

Постарайтесь лучше привести его въ чувство.

Г-жа де Куланжъ (входя со стеклянною).

Вотъ извольте. А, онъ начинаетъ дышать. Маменька, поддержите ему голову.

Г-жа де Турвилъ.

Его надобно повѣсить за ноги, чтобы вытекла вся вода, которою онъ захлебнулся.

Маркизь.

Конечно. Это самое вѣрное средство уморить его.

Валлисъ.

Гдѣ я?

Донъ Жуанъ.

У друзей, товарищъ. Ну, каково тебѣ?

Валлисъ (ощупывая свою грудь).

Гдѣ мой медаліонъ?

Донъ Жуанъ.

Въ добрыхъ рукахъ. У Маркиза ла Романи. Онъ возвратитъ его тебѣ, будь спокоенъ и выпей вотъ этого.

Валлисъ.

У Маркиза?

Донъ Жуанъ.

Пей, пей, пожалуйста.

Маркизь.

Отнесите больного на кровать Педро, моего камердинера.

Донъ Жуанъ (Г-жѣ Куланжъ).

Посмотрите, сударыня, посмотрите на этого бѣднаго матроса. Вы найдете въ немъ образецъ любовниковъ. Онъ крѣпко прижималъ къ груди своей маленькій медаліонъ, въ которомъ есть женскій портретъ. Ахъ! Покажите намъ его, Ваше Превосходительство.

Маркизь.

Прошу тебя, Донъ Жуанъ, уважь тайны этого молодого человѣка.

Донъ Жуанъ.

Я и на то согласенъ; но, за хлопоты мои, пусть же онъ самъ покажетъ когда нибудь ея портретъ; мнѣ очень хочется знать хороша ли она или нѣтъ.

Валлисъ.

Гдѣ тотъ, кому я обязанъ жизнью?

Всѣ.

Вотъ онъ, вотъ онъ!

Валлисъ.

О, дайте мнѣ руку.

Донъ Жуанъ.

Ступай, товарищъ, и постарайся уснуть; а какъ проснешься, я поподчиваю тебя настоящимъ хересомъ; это вино укрѣпитъ твои силы, и ты совсѣмъ забудешь о морской волѣ, которою угостила тебя буря. *(Всѣ уходятъ съ Валлисомъ, кромѣ Донъ Жуана и Г-жи де Куланжъ).*

Г-жа де Куланжъ.

Полковникъ...

Донъ Жуанъ.

Не знаю чего бы не далъ я, чтобы взглянуть на этотъ портретъ!

Г-жа де Куланжъ.

Не нахожу словъ, которыя могли бы выразить вамъ мое удивленіе...

Донъ Жуанъ.

О, помиуйте, это сущая бездѣлица для всякаго, кто умѣетъ плавать, какъ я. То же самое сдѣлалъ бы всякій другой на моемъ мѣстѣ, но я откровенно долженъ признаться, что такъ искусно нырять мнѣ отроду еще не удавалось. Откуда берется сила въ такія мноты!

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! Полковникъ... я не могу удержаться... позвольте обнять васъ...

Донъ Жуанъ.

Какое благополучіе! Я желалъ бы, чтобы всякій день кто нибудь тонулъ передъ нашими окнами. *(Обнимаетъ ее).*... Это за одного... но вѣдь въ лодкѣ, которую мы спасли, были трое...

Г-жа де Куланжъ.

Отъ всей души... и еще... О, я совсѣмъ съ ума сошла!... Но никогда не была я такъ тронута. *(Плачетъ).*

Донъ Жуанъ.

Что съ вами? Вы пугаете меня! Лицо у васъ блѣднѣе, чѣмъ у нашего уопленника!

Г-жа де Куланжъ.

О это пройдетъ... но я не въ состояніи удержаться отъ слезъ... Ахъ! я совсѣмъ сошла съ ума.

Донъ Жуанъ.

Ахъ, да... а гдѣ же мой мундиръ? Вѣдь я оставилъ его у васъ въ рукахъ, какъ Юсифъ Прекрасный...

Г-жа де Куланжъ.

Позаботьтесь лучше о себѣ... скпните поскорѣ мокрое платье... умоляю васъ...

Донъ Жуанъ.

Но сперва позвольте проводить васъ до вашихъ комнатъ... а послѣ могу ли я прийти къ вамъ?...

Г-жа де Куланжъ.

Разумѣется... во всякое время. *(Она уходитъ, опершись на руку Донъ Жуана и приложивъ платокъ къ глазамъ).*

Донъ Жуанъ *(возвращаясь).*

Интрижка началась прекрапо... Все тутъ есть... и спасенный уопленникъ и тайна, которую мнѣ откроютъ... Нечего сказать, можно пріятно окончить день. Женщина эта прелестна и, кажется, очень добра. Люди откровенные, у которыхъ сердце на языкѣ, по мнѣ сущій кладъ! Однако жъ, въ самомъ дѣлѣ пора пересодѣться... меня ужъ принимаетъ дрожь. *(Хочетъ уйти, но встрѣчается съ Маркизомъ).*

Маркизь.

Теперь мы одни, Донъ Жуанъ. Ты храбрый Испанецъ. Я открою тебѣ мои тайны.

Донъ Жуанъ.

Говорите, говорите, Генераль, я горю

петерпѣиємъ. (*Въ сторону*). И умираю
отъ холода.

Маркизь.

Знаешь ли кого ты спасъ?

Донъ Жуанъ.

Рыбака.... можетъ быть, контрабанди-
ста.

Маркизь.

Англійскаго Лейтенанта, посланнаго Ад-
мираломъ съ того поста, съ которымъ я
недавно вошелъ въ сношенія.

Донъ Жуанъ.

А, теперь понимаю.... Bravo.... Нако-
нецъ все объяснилось! О какъ это ми-
ло!... И великодушный Адмиралъ, можетъ
быть, избавить насъ отъ этого дѣвольскаго
острова?

Маркизь.

И отправитъ насъ въ Испанію.

Донъ Жуанъ.

Испанія! Милая Испанія! Я опять могу
видѣть тебя!

Маркизь.

И защищать, Донъ Жуанъ!

Донъ Жуанъ.

Умереть за нее, за свободу! О! Смерть
будетъ мнѣ сладка на берегу Ипанія. Но,
какимъ же образомъ возьмемъ мы съ со-
бою весь нашъ отрядъ?

Маркизь.

Всѣ наши солдаты послѣдуютъ за нами.
Все предусмотрено: Англійскій флотъ
броситъ якорь въ этомъ заливѣ, прежде
нежели Князь Понте-Корво въ состояніи
будетъ прибѣжать съ своими Французами
и помѣшать нашему предпріятію.

Донъ Жуанъ.

А другіе гарнизоны на здѣшнемъ остро-
вѣ?...

Маркизь.

У насъ есть оружіе.

Донъ Жуанъ.

И мы употребимъ его въ дѣло?... Пре-
красно!... Однако жъ это лишитъ меня
лавровъ за сегодняшнюю мою побѣду...

Маркизь.

Донъ Жуанъ, возможно ли думать объ
этихъ пустякахъ въ такія минуты?

Донъ Жуанъ.

А почему жъ и не думать, Генераль?..
Сперва отечество, потомъ.... немножко
любви.... для развлечения.

Маркизь (*улыбаясь*).

Ты шалунъ, но храбрый малый. Послу-
шай, я вскорѣ намѣренъ испытать твое
усердіе къ службѣ.

Донъ Жуанъ.

Объ этомъ я давно прошу васъ, Гене-
раль! И вы увидите, хотя и люблю я по-
шутить и посмѣяться, однако для какой
нибудь интиги никогда не забуду о чести
и отечествѣ.

Маркизь.

Я знаю тебя, благородный молодой че-
ловѣкъ! Радостная для насъ нинута не
далека уже: если вѣтеръ не перемѣнит-
ся, то черезъ нѣсколько дней мы оставимъ
эту тюрьму.

Донъ Жуанъ.

Вы восхищаете меня! Но оправляется
ли нашъ Англичанинъ?

Маркизь.

Благодаря твоимъ попеченіямъ, онъ со-
общилъ уже мнѣ важныя извѣстія. Ты
проводишь его до эскадры и привезешь
мнѣ послѣдній отвѣтъ Адмирала.

Донъ Жуанъ.

Располагайте мною, какъ угодно. Такъ
въ медаліонѣ были письма отъ Адмирала,
а не портретъ любовницы?

Маркизь.

Разумѣется. А ты хотѣлъ, чтобы я рас-
крылъ его при всѣхъ!

Донъ Жуанъ.

Бѣдняжка! Онъ крѣпко держалъ этотъ
медаліонъ въ рукахъ, даже и въ безпа-
мятствѣ. Помните ли, что первый его
вопросъ былъ о медаліонѣ?

Маркизь.

И этотъ храбрый человѣкъ подвергалъ
себя безславной смерти въ такомъ пред-
пріятіи, которое не очень важно для его

Правительства. Какимъ же мужествомъ должны воспламениться мы, когда стремимся мстить за родину, угнетенную низко измѣною, и сражаться за дѣло, которое всего дороже честному человѣку?

Донъ Жуанъ.

Надѣюсь, что нѣкогда будутъ говорить о насъ!

Маркизь.

О, пусть потомство забудетъ наши имена, лишь бы только оно воспользовалось плодами нашихъ усилій! Донъ Жуанъ, будемъ творить добро для добра, а послѣ возблагодаримъ Небо, если оно и для насъ пошлетъ Гомера!

СУТКИ ВТОРЫЯ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Комната Г-жи де Куланжъ въ трактирѣ Трехъ Коронъ).

Г-жа де Турвиль, и Г-жа де Куланжъ.

Г-жа де Турвиль.

Ты, право, совсѣмъ ряхнулась! Что онъ удачно нырнулъ, такъ ужъ у тебя всѣ планы, всѣ мысли перевернулись вверхъ дномъ! Умѣешь плавать и нырять! Да что жъ тутъ удивительнаго? Учился, такъ и выучился, а караси и окуни ныряютъ еще лучше его.

Г-жа де Куланжъ.

Но онъ спасъ человѣка, котораго совсѣмъ не зналъ! А всѣ говорятъ, что здѣсь очень опасно!

Г-жа де Турвиль.

Опять таки повторяю, что Донъ Жуанъ хорошо плаваетъ, и пожалуй, прибавлю, что онъ человѣкъ отважный, да тебѣ что за дѣло до этого?... Разсказывай-ка поскорѣе, что успѣла ты сдѣлать?

Г-жа де Куланжъ

Ровно ничего.

Г-жа де Турвиль.

Не хотя подумаешь, что ты влюбилась

въ этого черномазаго офицера, который плаваетъ какъ утка! Ты ослѣплена, другъ мой. Ты ничего не замѣтила, а я такъ съ перваго взгляда открыла заговоръ.

Г-жа де Куланжъ.

Заговоръ? Ты вездѣ видишь заговоръ.

Г-жа де Турвиль.

Да ужъ лучше во всемъ видѣть заговоры, нежели не видать ихъ тамъ, гдѣ они дѣйствительно составляются. А извѣстно ли тебѣ, что за каждое открытіе заговора, кромѣ жалованья, всегда даютъ награжденіе? Ну, скажи-ка, примѣтила ли ты, что утопавшій былъ въ батистовой рубашкѣ?

Г-жа де Куланжъ.

Дѣло очень обыкновенное.

Г-жа де Турвиль.

Обыкновенное?... Да осталась ли въ тебѣ хоть искра разсудка? Батистовая рубашка съ манжетами! Повторять ли еще разъ: Батистовая рубашка, а?... Это нить ужаснаго заговора. Тутъ есть за что повѣсить человѣкъ двадцать!

Г-жа де Куланжъ.

Ты очень проникательна.

Г-жа де Турвилль.

А ты слишкомъ ужь глупа! Какъ? И тебѣ не приходитъ въ голову, что этотъ человекъ шпионъ или Шведскій, или Англійскій, или Русскій? Но всего вѣрнѣе, что онъ Англичанинъ, потому что такой батистъ носятъ только Англичане. Это довольно ясно.

Г-жа де Куланжъ.

Ясно!

Г-жа де Турвилль.

Да вотъ и еще доказательство: на камзолѣ у него видѣла я одну пуговицу съ якоремъ, следовательно, онъ съ Англійскаго корабля.

Г-жа де Куланжъ.

Всѣ моряки носятъ такія пуговицы.

Г-жа де Турвилль.

Какая же ты недогадливая! А медалионъ?... Адьютантъ очень искусно прикидывался вѣтренникомъ и мастерски разыгрывалъ свою роль, какъ будто добиваясь, чтобы ему показали женскій портретъ. Онъ тонкій плутъ! И съ какою торпливостію спряталъ медалионъ генерала! Никто не успѣлъ даже взглянуть на него!

Г-жа де Куланжъ.

Не спору, что тутъ, можетъ быть, скрывается тайна, но какая нибудь пуговица, батистовая рубашка и прочія бездѣлки, кажется, не могутъ объяснить ее.

Г-жа де Турвилль.

Бездѣлки? Бездѣлки?... Ахъ! Элиза, въ нашихъ дѣлахъ нельзя ничѣмъ пренебрегать. Знаешь ли, что жареный цыпленокъ открылъ мнѣ тайное убежище Генерала Пингрю, и, не хвастаясь, скажу, что это открытіе принесло мнѣ много чести, не говоря уже о денежной прибыли. Вотъ какъ было дѣло: Отецъ твой, Капитанъ Лебланъ, былъ еще живъ, и тогда возвратился изъ похода; у него велись денежки; мы жили открыто. Но разъ какъ-то не достало у насъ жаренаго цыпленка. Я побѣжала къ знакомому ресторатору. «Ахъ! сударыня,» сказалъ онъ

мнѣ, «очень жалѣю, что не могу удовлетворить вашего желанія; сейчасъ только продалъ послѣдняго цыпленка.» Я знала наперечетъ весь кварталъ, и мнѣ захотѣлось узнать, кто купилъ у него? «Такой-то,» отвѣчалъ рестораторъ, и нынче онъ начинаетъ жить по-барски, потому что три дня уже сряду кушаетъ за обѣдомъ жареныхъ птицъ.» А замѣть, что именно три дня прошло съ того времени, какъ мы потеряли слѣды Генерала Пингрю. Мнѣ тотчасъ пришло это въ голову, и я подумала, про себя: постой же сосѣдъ, не даромъ родился у тебя аппетитъ къ завитымъ птичкамъ! На другой день я опять отправилась къ ресторатору и, съ намѣреніемъ купила у него сырыхъ куропатокъ, чтобы подолѣе потолковать съ поваренкомъ, покуда онѣ жарятся. А тутъ, на мое счастье, явился и новый лакомка-сосѣдъ, и купилъ преогромную жареную индѣйку. «У васъ, какъ видно, славный аппетитъ,» сказала я ему, «вѣдь этого достанетъ для двоихъ на цѣлую недѣлю.» А онъ, прищуривъ глазъ, отвѣчалъ: «Въ томъ-то и дѣло, что я одинъ ѣмъ за двоихъ.» Французъ лучше позволить себя повѣсить, чѣмъ упустить случай сказать острое слово. Я посмотрѣла на него очень пристально, онъ отвернулся, взялъ индѣйку и ушелъ. Съ меня довольно было и этого, я знала о прежнемъ его знакомствѣ съ Пингрю. Однимъ словомъ, за хорошую плату, онъ выдалъ намъ Генерала, а на мою долю досталось шесть тысячъ франковъ награжденія.

Г-жа де Куланжъ.

О! ты очень догадлива; но у меня совсемъ нѣтъ такой способности.

Г-жа де Турвилль.

Дѣлай какъ хочешь, а я умываю руки! Если награда достанется другому, если государство потеритъ вредъ, не моя ужь будетъ вина!

Г-жа де Куланжъ.

Но Дюпъ Жуанъ такъ...

Г-жа де Турвиль.

А хочешь ли, я скажу каковъ онъ? Онъ страстный дамскій поклонникъ, и если бы у тебя было столько разсудка какъ у меня, то ты получала бы отъ Полковника славный доходъ. Онъ Маркизь и, по разсказамъ слугъ, золоту у него и счета нѣтъ.

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ, Боже мой! Какъ я устала! Я не спала всю ночь ни на волосъ!

Г-жа де Турвиль.

Донъ Жуанъ отважный волокита. Ахъ, другъ мой, если бы я была такъ же хороша собою, какъ ты, то, право, жила бы въ полномъ раздольѣ. Да и какія у тебя хлопоты? Что сдѣлала бы ты безъ меня? Вѣдь я же должна рыскать вдоль и поперекъ, чтобы пригнать дичину къ дочкѣ, а ей стоитъ только наклониться, взять эту дичину и сказать спасибо за деньги, которыя выручатся за нее.

Г-жа де Куланжъ (иронически).

Не говоря уже о чести...

Г-жа де Турвиль.

Э, вздоръ какой! Да стоитъ ли думать объ этомъ? Люди и незнатнѣ насъ занимаются гораздо худшими ремеслами.

Горничная (входя).

Полковникъ Донъ Жуанъ Диасъ спрашиваетъ, можете ли принять его?

Г-жа де Турвиль.

Разумѣется, проси. Вотъ что значить имѣть смазливое личико! Хорошенькой женщинѣ и хлопотать не о чемъ. Ей стоитъ только показаться, и всѣ бѣгутъ за нею толпами!

Донъ Жуанъ (входя).

Прошу извинить, что являюсь къ вамъ только по праву сосѣда. Эту смѣлость внушило мнѣ желаніе освѣдомиться, не пострадало ли ваше здоровье отъ вчерашней суматохи.

Г-жа де Куланжъ.

Правда, что я была очень разстроена,

но, признаюсь, никогда еще не случилось со мною такой пріятной тревоги..

Г-жа де Турвиль (въ сторону).

Хорошо сказано. (Громко.) Сдѣлайте одолженіе, Полковникъ, садитесь.

Г-жа де Куланжъ.

Вы, благодаря Бога, кажется, нисколько не пострадали... а несчастный, котораго вы спасли?..

Донъ Жуанъ (спль).

Онъ бодръ и веселъ, и даже поговариваетъ, что ему ужъ пора отправляться за сельдями... Однако вы, сударыня, какъ видно, все еще не здоровы.... Мнѣ такъ совѣстно, что вчера я принесъ умирающаго прямо туда, гдѣ вы сидѣли... Но въ попыхахъ не вдругъ соберешься съ разсудкомъ...

Г-жа де Куланжъ.

Кто же могъ бы обвинить васъ въ этомъ, видя, что вы подвергали себя явной смерти?... Но я чувствую себя совершенно здоровою.

Г-жа де Турвиль (въ сторону).

Она мастерски притворяется влюбленною! (громко.) А о своемъ здоровьѣ, послѣ неосторожнаго вашего поступка, вы ничего не говорите, Полковникъ? Ахъ! молодой человекъ, молодой человекъ! Да, правда, они и всѣ таковы!

Г-жа де Куланжъ (тихо).

Г-жль де Турвиль).

Всѣ?

Донъ Жуанъ.

Выкупавшись порядкомъ въ морской водѣ, въ такое время года, я проспала всю ночь какъ нельзя лучше.

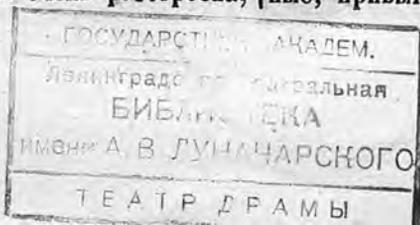
Г-жа де Турвиль.

Дочь моя безпрестанно твердила о вашей отважности, и опасалась не простудилась ли вы.

Донъ Жуанъ.

О, какъ я счастливъ, что былъ предметомъ такой заботливости! Но мы, военные, привыкли къ холодной водѣ.

Кн. XIII — 3.

Г-жа де Турвиль.

Можетъ быть, вы знавали двухъ моихъ сыновей, отличавшихся по службѣ? Старшій изъ нихъ Генераль де Турвиль, а младшій Полковникъ Августъ Турвиль?

Донъ Жуанъ.

Къ стыду долженъ признаться, что слышу ихъ имена въ первый еще разъ... Но я такъ рѣдко читаю бюллетени!...

Г-жа де Турвиль.

И совершенно правы. Тамъ только кровь одна, кровь и ничего болѣе. Ахъ! Полковникъ, какъ я опасаясь, чтобы и моихъ дѣтей не послали въ Испанію; это чрезвычайно огорчило бы насъ! Война тамъ такая несправедливая!...

Донъ Жуанъ (*ничего не отвѣчая, играетъ съ своимъ шарфомъ*).

Г-жа де Куланжъ.

Вы сказывали мнѣ кажется, что долго жили въ Севильѣ?

Донъ Жуанъ.

По крайней мѣрѣ столько, что древній этотъ городъ и благородные его жители навсегда останутся въ моей памяти. Вы, сударыня, напоминаете мнѣ собою всѣ прелести Севильскихъ дамъ.

Г-жа де Турвиль.

Такъ ваша Юнта въ Севильѣ? О! народъ тамъ прехрабрый! Это Римляне время Юлія Цесаря!

Г-жа де Куланжъ.

Полковникъ, вы вѣрно любите музыку? И какъ Испанецъ, безъ сомнѣнія, играетъ на гитарѣ. О, какъ желала бы я послушать вашей игры, если только это не наведетъ на васъ скуки.

Донъ Жуанъ.

Могу ли я скучать тѣмъ, что васъ занимаетъ? Но, скромность въ сторону, я играю на гитарѣ не лучше сколько нужно, чтобы дать иногда серенаду или аккомпанировать наши простые Испанскіе романсы. А вы, сударыня, какъ Францу-

женка, конечно, любите только большія оперныя аріи?

Г-жа де Куланжъ.

О, совсѣмъ нѣтъ. Ваши меланхолическія аріи нравятся мнѣ гораздо болѣе, нежели безхарактерная музыка, которую восхищаются только потому, что она въ модѣ.

Г-жа де Турвиль.

Ваша музыка гонитъ меня вонъ; извините, Полковникъ. (*Тихо Г-жѣ Куланжъ*). Случай очень хорошъ, воспользуйся имъ.

(*Она уходитъ*).

Донъ Жуанъ.

Вы любите Испанскіе романсы? Не потрудитесь ли спѣть какойнибудь?

Г-жа де Куланжъ.

Но, можетъ быть, это возбудитъ въ васъ тоску по родинѣ.

Донъ Жуанъ.

Къ моему счастью, пѣвица удержитъ дѣйствіе музыки въ совершенномъ равновѣсіи съ моими чувствами.

Г-жа де Куланжъ.

Здѣсь разные романсы, выберите которыйнибудь.

Донъ Жуанъ.

Вотъ этотъ, котораго вижу я только одно заглавіе; онъ долженъ быть изъ старыхъ.

Г-жа де Куланжъ (*въ сторону*).

Ахъ! что онъ выбралъ!

Донъ Жуанъ.

Рыцарь, влюбленный въ Мавританку, это былъ любимый сюжетъ прежнихъ стихотворцевъ.

(*Г-жа де Куланжъ поетъ, а Донъ Жуанъ аккомпанируетъ ей на гитарѣ*).

Романсъ.

«Храбрый рыцарь Алваръ родился въ Саморѣ. Коня его звали *Аквилономъ*, а мечъ *кладенцемъ*. Онъ истребилъ многое множество Мавровъ, но самъ никогда не былъ побѣждаемъ ни на поединкахъ, ни въ сраженіяхъ, а покорился парѣ прелестныхъ глазъ.

Очаровательные глаза Собеиды, дочери Алкайда Кордуанскаго! Алваръ бросилъ мечъ, оставилъ коня на лугу, взялъ гитару, сѣлъ на чернаго бѣлоногаго мула, прѣхалъ къ Алкасарскому дворцу, и сказалъ Собеидѣ: «Я люблю тебя, сядь позади меня и поѣдемъ въ Самору.»

Собеида, вздохнувъ, отвѣчала ему: «Прелестный рыцарь, и я люблю тебя, но мой Богъ Алахъ, а твой Христосъ. Говорю тебѣ истину: скоро умру я, ты поразилъ меня въ сердце. Но женою твоею быть не могу потому, что я Мавританка, а ты Христианинъ.»

Добрый рыцарь сѣлъ опять на мула, возвратился въ Самору, свою родину, и роздалъ все свое имущество бѣднымъ. Упокой, Господи, душу брата Хаима, въ монастырѣ Святаго Инниго! И онъ скончался въ святости, но съ сердцемъ, растерзаннымъ любовію, оттого, что Собеида была Мавританка, а онъ Христианинъ.»

Г-жа де Куланжъ *(печально)*.

Что вы думаете объ этомъ романсѣ?

Донъ Жуанъ.

Прелестно, несравненно снѣли вы его! Жаль, что не издано въ Испаніи закона, которымъ запрещалось бы удаляться отъ свѣта всѣмъ сумасшедшимъ, кромѣ сумасшедшихъ отъ любви. Тогда уменьшилось бы число монастырей, а остальные подавали бы о насъ хорошее мнѣніе иностранцамъ.

Г-жа де Куланжъ.

Нравятся ли вамъ слова романа?

Донъ Жуанъ.

Столько же, какъ и всѣхъ другихъ старыхъ нашихъ романсовъ. Вотъ глупые нравы блаженной старины! Алваръ этотъ былъ просто дуракъ! Почему онъ не сдѣлался ренегатомъ, а разстался съ Собеидою?

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! Мало ли встрѣчается препятствій къ соединенію людей, которые рождены любить другъ друга!

Донъ Жуанъ.

Да что же можетъ разлучить ихъ? Различіе въ языкѣ, вѣроисповѣданіи?

Г-жа де Куланжъ.

Найдутся и другія причины.

Донъ Жуанъ.

Но какія же, позвольте спросить?

Г-жа де Куланжъ.

Напримѣръ....

Донъ Жуанъ.

А вотъ примѣра-то вы и не прищтите! О, скажите, ради Бога, рѣшились ли бы вы отказаться отъ отечества и послѣдовать за... за супругомъ.... который заслужилъ бы вашу любовь?

Г-жа де Куланжъ.

Безъ сомнѣнія, это долгъ супруги. Но....

Донъ Жуанъ *(въ восторгѣ)*.

Но?...

Г-жа де Куланжъ.

.... Я не выйду снова замужъ. *(Силась улыбнуться)*. Быть вдовою такъ приятно....

Донъ Жуанъ *(въ сторону)*.

Чортъ побери плаксивый романсъ.

Г-жа де Куланжъ.

Не заняться ли намъ опять музыкой?

Донъ Жуанъ.

Я опасюсь утомить васъ, сударыня, и замѣчаю, что посѣщеніе мое.... слишкомъ продолжительно....

Г-жа де Куланжъ.

Повѣрьте, Полковникъ, что я всегда съ величайшимъ удовольствіемъ.... Но.... *(Въ сторону)*. О что мнѣ сказать ему, чтобы онъ не попался въ силки, которые разставлены для него?...

Горничная *(входя)*.

Маркизь ла Романья проситъ Г-на Полковника къ себѣ.

Донъ Жуанъ.

Генералу жертвую всѣмъ... такого же правила держался и рыцарь Донъ Алваръ...

Позвольте ли, сударыня.... (Цѣлуетъ руку у Г-жи Куланжъ и уходитъ).

Г-жа де Куланжъ (своей горничной).

Разшнуруй меня, я задыхаюсь!
(Объ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

МОРСКОЙ БЕРЕГЪ.

(Ночь).

(Донъ Жуанъ, Валлисъ; матросы въ глубинѣ театра готовятъ шлюпку; часовой прохаживается передъ трактиромъ).

Валлисъ.

Посмотрите, корветъ подошелъ къ намъ поближе. Онъ поднимаетъ фонарь на марсъ.

Донъ Жуанъ.

Вижу что-то.... корветъ не далѣе одной мили отъ насъ.

Валлисъ.

У васъ не морской глазъ;—они, напротивъ, гораздо ближе, чѣмъ вы думаете; на морѣ разстоянія обманчивы. Не пройдетъ и часу, какъ я высажу васъ опять сюда, на берегъ. Эй, ребята, хорошо ли вы обернули холстомъ весла?

Матросъ.

Крѣпимъ, лейтенантъ; отъ нихъ будетъ шуму менѣе, чѣмъ отъ утиныхъ лапокъ.

Валлисъ.

Когда будемъ проходить мимо батгарен, то вы прилягте къ весламъ, и если насъ станутъ окликать, не отвѣчайте ни полслова.

Донъ Жуанъ.

О, не безпокойтесь! Контрабандисты каждую ночь проходятъ мимо крѣпости, и никто ихъ не примѣчаетъ. (Г-жа де Куланжъ выходитъ на трактирный балконъ).

Донъ Жуанъ.

Ахъ!

Валлисъ (тихо).

Кто-то за нами подсматриваетъ. Отвѣдимъ поскорѣе.

Донъ Жуанъ.

Не опасайтесь. Кто насъ узнаетъ? (Часовому). Ты не смѣнись съ караула покуда я ворочусь?

Часовой.

Слушаю съ, Полковникъ.

Г-жа де Куланжъ (не видя ихъ, поетъ).

«Но я Мавританка, а ты Хрстіанинъ.»

Донъ Жуанъ (тихо).

Ужъ какъ не кстати этотъ припѣвъ!

Валлисъ (тихо).

Скорѣе, чортъ возьми! Видите, что тутъ плохо.

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ! И вечерняя прохлада не уменьшаетъ любви, которая жжетъ меня! (Примѣтивъ Донъ Жуана). Ахъ! что это за люди?

Валлисъ.

Полковникъ! Да что за дьявольщина! Зачѣмъ вы стоите передъ балкономъ, вытянувшись какъ струнка? Боже мой! кто-то идетъ съ этой стороны; насъ вѣрно хотятъ схватить! Не говорите ни слова.

(Г-жа де Турвиль входитъ съ горничною).

Г-жа де Куланжъ (тихо Донъ Жуану).

Бѣгите отсюда, кто бы вы ни были.

(Поспѣшно уходитъ).

Г-жа де Турвиль.

Ахъ! Господи! Какіе-то люди передъ трактиромъ!... Но, къ счастью, вотъ и часовой, онъ не дастъ насъ въ обиду.... и дочь моя была на балконѣ....

(Идетъ къ шлюпкѣ).

Валлисъ.

Стой! Мы контрабандисты, и если вы намъ не помѣшаете, то получите табаку.

Г-жа де Турвиль (продолжая подходить).

Такъ у васъ есть табакъ? я охотно куплю его.

Валлись.

Вамъ принесутъ на домъ. Но не подходите ближе. Отваливай!

(Шлюпка удаляется).

Г-жа де Турвиль.

Этотъ годось мнѣ знакомъ. Но, другой кто, въ такомъ огромномъ плащѣ?... Часовой и ухомъ не ведеть!... Престранно! Но я узнаю, что это значить.

(Уходитъ съ горничною въ трактиръ).

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната Г-жи де Куланжъ.)

Г-жа де Куланжъ, Г-жа де Турвиль.

Г-жа де Турвиль.

Что ни толкуй, а это былъ онъ.

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ, говорю тебѣ. Развѣ ты не видала, что это контрабандисты?

Г-жа де Турвиль.

Пусть по твоёму! но я не лягу спать и дождусь ихъ.

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! маменька, ты захворашь. Лучше же я подожду за тебя.

Г-жа де Турвиль.

Нѣтъ, нѣтъ. Ты ложись. У тебя можетъ испортиться цвѣтъ лица, а мнѣ ужъ нечего объ этомъ заботиться, и къ тому же я не хочу, чтобы кто нибудь другой мѣшался въ это дѣло. Ставень не открывай, чтобы не видали у насъ огня.

Г-жа де Куланжъ.

Но они воротятся, можетъ быть, не прежде двухъ или трехъ дней.

Г-жа де Турвиль.

Не безпокойся. Если эти люди тѣ самыя, за какихъ я считаю ихъ, то они будутъ здѣсь еще до восхожденія солнца. Генераль очень встревоженъ съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали... Прошлую ночь онъ совсѣмъ не спалъ, а все прохажи-

вался по комнатѣ. Тутъ что нибудь да кроется. Но, предоставь уже мнѣ управиться съ ними; они никакъ не ускользнуть изъ моихъ рукъ.

Г-жа де Куланжъ.

Чѣмъ мучить себя бессонницей, не лучше ли спросить у трактирщика, отлучался ли кто нибудь изъ постояльцевъ сегодня вечеромъ?

Г-жа де Турвиль.

Какая же ты глупенькая! Трактирщика они, разумѣется, подкупили... можетъ быть... и какъ беззаботны эти люди! Сегодня у Французскаго Резидента я играла съ Испанцами въ бульотъ, и всѣхъ ихъ обобрали до-чиста. Такихъ простаконъ не скоро найдешь!— Но ложись же спать. Ты меня тревожишь. Знаешь ли, что ужъ второй часъ?

Г-жа де Куланжъ.

Да мнѣ не уснуть, покуда ты не ляжешь.

Г-жа де Турвиль.

Ну, какъ хочешь. У Генерала есть еще огонь, посмотри какъ отражается свѣтъ на водѣ. Очень хотѣлось бы мнѣ отворить дверь на балконъ, да не смѣю.

Г-жа де Куланжъ.

Отвори, пожалуйста. Свѣжій воздухъ облегчитъ мою головную боль.

Г-жа де Турвиль.

Но, старая лисица тотчасъ догадается. Послушай-ка: онъ опять ходитъ. (Г-жа де Куланжъ роняетъ стулъ). Чортъ тебя поberi! какая ты неосторожная!

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! какъ я ушибла себѣ ногу!

Г-жа де Турвиль.

Молчи, нѣженка!

Г-жа де Куланжъ.

Ой! какъ мнѣ больно! ай! ай!

Г-жа де Турвиль.

Что это за свѣтъ, тамъ на морѣ?

Г-жа де Куланжъ.

Вѣрно отъ маяка.

Г-жа де Турвиль.

А я думаю, что это тотъ корабль, подъ Гамбургскимъ флагомъ, который уже нѣсколько дней крейсируетъ передъ входомъ въ Бельтъ.

Г-жа де Куланжъ.

Да тебѣ что за дѣло до Гамбургскаго корабля?

Г-жа де Турвиль.

Гамбургскаго? Въ томъ-то и бѣда, что онъ не Гамбургскій.

Г-жа де Куланжъ.

У тебя всегда престранныя догадки. Я ни за что не согласилась бы обременять такъ свою совѣсть.

Г-жа де Турвиль.

Совѣсть? Ты смѣшишь меня со своею совѣстію. Ужъ не собираешься ли идти въ монахини? Посмотри: теперь два фонаря на кораблѣ, но свѣтъ отъ нихъ очень слабый. Ода, это очень любопытно!

Г-жа де Куланжъ (въ сторону).

Какое несчастье! (громко). Такъ ты знаешь и морскіе сигналы?

Г-жа де Турвиль.

А у Генерала свѣтъ исчезъ... Брависсимо!

Г-жа де Куланжъ.

Онъ легъ спать. Онъ поумиѣ насъ.

Г-жа де Турвиль.

Думай, простушка, что онъ спитъ? — Вотъ опять появился у него огонь. Не скажешь ли, что онъ задулъ свѣчку, но она опять разгорѣлась сама собою, какъ это иногда случается? Три фонаря на кораблѣ!... А съ нашей стороны совершенное затмѣніе... Опять показалась свѣча у Генерала... Понимаемъ, господинъ Маркизь! Какъ ты блѣдна! Вѣдь я говорила, что тебѣ не здорово такъ долго не спать. Лягъ, Лизанька; счастье придетъ

къ тебѣ во время сна, потому что наше счастье уже готово.

Г-жа де Куланжъ

О, пора, давно пора намъ быть счастливыми!

Г-жа де Турвиль.

Да, если бы мы были въ Парижѣ, то теперь неслись бы по улицамъ въ каретѣ, а здѣсь мерзнемъ въ глуши! Но потерпи немножко... Только одинъ фонарь на кораблѣ!

Г-жа де Куланжъ.

Ну, теперь пойдемъ спать.

Г-жа де Турвиль.

А совѣсть моя? Нѣтъ, нѣтъ, я должна дожидаться ихъ, и до тѣхъ поръ совѣсть моя не успокоится. Миѣ нужны доказательства... и ихъ привезетъ шлюпка. Я сейчасъ же побѣжала бы къ Резиденту... но это ни къ чему не послужитъ... Онъ такъ глупъ! Нѣтъ, сама напишу къ Князю.

Г-жа де Куланжъ.

Голова у меня вся какъ въ огнѣ!

Г-жа де Турвиль.

Когда воротимся во Францію, сдѣлаемъ славный оборотъ Остъ - Индскими холстинками. Стоитъ только подарить на одно или два платья женѣ директора таможи, такъ можно будетъ провезть безъ пошлины все, что угодно.

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! если бы мы всегда занимались одною только контрабандою!

Г-жа де Турвиль.

Надобно брать объими руками. Хотѣлось бы миѣ знать, какъ поживаетъ твой братъ Карль. Вотъ ужъ болѣе двухъ лѣтъ онъ не писалъ къ намъ.

Г-жа де Куланжъ.

Да, вѣдь ты знаешь его, и дала ему такое воспитаніе, что онъ едва умѣетъ писать!

Г-жа де Турвиль.

Не бѣда! Карль молодець и пойдетъ

далеко, если его не остановить на дороге пушечное ядро. Полковникъ его говоритъ, что у Карла сердце львиное. Онъ всегда первымъ тамъ, гдѣ надобно нанести или принимать удары.

Г-жа де Куланжъ.

И дѣлать зло (въ сторону). Какъ его еще нѣтъ здѣсь!

Г-жа де Турвилль.

Карлъ весь въ отца своего, Леблана, который служилъ капитаномъ въ колонновожатыхъ, и храбро умеръ на полѣ чести. Одинъ поручикъ, сослуживецъ его, рассказывалъ мнѣ, что у отца твоего насчитали шестнадцать сабельныхъ ранъ на одной головѣ.

Г-жа де Куланжъ.

Какой ужасъ!

Г-жа де Турвилль.

Я всегда любила храбрыхъ людей. Первый изъ моихъ поклонниковъ былъ Генералъ, уѣхавшій послѣ въ Америку... но тамъ дикіе изжарили его и съѣли.

Г-жа де Куланжъ.

О милосердый Боже!

Г-жа де Турвилль.

Не могу также забыть одного Государственнаго Совѣтника, отъ котораго начала я по двѣнадцати тысячъ франковъ въ годъ. Разъ какъ-то, при мнѣ, онъ поссорился съ молоденькимъ Конно-егерскимъ подпоручикомъ, и тотъ далъ ему двѣ пощечины. Я никакъ не могла утерпѣть; бросила богача и отдалась Подпоручику, хотя у него не было ни гроша. О если бы я была мужчиной, то вѣрно была бы въ военной службѣ.

Г-жа де Куланжъ.

Ну, вотъ и до сихъ поръ никто не показывается, не говорила ли я тебѣ...

Г-жа де Турвилль.

Да еще рано... Ахъ! посмотри-ка: что то чернѣется на морѣ. Шлюпка ли это

или китъ? Закрою ставни поплотнѣе... Ну, что скажешь, Элиза?

Г-жа де Куланжъ.

Будь увѣрена, что это контрабандисты...

Г-жа де Турвилль.

Но вотъ и мой... или, лучше сказать, твой молодецъ въ огромномъ плащѣ... онъ пожимаетъ руку другому... выскочилъ на берегъ... войдетъ ли въ трактиръ?.. Прощай, Элиза.

(Она уходитъ).

Г-жа де Куланжъ (одна).

Онъ погибъ!.. И я, презрѣнная, погубила его! Будь проклятъ тотъ день, въ который мы пристали къ этому острову! О, лучше бы мы утонули!.. Единственный человекъ, котораго я могла полюбить... и тотъ погибаетъ!.. и отъ меня же!.. Онъ думаетъ, что любимая имъ женщина питаетъ къ нему благородную страсть... а она ищетъ только головы его! Но я ли продамъ Донъ Жуана за золото?.. Не могу постигнуть, какъ согласилась я на это ужасное ремесло?.. Всякая развратница почтеннѣ меня! Каждый воръ заслуживаетъ болѣе уваженія, чѣмъ я!.. И я, я рѣшилась на это!.. Но какая во мнѣ переменна въ самое короткое время! Когда я ѣхала сюда только съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы развѣдать тайныя мысли этого молодого человека и погубить его, никакъ не полагала, что ремесло мое такое ужасное!.. Любовь открыла мнѣ глаза!.. О, Донъ Жуанъ! Одинъ ты можешь спасти меня изъ той пропасти, въ которую они бросили меня! Да, жребій брошенъ... я буду стараться только о его счастьи... расскажу ему все... всѣмъ пожертвую, чтобы слѣдовать за нимъ... Отечество... но что мнѣ въ отечествѣ?.. Родные... которые всячески старались заглушить во мнѣ добрыя наклонности и вели къ пороку... О, какъ ненавистна мнѣ родня моя.. Я могу любить только Жуана.

Но захочетъ ли онъ взять меня, когда узнаетъ кто я? Скрыть отъ него... Ахъ, нѣтъ! Можно ли утаить что нибудь отъ такого любовника, какъ Жуанъ Діасъ?... Сказать ему... ему, когда онъ содрогается и при малѣйшемъ разсказѣ о подлости!.. Онъ прогонитъ меня на вѣки и полюбитъ скорѣе какую нибудь безобразную, неуклюжую трактирную служанку, нежели Элизу, которая заманиваетъ въ свои сѣти людей только для того, чтобы лишать ихъ жизни!.. Но пусть онъ думаетъ обо мнѣ, что хочетъ! Я столько люблю его, что о себѣ ни мало не забочусь... Рано или поздно, онъ все же узнаетъ кто я... Можетъ быть, ему легче будетъ все слышать отъ меня самой... Онъ увидитъ мою любовь... О! какая страсть кромѣ любви можетъ принудить къ такому признанію?... Разскажу ему все... гнѣвъ его будетъ ужасенъ... но я спасу Жуана! Пусть онъ приберетъ меня... ударитъ по щекѣ... плюнетъ мнѣ въ лице... Но я спасу его!.. Почещина отъ Жуана для меня въ миллионъ разъ пріятнѣе ассигнацій, смоченныхъ его кровію!.. А, можетъ быть, онъ хоть сколько нибудь сжалятся надъ несчастною, которая рождена не съ подлою душею, и только по коварству родныхъ опутана сѣтями порока!.. Но и они не могли истребить во мнѣ остатковъ совѣсти... Совѣсти?... О нѣтъ! Совѣсть умерла во мнѣ... давно уже не слышу я голоса ея!.. Ни добродѣтель, ни совѣсть не управляютъ моими поступками... Любовь, одна любовь побуждаетъ меня сдѣлать, передъ смертію, хоть одно доброе дѣло!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Спальня Донъ Жуана Діаса.

Входитъ Г-жа де Куланжъ.

Онъ все еще у Генерала.. О, какъ тре-

пешу я, входя въ эту комнату!.. Вотъ первое доброе дѣло... а трепеть пробѣгаетъ по всемъ жиламъ моимъ!.. Вездѣ вижу я только его!.. *(вздвываетъ на столъ.)* Начатое письмо... Онъ нишегъ, можетъ быть, къ своей любезной, которая осталась въ Испаніи... а когда онъ воротится къ ней, то не напишетъ уже ни слова къ бѣдной Элизѣ!.. Вотъ его печать; на ней богатый гербъ... а мое имя такое ничтожное!.. Лебедь и девизъ «безъ упрека»... О, Жуанъ не измѣнитъ своему девизу!.. Женскій портретъ... это вѣрно мать его...

(Входитъ Донъ Жуанъ).

Донъ Жуанъ *(въ сторону)*.

Какой пріятный сюрпризъ!.. Однако, кажется, всё сговорились не дать мнѣ сегодня уснуть ни на волосъ...

Г-жа де Куланжъ *(не видя его)*.

Тѣ же черты... но у него нѣтъ этой презрительной улыбки...

Донъ Жуанъ *(въ сторону)*.

Да что она тутъ дѣлаетъ?...

Г-жа де Куланжъ *(замыливъ его)*.

Ахъ!

Донъ Жуанъ *(на колымажѣ)*.

Вы видите передъ собою самаго страстнаго изъ всѣхъ любовниковъ, прелестная Элиза... О, позвольте мнѣ доказать вамъ...

Г-жа де Куланжъ *(въ сторону)*.

У меня неостанетъ духу...

Донъ Жуанъ.

...Ту страсть, которую вы воспламенили въ моемъ сердцѣ... Я запру дверь, п....

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ, господинъ Полковникъ! Время ли

говорить о любви, когда ваша жизнь въ опасности...

Донъ Жуанъ.

Но вы въ моихъ объятіяхъ...

Г-жа де Куланжъ (*отталкивая его*).

Оставьте, говорю вамъ, и выслушайте меня.

Донъ Жуанъ.

Что сдѣлалось съ вами, сударыня?.. Вы такъ встревожены.

Г-жа де Куланжъ.

Всѣ ваши намѣренія извѣстны... и вы погибнете вмѣстѣ съ Генераломъ.

Донъ Жуанъ (*въ сторону*).

Праведный Боже! (*громко*.) Какія намѣренія?.. я, право, не понимаю, что вы хотите этимъ сказать...

Г-жа де Куланжъ.

Вы завели переписку съ Англичанами; вы сами ѣздили на Англійскій корабль, который крейсируетъ передъ нашими окнами. Генераль отвѣчалъ на сигналы... ихъ видѣли... за вами подсматриваютъ... вы окружены злѣйшими врагами... примите мѣры, чтобы избавиться отъ нихъ.

Донъ Жуанъ.

Но... клянусь, сударыня... мой необдуманнѣйшій поступокъ... мое дерзкое обращеніе съ вами... я краснѣю...

Г-жа де Куланжъ.

О, передо мною вамъ нечего краснѣть.. Берегитесь и располагайте мною... если я могу быть вамъ полезнаю.

Донъ Жуанъ.

Вамъ извѣстно все!.. О, какъ мы обязаны вамъ! Чѣмъ и какъ докажемъ вамъ нашу признательность?..

Г-жа де Куланжъ.

Но говорите, ради Бога, имѣете ли вы надобность во мнѣ?

Донъ Жуанъ.

Назовите нашего врага... Онъ получитъ достойную награду...

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ! Полковникъ!.. Я не знаю какъ...

Донъ Жуанъ.

Окончите начатое дѣло: спасите насъ... дайте намъ средства къ справедливому мщенію. Ахъ! сударыня, говорите, сдѣлайте милость, говорите.

Г-жа де Куланжъ.

Но... я не смѣю...

Донъ Жуанъ.

Не опасайтесь ничего... Развѣ я не въ силахъ защитить васъ?... О если бы вы согласились удостоить меня своею довѣренностью...

Г-жа де Куланжъ.

Я полагаю... что, можетъ быть...

Донъ Жуанъ.

Французскій Резидентъ?.. Сейчасъ же застрѣлю его...

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ, нѣтъ!.. Я еще не ложила спать... вышла на балконъ, и...

Донъ Жуанъ.

Съ нами встрѣтилась ваша матушка, но...

Г-жа де Куланжъ.

О нѣтъ, не она губитъ васъ... мать моя приняла васъ за контрабандистовъ... но за вами наблюдали другіе люди... и все видѣли... я была тогда на балконѣ...

Донъ Жуанъ.

Но подослалъ ихъ Резидентъ, не такъ ли?

Г-жа де Куланжъ.

Онъ такъ глупъ... что для васъ несколько не опасенъ... Впрочемъ, подумайте хорошенько и распорядитесь, какъ лучше... Надѣйтесь на меня, если только я могу быть вамъ полезна... Прощайте!... (*Она уходитъ*).

Донъ Жуанъ.

Становитесь! Ангель-спасительница!.. Но она убѣжала... Въ прекрасномъ же мы положеніи!.. Побѣгу сказать Маркизу...

СУТКИ ТРЕТЬИ.

Общая зала Трехъ Коронъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Донъ Жуанъ и Маркизь.

Донъ Жуанъ.

Я просилъ, умолялъ, но меня не пустили къ ней.... Она вѣрно нездорова...

Маркизь.

Эта женщина должна быть колдунья....

Донъ Жуанъ.

Теперь, Генераль, вы согласитесь, что не худо вести разомъ двѣ интриги, и любовную и политическую?

Маркизь.

Но мать ея мнѣ очень подозрительна.

Донъ Жуанъ.

Мать? О, помилуйте, это такая добрая и глупенькая старушка! Она вчера часа два толковала мнѣ о своихъ любезныхъ сынкахъ, которые въ арміи! И такъ любить свою дочь!... Воля ваша, у нея нѣтъ ни малѣйшей злобы въ сердцѣ.

Маркизь.

Такъ для чего же она была на берегу ночью, когда ты уѣзжалъ на корабль?

Донъ Жуанъ.

Этого ужъ не знаю. Она говорила мнѣ, что встрѣтила вчера вечеромъ контрабандистовъ, и что намѣрена жаловаться бургомистру.... безпрестанно твердила мнѣ о страхѣ своемъ, о какихъ-то кивжалахъ, привидѣніяхъ.... да впрочемъ и я, уѣзжая на корабль, порядкомъ напугалъ ее, и сомнѣваюсь, чтобы она могла разглядѣть что нибудь.

Маркизь.

Англійская эскадра скоро явится въ этомъ заливѣ и разсѣтъ всѣ наши опасенія.... Только бы не перемѣнился вѣтеръ!

(входитъ Г-жа де Турвиль).

Донъ Жуанъ.

Ахъ! сударыня, скажите, сдѣлайте милость, здорова ли ваша дочь?

Г-жа де Турвиль.

Слава Богу! Сегодня ей полегче. Бѣдное дитя! Какъ напугала она меня вчера! Но, кажется, это пройдетъ....

Маркизь.

Потрудитесь засвидѣтельствовать ей мое уваженіе.

Г-жа де Турвиль.

Много благодарна, Ваше Превосходительство. О, если бы вы знали, какъ напугалась я вчера вечеромъ!

Маркизь.

Мнѣ рассказывали кое-что.

Г-жа де Турвиль.

Но.... чтобы начать сначала, я скажу вамъ, что вчера Резидентъ пригласилъ меня съ дочерью къ себѣ на вечеръ. Гостей у него собралось множество, а въ обществахъ время летитъ на крыльяхъ.... Было уже поздненько; вдругъ мнѣ предложили играть въ бульотъ, и сколько я ни отказывалась, но пришлось уступить просьбамъ: безъ меня не составлялась партія. Вотъ я сѣла — и не повѣрите — ни разу не проиграла. Не знаю, который былъ часъ, когда мы перестали играть.... Одинъ изъ вашихъ офицеровъ былъ столько вѣжливъ, что хотѣлъ проводить меня до дому, однако жъ я не согласилась, опасаясь, чтобы этому молодому человеку не сдѣлали выговора за позднее возвращеніе въ казармы. Сынъ мой, когда еще учился въ Военной Школѣ....

Донъ Жуанъ (въ сторону).

Ну вотъ, и началась исторія....

Маркизъ.

Да сколько же было контрабандистовъ?

Г-жа де Турвиль.

Я видѣла передъ нашими дверями только двоихъ; одинъ былъ закутанъ въ пре-
большомъ черномъ плащѣ... глаза у него
сверкали адскимъ огнемъ... за поясомъ
торчало по крайней мѣрѣ двадцать писто-
летовъ... Я думала, что онъ убьетъ
меня...

Маркизъ.

Напрасно вы такъ беспокоились.... Кон-
трабандисты никого не трогаютъ.... Не
нюхаете ли вы иногда Виргинскаго или
Гватимальскаго табаку, вмѣсто континен-
тальнаго?

Г-жа де Турвиль.

Ахъ! Господинъ Маркизъ, вы задѣваете
за самую слабую мою струну! Однако жъ,
я сказала бы вамъ кое-что... если бы
вы не сочли меня за донощицу....

Маркизъ.

Говорите, смѣло говорите, сударыня.

Г-жа де Турвиль.

Часовой... который у вашихъ дверей,
все видѣлъ и не кликнулъ караульныхъ....
Я говорю это не для того, чтобы вы ве-
дѣли наказать его....

Маркизъ.

О... вы вѣрно не выдадите меня....
Вѣдь контрабандисты пріѣзжали ко мнѣ
и привезли Американскихъ сигаръ... дру-
гихъ же мы курить не можемъ. Спросите
хоть у него....

Донъ Жуанъ.

Разумѣется.

Г-жа де Турвиль.

Вотъ что Генераль! Но будьте увѣре-
ны, что я донесу на васъ, если вы не
подарите мнѣ Виргинскаго табаку.

Маркизъ.

Извольте, согласенъ. Очень радъ, что
онъ у меня есть.

Г-жа де Турвиль.

Нѣтъ, нѣтъ... Я пошутила, Генераль;
я не хочу отнимать у васъ табакъ.

Маркизъ.

Ничего, я вамъ пришло. Для моей бе-
зопасности, я хочу подкупить васъ, раз-
дѣливъ съ вами добычу обмана.

Г-жа де Турвиль.

Пожалуй, вотъ моя табакерка.

Маркизъ.

О нѣтъ, я пришло вамъ нѣсколько бу-
тылокъ.

Донъ Жуанъ.

Когда же можно будетъ засвидѣтель-
ствовать почтеніе вашей дочери?... Ахъ!
Г-жа Турвиль! Мнѣ очень нужно видѣть
ее.

Г-жа де Турвиль.

Она не можетъ никого принимать. (Въ
полголоса). Впрочемъ, она безпрестанно
говоритъ о васъ.

Донъ Жуанъ.

Въ самомъ дѣлѣ? А что жъ она гово-
рила?

Г-жа де Турвиль.

О! всего не перечесть!... Но я должна
посидѣть съ ней... Прощайте, господа!
(Уходитъ).

Донъ Жуанъ.

Цѣлуемъ ваши руки. Маркизъ! что вы
о ней думаете?

Маркизъ.

Она очень хитра, если обманываетъ
насъ. Во всякомъ случаѣ, не долго намъ
остается бояться ее.

(Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

(Кабинетъ Французскаго Резидента).

Резидентъ (одинъ).

Все это должно для меня кончиться
офицерскимъ крестомъ Почетнаго Легіона...
Не легко открыть заговоръ, и при-
томъ же нельзя не удивляться моему
хладнокровію и моей ловкости среди вра-
говъ. Однако жъ, я надѣюсь, что скоро
подоспѣютъ Французскія войска; мнѣ
очень хочется видѣть себя въ обществѣ
любезныхъ моихъ соотечественниковъ.

Положеніе мое ужасно... Какъ бы ни былъ я храбръ... Одинъ противъ цѣлой дивизіи... по неволѣ захочешь подкрѣпленія...

Лакей *(входя)*.

Какой-то господинъ желаетъ говорить съ вами.

(Входитъ Карлъ Лебланъ).

Резидентъ.

Что вамъ угодно, сударь?

Карлъ.

Мнѣ ничего не нужно, а нужно кое-что для службы Его Величества. Хотя вы видите меня безъ мундира, государь мой, я старшій Лейтенантъ Гренадеровъ въ Императорской Гвардіи. Я сбрилъ усы и надѣлъ фракъ, когда отправлялся сюда. Я все таки офицеръ Императорской Гвардіи. Бернадоттъ... Принцъ Понте-Корво, хочу я сказать... прислалъ меня сюда... Вотъ приказанія, какъ образумить Испанскаго Генерала, который вздумалъ пошалить. Вы понимаете о чемъ я говорю?

Резидентъ.

Совершенно понимаю; но вы вѣрно привели сюда семь или восемь тысячъ солдатъ?

Карлъ.

Вотъ хорошо! Не думаете ли вы, что дивизію можно перевезти по воздуху, на азростатъ? Господинъ Резидентъ, вы, кажется мнѣ, простоваты. Я пріѣхалъ одинъ; не взялъ даже съ собою сабли, но я человѣкъ рѣшительный, и сумѣю все устроить.

Резидентъ *(улыбался)*.

Это не такъ легко!... Испанцевъ здѣсь много; Датчане, Ганноверцы съ ними; на нихъ тоже нельзя положиться...

Карлъ.

Какое дѣло! Обойдемся безъ нихъ. Извольте слушать. *(Садится)*. Ай! Я весь разбитъ; трехъ лошадей загналъ на дорогу... Послушайте, не прежде трехъ дней покажутся здѣсь наши передовые отряды, а между тѣмъ дѣло кипитъ. Флотъ изъ Гельголанда вышелъ; вѣтеръ попут-

ный; Англичане будутъ здѣсь гораздо раньше насъ, и все погибло!

Резидентъ.

Вы прекрасно указали на рану.

Карлъ.

Не понимаю, что вы хотите сказать. Но, между нами, Принцъ Понте-Корво, почитая васъ человѣкомъ недалкимъ, приказалъ мнѣ снестись съ какою-то госпожею Куланжъ и съ другою госпожею де Турвилъ; онѣ здѣсь обѣ.

Резидентъ.

Вы, милостивый государь, такъ выражаетесь странно, что я извиняю васъ только потому, что вы военный.

Карлъ.

Призовите-ка сюда вашихъ бабъ. Вы видите, что я выбился изъ силъ. Часть моего платья, вмѣстѣ съ моимъ чапракомъ, осталась на сѣдлѣ, и мнѣ некогда отпустить длинныя фразы. Пошлите за шпионками. Примемъ мѣры. Потомъ, дайте мнѣ добрую постель или пукъ соломы, и я засну. Чортъ возьми!... У меня тѣло избито, какъ печеное яблоко.

Резидентъ.

Госпожа Турвилъ должна уже быть въ моемъ кабинетѣ, и я удивляюсь, что ее нѣтъ еще здѣсь.

Карлъ.

Что это? вашъ завтракъ?... Хорошо! Прикажете подать себѣ еще приборъ. За ваше здоровье, мой милый!... Чортъ возьми! у васъ славное вино... Вы прекрасный человѣкъ, или чортъ меня возьми! О! я такъ голоденъ, что съѣлъ бы роднаго отца, безъ соли.

Резидентъ *(съ стороны)*.

Какое обращеніе у этихъ людей! *(Въ слухъ)*. Прошу васъ, не черемоньтесь, будьте какъ дома.

Карлъ.

Хорошо, чортъ возьми, хорошо! Вижу, что вы порядочный малый. Да, я люблю откровенныхъ людей. Позвольте, какъ васъ зовутъ?

РЕЗИДЕНТЪ.

Баронъ Амедей де Пакаре.

КАРЛЪ.

За ваше здоровье, Баронъ Амедей де Пакаре. Есть вино, которое называется вашимъ именемъ. А меня зовутъ Карлъ Лебланъ старшій Лейтенантъ въ Императорской Гвардіи, въ третьемъ гренадерскомъ баталіонѣ.... Ну, пейте же за мое здоровье, господинъ Баронъ. У васъ нѣтъ стакана? Возьмите мой. Чортъ возьми!... На войнѣ, такъ по военному.... Вы служили?

РЕЗИДЕНТЪ.

Только не въ арміи.... Я служилъ другимъ образомъ отечеству и Императору.

КАРЛЪ.

По дню..... по дипломатической части.... подъ ударами перьевъ.... Это лучше.... Не много рискуешь: чернильные пятна!... Что жъ эти проклятыя бабы не идутъ?

РЕЗИДЕНТЪ.

Я жду госпожу Турвилъ съ минуты на минуту. Мнѣ кажется, сударь, что вы, какъ Французъ и какъ кавалеръ... (*указываетъ на орденскую ленточку Карла*), вы то же кавалеръ, ха, ха, ха!... слишкомъ мало уважаете прелестный полъ, предназначенный...

КАРЛЪ.

Прелестный, пожалуй, сколько вамъ угодно. Я люблю женщинъ, которыя не говорятъ и не просятъ за себя слишкомъ дорого. За ваше здоровье, Г. Пакаре.

РЕЗИДЕНТЪ.

Я слышу дамскіе шаги... Вотъ она!

(*Входитъ Г-жа Турвилъ*).

КАРЛЪ.

Чортъ возьми!... моя мать!

Г-жа де Турвилъ.

А! другъ мой! Поцѣлуй мать свою, милый мой Карлъ!

КАРЛЪ.

Хорошо! хорошо!... Нацѣловались ли вы? Ну! неужели это вы?

Г-жа де Турвилъ.

Другъ мой!

КАРЛЪ.

Поздравляю! Вы занимаетесь прекраснымъ ремесломъ! Если бъ это знали у насъ въ полку!... Чортъ меня задави!... Лучше бъ вы умерли, чѣмъ мнѣ видѣть васъ въ этомъ званіи...

Г-жа де Турвилъ.

О! Карлъ!

КАРЛЪ.

И сестру мою, вѣрно, завербовали вы въ тотъ же полкъ?.... Не подходите ко мнѣ; между вами и мной не можетъ быть ни какого сыновняго почтенія.... Шшъ.... Слушайте внимательнѣе!... Выпьемъ, чтобы сварить эту новость... Ба! и не то бывало.... Слушайте, милый Пакаре, вотъ что я выдумалъ; вы позовете Генерала Романью завтра на обѣдъ; слышите....

РЕЗИДЕНТЪ.

А если онъ не приметъ приглашенія?

КАРЛЪ.

Не посмѣетъ!... у васъ вѣрно есть здѣсь хоть полсотни Французовъ?

РЕЗИДЕНТЪ.

Здѣсь есть цѣлая рота егерей.

КАРЛЪ.

Больше мнѣ ничего не нужно. Ну, вы приглашаете Генерала Романью, со всѣмъ его штабомъ, и съ офицерами Датскими, и проч. За обѣдомъ, вы сажаете меня возлѣ Генерала. Потомъ, за десертомъ, вы предлагаете тостъ за здравіе Императора: это будетъ нашъ сигналъ!... Мои егеря, приготовленные къ этой минутѣ, вбѣгаютъ и прицѣливаются въ Испанцевъ. Я хватаю Генерала за горло съ одной стороны, вы съ другой.... Если они не захотятъ сдаться, мы оба наклоняемся подъ столъ, и егеря начинаютъ

стрѣлять... Потомъ, мы запираемъ двери; Датчане легко справятся съ Испанцами, разстроенными и безъ начальниковъ... Во всякомъ случаѣ, мы будемъ держаться, сколько будетъ можно; и если не устоимъ, такъ убьемъ плѣнныхъ и другъ друга перестрѣляемъ!.. А! что вы скажете?

Резидентъ.

Мнѣ кажется... это средство.... черезъ чуръ жестоко...

Г-жа де Турвилль.

Мнѣ кажется, можно бы...

Карлъ.

Молчите!.. Баронъ Пакаре! Вы умѣете стрѣлять?

Резидентъ *(съ притворною храбростію)*.

Я никогда не даю промаха, въ тридцати шагахъ....

Карлъ.

Чортъ возьми! Тѣмъ лучше! Вы станете стрѣлять, если будетъ нужно. Ну, вы будете дѣйствовать, какъ храбрець? Не такъ ли?

Резидентъ.

Разумѣется, я Французъ. Но успѣхъ будетъ гораздо вѣрнѣе, если мы подождемъ.

Карлъ.

Чего? Чтобъ Англичане пришли сюда?

Резидентъ.

Нѣтъ! не Англичане, а Французы.

Карлъ.

Чортъ возьми!.. Вы забываете, что они не могутъ быть здѣсь прежде трехъ дней!

Резидентъ.

Чортъ возьми!..

Г-жа де Турвилль.

Есть средства избавиться отъ опасности... немощко мышьяку...

Карлъ.

Мышьяку?... Чортъ возьми!.. Мышья-

ку! развѣ я отравитель?... Какъ! Я, лейтенантъ гренадеровъ въ Императорской Гвардіи, я позволю дать мышьяку храбрымъ воннамъ, чтобъ они поколѣли какъ мыши!... Нѣтъ!.. Пусть меня разстрѣляютъ, а я не дамъ солдатамъ ни какихъ пилюль, кромѣ свинцовыхъ!... Мышьякъ!.. Чортъ возьми!.. мышьякъ!..

Г-жа де Турвилль.

Однако жъ...

Карлъ.

Молчите!.. Я не шпионъ... Не говорите о мышьякѣ, или я забуду, что вы мать мнѣ!.. А вы, Баронъ, исполняйте приказанія, которыя я вамъ сообщилъ. Напишите пригласительныя записки. Если они не примутъ ихъ, то пусть меня раздробитъ ядро, если я не заставлю васъ отвѣдать моея сабли...

Резидентъ.

Государь мой... Служба Его Величеству... долгъ мой...

Карлъ.

Хорошо!... вы прекрасный человекъ, дайте руку, и прикажете дать мнѣ постель.

(Выпиваетъ стаканъ вина и уходитъ).

Резидентъ.

Поздравляю васъ, сударыня, у васъ неподобный сынъ.

Г-жа де Турвилль.

Увы!.. Онъ похожъ на покойнаго отца, какъ двѣ капли воды!.. Тотъ тоже ничего не хотѣлъ знать, кромѣ своей сабли.

Резидентъ.

Ну! мое положеніе неподобно!

Г-жа де Турвилль.

Впрочемъ, его совѣтъ хорошъ, надобно его послушать.

Резидентъ.

Пожалуй; но вы обѣдаете съ нами.

Г-жа де Турвилль.

Да зачѣмъ я вамъ?

Резидентъ.

Вы будете съ нами обѣдать, или чортъ возьми, я прикажу арестовать васъ!

Г-жа де Турвиль.

Извольте, я буду у васъ обѣдать. Я прійду и покажу, что хоть я женщина, однако жъ храбрѣ тебя, господинъ дипломатъ. До свиданія. *(Уходитъ)*.

Резидентъ *(одинъ)*.

Небо и земля!.. Смерть и фури!... Чортъ возьми!.. Только бы прочь, дальше отсюда!.. Несчастный! Что со мною будетъ? Лучше сражаться въ открытомъ полѣ, чѣмъ за обѣдомъ... тамъ можно, но крайней мѣрѣ, бѣжать!.. Несчастный!.. А я думалъ, что очень легко заниматься дипломатическими дѣлами!.. О! проклятый островъ! здѣсь у меня ничего нѣтъ!.. Отчего не подождать бы Французовъ... Онъ все погубить своею поспѣшностію... О! если бъ позволили мнѣ одному распоряжаться!.. Я получилъ бы крестъ!.. а теперь его получить этотъ длинный офицеръ!.. Глупецъ!.. Онъ не понимаетъ все дипломатическихъ дѣлъ, никогда въ глаза не видывалъ Вателя... а я!.. Если они ошибутся въ суматохѣ? Проклятое ремесло!.. Чортъ его возьми!.. проклятый островъ!.. А! вотъ и пистолеты, которыми я буду стрѣлять... посмотримъ! Заряжу каждый изъ нихъ двѣнадцатью пулями, ужъ вѣрно не промахнусь, если попаду... Такъ и быть!.. не два раза умирать!.. Пусть идутъ проклятые Испанцы! пусть идутъ! Каждый Французъ — солдатъ!

(Размахиваетъ пистолетами).

А!... прекрасны!.. чудесная мысль!.. Нѣтъ, это вовсе не оружіе дипломата! *(Бросаетъ пистолеты)*. Послѣ обѣда, я скажу имъ: позвольте, я принесу вамъ чудеснѣйшаго вина... Именно такъ, пусть рѣжутся безъ меня! Чортъ возьми! Да здравствуетъ умъ! Вотъ что называется умѣть отдѣлаться! Лейтенантъ, можетъ

быть, погибнетъ въ суматохѣ... я напишу рапортъ, и тогда... чортъ возьми... тогда дѣло кончено, я буду посломъ!.. Такъ, чортъ возьми, такъ! Какъ хорошо быть умнымъ человѣкомъ! Такой простакъ, какъ Лебланъ, пусть дерется... а мы, дипломаты, умѣемъ вести дѣла иначе. *(Уходитъ)*.

ЯВЛЕНІЕ III.

(Комната въ трактирѣ).

Донъ Жуанъ, Г-жа де Куланжъ.

Донъ Жуанъ.

Умоляю васъ, простите мою дерзость. Но... вы были у меня въ комнатѣ, поздно вечеромъ... одиѣ... Вы хотѣли спасти насъ!

Г-жа де Куланжъ.

Перестанемъ говорить объ этомъ. Увѣрены ли вы въ успѣхѣ? Приняты ли всѣ мѣры?

Донъ Жуанъ.

Да! Полки наши сходятся въ Ниборгѣ. Англійскій флотъ...

Г-жа де Куланжъ.

Я у васъ ничего не спрашиваю; не говорите мнѣ ничего; но увѣрены ли вы въ успѣхѣ?

Донъ Жуанъ.

Да, сколько можно.

Г-жа де Куланжъ.

Я очень рада.

Донъ Жуанъ.

Скоро я увижу Испанію.

Г-жа де Куланжъ.

Съ какою радостію встрѣтите вы друзей... послѣ такого долгаго отсутствія.

Донъ Жуанъ.

Увы! Еще недавно, мнѣ очень хотѣлось возвратиться на родину... а теперь я несчастливъ, что долженъ разстаться съ этимъ дикимъ островомъ.

Г-жа де Куланжъ.

Вспомните о своемъ долгѣ... вы будете сражаться за отечество... найдутся и

утѣшенія. А я... я надѣюсь, что съ вами не будетъ несчастій въ Испаніи.... миръ будетъ заключенъ.... и если вы прїѣдете во Францію.... я буду очень рада встрѣтить васъ!

Донъ Жуанъ.

Въ будущемъ я влжу одно несчастье.... Вы были до сихъ поръ моимъ хранителемъ.... а теперь....

Г-жа де Куланжъ.

Увижу ль я васъ еще разъ до отъѣзда?.. Я теперь плету кошелекъ, и попрошу васъ принять его въ знакъ памяти.

Донъ Жуанъ.

О! не могу скрываться долѣ!... Дайте мнѣ жизнь или смерть.... Скажите.... угодно ли вамъ.... не смѣю сказать.... угодно ли вамъ носить мое имя и ѣхать со мною на мою несчастную родину?

Г-жа де Куланжъ.

Что вы предлагаете мнѣ?... (Въ сторону.) О! если бъ я не столько любила его!

Донъ Жуанъ.

Знаю, что Испанія — скучная страна для Француженки, да и въ какомъ она теперь состояніи! Палатки, солома на бивуакъ... вотъ все, что будетъ въ комнатѣ супруги Жуана Діаса.... Не говорю вамъ о моемъ богатствѣ, о моей знатности.... ваша высокая душа не обращаетъ вниманія на такіе мелкіе расчеты.... но если пламенная любовь, если живѣйшая дружба могутъ тронуть ваше сердце.... Я люблю васъ мало, думаете вы, я люблю васъ только изъ эгоизма, я предлагаю дѣлится съ вами только бѣды, страданія.... Что жъ дѣлать? родина призываетъ меня, а я чувствую, что не могу жить безъ васъ.

Г-жа де Куланжъ.

Можетъ ли быть?... вы предлагаете мнѣ руку?... Я Француженка, безъ состоянія.... можете ли вы думать обо мнѣ?

Донъ Жуанъ.

Такъ вы не ненавидите меня?.. Любите?..

Г-жа де Куланжъ.

Да, Донъ Жуанъ, я васъ люблю, но не могу выйти за васъ.... нѣтъ, это невозможно! Больше не спрашивайте у меня ничего!

Донъ Жуанъ.

Какъ я счастливъ!... не думайте о богатствѣ.... зачѣмъ оно мнѣ?... Если бы вы были богаче, неужели вы не любили бы меня?

Г-жа де Куланжъ.

О! если бъ я была богата!

Донъ Жуанъ.

Такъ позвольте мнѣ быть великодушнымъ, какъ вы сами великодушны.

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ, оставьте меня... Вы ужъ осчастливили меня.... я довольна.... прощайте!

Донъ Жуанъ.

Что это значитъ? Скажите, что останавливаетъ васъ; любовь удалитъ препятствія.

Г-жа де Куланжъ.

Не могу.

Донъ Жуанъ.

Вы приводите меня въ отчаяніе.

Г-жа де Куланжъ.

У меня большое семейство.

Донъ Жуанъ.

На всѣхъ доставитъ моего богатства.

Г-жа де Куланжъ.

Моя мать....

Донъ Жуанъ.

Я уговорю ее ѣхать съ нами.

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ, она никакъ не согласится.

Донъ Жуанъ.

Вы скрываете какую-то тайну, Донья Элиза; ради любви нашей, откройте ее....

Г-жа де Куланжъ.

Зачѣмъ вы меня такъ просите?... Послушайте, Донъ Жуанъ, вы уѣзжаете въ Испанію. Важныя дѣла требуютъ всего

вашего времени, всѣхъ вашихъ усилій... Въ лагерныхъ опасностяхъ, что будетъ со мною?... Женщина будетъ вамъ въ тягость, подумайте о опасностяхъ войны?

Донъ Жуанъ.

Я думалъ, что женщина можетъ любить какъ я! Прощайте! вы указали мнѣ мой долгъ. Я поѣду въ Испанію, но тамъ, первая пуля принадлежитъ мнѣ. По крайней мѣрѣ, вы не останетесь вдовою.

Г-жа де Куланжъ.

Постойте, Донъ Жуанъ... не вѣрьте тому, что я вамъ сказала... пуля, которая поразитъ васъ, убьетъ и меня... Но есть ужасная причина... она мѣшаетъ мнѣ отдать вамъ руку... Я такъ люблю васъ, что не могу выйти за васъ за мужъ, не высказавъ вамъ тайны... но не спрашивайте, если хотите любить меня. Прощайте, Донъ Жуанъ, я никогда не забуду васъ.

Донъ Жуанъ.

Элиза! Элиза! Клянусь честію, что никогда не стану спрашивать васъ объ этой тайнѣ... никогда не буду говорить вамъ о ней... никогда не буду беспокоить себя ею... ничто не можетъ измѣнить моей любви... Если вы хоть немного меня любите, согласитесь ѣхать со мною... *(Съ замѣтнымъ беспокойствомъ)*. Какая причина... какая тайна удерживаетъ васъ?

Г-жа де Куланжъ.

Донъ Жуанъ, сказавъ мнѣ о любви своей, вы подарили меня такимъ счастьемъ, какого я до сихъ поръ не знавала; теперь вы хотите отнять его у меня... Вы хотите?...

Донъ Жуанъ.

Нѣтъ! не хочу... не говорите мнѣ ничего... но клянусь вамъ, что все таки буду любить васъ, что бы вы ни сказали мнѣ. Послѣ чести, вы мнѣ драгоценнѣе всего на свѣтѣ.

Г-жа де Куланжъ.

Нѣтъ! вы никогда не узнаете моей тайны. *(Уходитъ и запирается въ своей комнатѣ)*.

Донъ Жуанъ *(одионъ)*.

Что съ нею? Не съ ума ли она сошла! Что это за тайна, которую она не смѣетъ сказать? *(Стучитъ въ дверь)*. Элиза! Элиза!... Она не отвѣчаетъ!... Элиза!... Бывалъ ли на свѣтѣ человекъ, несчастнѣе меня? Всѣ бѣдствія обрушиваются на мою голову разомъ. Я потерялся; не знаю, что о ней думать! Но никогда я такъ не любилъ ее!... А! слава Богу! Вотъ ея мать. *(Входитъ Г-жа Турвилъ)*. О! возвратите мнѣ жизнь, сударыня. Я погибъ, если вы не поможете мнѣ.

Г-жа де Турвилъ.

Что съ вами? Что вамъ угодно? Чѣмъ могу служить вамъ?

Донъ Жуанъ.

Вамъ, сударыня, поручаю судьбу мою... Я очень несчастливъ... Я сейчасъ видѣлъ вашу дочь и признался ей въ любви?

Г-жа де Турвилъ.

Вы? моей дочери?

Донъ Жуанъ.

Да, я люблю ее... не могу жить безъ нея... Она призналась, что не равнодушна ко мнѣ... что любитъ меня... а потомъ... вдругъ какая-то странная мысль овладѣла ею... и она мнѣ сказала, что никогда не будетъ моею женою... О! если вы имѣете на нее вліяніе...

Г-жа де Турвилъ.

Вы хотите жениться на моей дочери?

Донъ Жуанъ.

О! если она согласится, я буду счастливѣйшій изъ людей.

Г-жа де Турвилъ.

Вы!... *(Въ сторону)*. Боже мой! Что я надѣлала? Я объ этомъ вовсе не подумала!

Донъ Жуанъ.

Не смотря на всѣ мои просьбы, она никакъ не хотѣла сказать мнѣ причины или... тайны...

Г-жа де Турвилъ.

Но неравенство состояній...

Донъ Жуанъ.

Не говорите объ этомъ. У меня тридцать тысячъ піастровъ доходу... я бо-

татъ, знатень.... но у ней есть какая-то странная тайна.... она скрываетъ ее.... и умертвить меня!

Г-жа де Турвиль *(въ сторону)*.

Какъ я была глупа! О чемъ я думала? Отъ него-то и можно нажиться!

Донъ Жуанъ.

Ради Бога, сударыня.... умоляю васъ.... поговорите съ нею.... будьте мнѣ матерью съ этой минуты... поговорите за меня... Скажите ей, что я буду очень несчастливъ, если она откажетъ мнѣ... Да, вы сами, можете быть, согласны съ ея мнѣніемъ?

Г-жа де Турвиль.

Я? Нѣтъ, Полковникъ, я васъ очень уважаю, и желаю чести имѣть васъ сыномъ. *(Въ сторону)*. Она сошла съ ума!

Донъ Жуанъ.

Какое счастье! Ступайте же, сударыня... Скажите ей, что я не хочу знать ея тайнъ... что если она не ненавидитъ меня...

Г-жа де Турвиль.

Повѣрьте, Полковникъ, что все это лишь ребячество... я такъ воспитала дочь мою, что у ней не можетъ быть ни какихъ важныхъ тайнъ. *(Въ сторону)*. Я буду дура, если упусти его. Награда отъ правительства гораздо меньше того, что я могу взять съ него. Я все ему скажу.

Донъ Жуанъ.

Ахъ! я только на васъ и надѣюсь!

Г-жа де Турвиль.

Послушайте, я должна сказать вамъ....

Донъ Жуанъ.

Подите за нею, приведите ее.... я все выслушаю.

Г-жа де Турвиль.

Будьте потерпѣливѣе, вѣтренникъ. Я сейчасъ была у нашего Резидента. Мнѣ надобно было поговорить съ нимъ. Нѣсколько минутъ ждала я въ передней, потому что у него кто-то былъ.... Любопытство, свойственное нашему полу, заставило меня подслушать разговоръ; перегородка тонка, я все слышала. Знаете ли что онъ говорилъ? Онъ сговаривался съ

молодымъ человѣкомъ, такимъ же вѣтренникомъ, какъ вы, и замышлялъ позвать вашего Генерала на обѣдъ и убить его или взять его въ плѣнъ до тѣхъ поръ, пока прійдутъ Французскіе полки и истребятъ всѣхъ васъ, Испанцевъ, живущихъ на островѣ.

Донъ Жуанъ.

Боже!... Резидентъ!

Г-жа де Турвиль.

Молодой человѣкъ не хотѣлъ съ нимъ согласиться, доказавъ ему, что такой поступокъ безчестенъ... Но мерзавецъ Резидентъ страшалъ, что расстрѣляетъ его.... Тотъ принужденъ былъ согласиться, противъ воли, я въ томъ увѣрена.

Донъ Жуанъ.

Только этого несчастія не доставало!

Г-жа де Турвиль.

Вѣдь вы ничего не сдѣлаете этому молодому человѣку? А Резидентъ.... Ну! онъ старый закоренѣлый злодѣй, онъ достоинъ всякаго наказанія.

Донъ Жуанъ.

Иду къ Маркизу.... Пожалуйте со мною....

Г-жа де Турвиль.

Не давайте пощады Резиденту. Я еще дрожу отъ страха, при мысли о его низкой измѣнѣ... Надобно расстрѣлять его сейчасъ, безъ распросовъ.... а другаго....

Донъ Жуанъ.

Дѣло рѣшено.

Г-жа де Турвиль.

Вы обѣщали простить его.... Но послушайте, Полковникъ.... послушайте, сынъ мой!...

Донъ Жуанъ.

Добрая матушка!

Г-жа де Турвиль.

Я приведу вамъ дочь, и пока вы будете съ нею мириться, я все расскажу вашему Генералу; такимъ образомъ, мы сдѣлаемъ два дѣла разомъ.

Донъ Жуанъ.

Ступайте поскорѣе къ ней. Я сейчасъ буду заѣсъ...

Г-жа де Турвилъ.

Нѣтъ, останьтесь. Я сейчасъ приведу ее... Она такъ неопытна, бѣдная моя Элиза!.. Право, я думаю, первый ея мужъ былъ вовсе не мужъ ея... старичишка...

Донъ Жуанъ.

Ступайте же...

Г-жа де Турвилъ.

Мы сыграемъ съ ней шутку... молчите!.. Станьте за дверь... (*Стучитъ въ дверь.*) Это я! Отопри, Элиза!

(*Входитъ въ ея комнату.*)

Донъ Жуанъ (*одинъ*).

Чортъ знаетъ, кто ведетъ наши дѣла!.. Голова у меня трещить! Никогда еще не бывалъ я въ такой пыткѣ... Что такое?.. Мать уговариваетъ ее?.. она не соглашается.

Г-жа де Турвилъ.

На помощь ко мнѣ, Полковникъ, сюда! (*Жуанъ входитъ въ комнату и выводитъ Г-жу Куланжъ; за ними идетъ Г-жа Турвилъ.*)

Донъ Жуанъ.

О! вы теперь не уйдете! Вы моя, на всю жизнь! Ваша мать согласна...

Г-жа де Турвилъ.

Ахъ! я плачу отъ радости!.. Дѣти мои, любите другъ друга, будьте счастливы, мать благословляетъ васъ. (*Тихо Донъ Жуану.*) Спѣшу къ вашему Генералу.

(*Уходитъ*).

Донъ Жуанъ.

Ради неба, посмотрите на меня, Элиза. Что я вамъ сдѣлалъ? Развѣ вы ужъ разлюбили меня?.. Дайте мнѣ ручку... Ахъ! Какъ хотите, а вы примете отъ меня кольцо... (*Силится надѣтъ ей на палецъ кольцо.*) Теперь нельзя отказать; вы носите мое кольцо; поздравляю васъ, Маркиза...

Г-жа де Куланжъ.

Такъ вы хотите все знать?.. Оставьте меня, возьмите кольцо, поберегите его для какойнибудь Маркизы. Знаете ли, Донъ Жуанъ, зачѣмъ я сюда пріѣхала? Мнѣ даютъ шесть тысячъ жалованья, и я должна вывѣдывать ваши тайны. Что скажете Донъ Жуанъ?

Донъ Жуанъ.

О!

Г-жа де Куланжъ.

Теперь вы знаете, какимъ честнымъ ремесломъ я занимаюсь... настоящее имя мое—Лебланъ... Хотите знать всю жизнь мою? Послушайте меня... вы не все еще знаете, и вамъ пужно еще нѣсколько терпѣнія.

Донъ Жуанъ.

Довольно!.. Это шутка!..

Г-жа де Куланжъ.

Молчите!.. Мать воспитала меня съ надеждой, что моя красота и умъ доставятъ ей деньги. Я жила въ семействѣ, свыкшемся съ безчестіемъ; удивительно то что я такъ хорошо воспользовалась примѣрами, которые были у меня передъ глазами? Да, Донъ Жуанъ, я получаю жалованье отъ полиціи; меня прислали сюда соблазнять васъ, выпытывать изъ васъ тайны вашего друга, вести васъ на эшафотъ...

(*Падаетъ на софу.*)

Донъ Жуанъ.

Элиза!... О! я не вынесу этого, умру!.. Элиза!

Г-жа де Куланжъ.

И вы не убѣжали отсюда?

Донъ Жуанъ.

Вы больны, Элиза!.. вы сошли съ ума!

Г-жа де Куланжъ.

Отойдите .. вы оскверняете себя, прикасаясь ко мнѣ, несчастной!.. у меня останется силъ, я одна дойду до своей комнаты.

(*Хочетъ встать, и опять падаетъ*).

Донъ Жуанъ.

Элиза! все что вы говорите — не правда!.. Не вы ли съ матерью вашей открыли мнѣ сейчасъ заговоръ враговъ нашихъ?

Г-жа де Куланжъ.

Не знаю, что моя мать говорила вамъ; но знаю, что я получила жалованье, что бы узнавать ваши тайны.

Донъ Жуанъ.

Не хочу вѣрять вамъ.

Г-жа де Куланжъ.

Съ той минуты, какъ я васъ узнала, душа во мнѣ измѣнилась... глаза мои открылись... я увидѣла, что поступаю дурно... я рѣшилась спасти васъ... о, Донъ Жуанъ!.. Любовь, которую я чувствую къ вамъ.. позвольте мнѣ еще говорить о любви.. моя любовь къ вамъ переродила меня... начинаю видѣть, что такое добродѣтель... Это... это — желаніе правиться вамъ!

Донъ Жуанъ.

Несчастливая женщина! Пусть будутъ прокляты тѣ, которые испортили твою юность!

Г-жа де Куланжъ.

Донъ Жуанъ, вы жалѣете обо мнѣ!... Вы такъ добры!.. вы страдаете даже, когда страдаетъ конь вашъ! О! всю жизнь буду о васъ думать... Можетъ быть, Богъ надо мной сжалится... вѣдь есть же Богъ въ небесахъ.

Донъ Жуанъ.

Но... теперь вы любите добродѣтель!

Г-жа де Куланжъ.

Я васъ люблю всѣми силами души... но я вамъ противна... я это вижу!

Донъ Жуанъ (*послѣ долгаго молчанія*).

Послушай, Элиза, будь откровенна... одинъ вопросъ... Ты никого не погубила?.. Нѣтъ, не отвѣчай мнѣ, я ничего не спрашиваю... я не имѣю права допрашивать тебя. А я!.. развѣ я не сражался

при Трафалгарѣ, при Эйлау, при Фридрихс-ландѣ за деспота, за Наполеона? Не убивалъ ли я великодушныхъ людей, которые дрались за свободу отечества? За нѣсколько дней, развѣ я не изрубилъ бы кого нибудь, для удовольствія Наполеона, по первому сигналу барабана? И я смѣю спрашивать у тебя! Всѣ люди волки, чудовища!.. Мнѣ хочется застрѣлить ее, и потомъ зарѣзаться на ея трупѣ!

Г-жа де Куланжъ.

Буду отвѣчать вамъ, Донъ Жуанъ, я могу отвѣчать... Клянусь вамъ.. но кто повѣритъ моимъ клятвамъ? Нѣтъ, я никогда, никого не губила... Встаньте, Донъ Жуанъ, возьмите кольцо... но благодарите случай, который покровительствовалъ мнѣ.. Если руки мои не обрызганы кровію, я должна благодарить случай... До знакомства съ вами, чего бы я не сдѣлала?

Донъ Жуанъ.

Ты добродѣтельна, Элиза... ты добродѣтельнѣе тѣхъ притворщицъ, которыя, живя въ удаленіи отъ зла, хвалятся, что могли устоять противъ искушеній! Элиза! ты жена моя! Твоя мать останется здѣсь; я дамъ ей денегъ, сколько ей угодно... но ты поѣдешь со мною, будешь моею подругою, раздѣлишь мою участь...

Г-жа де Куланжъ.

Нельзя... Черезъ минуту, мысли ваши перемѣнятся, и вы будете удивляться, что могли жалѣть обо мнѣ.

Донъ Жуанъ.

Никогда, никогда!

Г-жа де Куланжъ.

Я уже счастлива, что вы не оттолкнули меня ногой, какъ вредную гадину. Не хочу навлечь несчастія на всю вашу жизнь, ухватившись за слово, сказанное вами въ минуту восторга. Донъ Жуанъ, вамъ надобно жену, достойную васъ. Прощайте!

Донъ Жуанъ.

Нѣтъ, вы меня не оставите. Я не могу жить безъ васъ, не могу любить ни-

кого, кромѣ васъ. Поѣзжайте со мною... А! кто, въ Испаніи, узнаетъ исторію вашей жизни?

Г-жа де Куланжъ.

Ахъ, Донъ Жуанъ!.. *(Беретъ его руку)* хорошо, я поѣду съ вами. Но не буду вашей женой; буду вашей любовницей, служанкой!... Когда я надоѣмъ вамъ, вы меня прогоните... Если вы будете терпѣть меня при себѣ, я ваша навѣки, до дня смерти.

Донъ Жуанъ.

Ты всегда будешь моей любовницей и женой. *(Цѣлуетъ ее)*.

Г-жа де Куланжъ.

Я рѣшилась и не переѣмлю рѣшенія.

(Входитъ Г-жа Турвиль).

Г-жа де Турвиль.

Въ объятіяхъ!... Наконецъ, я довольна!... Я говорила вамъ, что она согласится.

Донъ Жуанъ.

Элиза! оставь насъ на минуту... Подожди меня въ моей комнатѣ, я сейчасъ приѣду. *(Г-жа Куланжъ уходитъ)*.

Г-жа де Турвиль.

Вы ужъ говорите другъ другу ты? — Генераль спрашиваетъ васъ.

Донъ Жуанъ.

Я знаю, кто вы... если бъ я хотѣлъ, такъ могъ бы повѣсить васъ. Хотите ли десять тысячъ піастровъ, съ условіемъ оставаться здѣсь или отправиться куда вамъ угодно, хоть къ чорту, только никогда не видать дочери, не говорить съ нею, не писать ей?

Г-жа де Турвиль.

Какъ... милую дочь мою...

Донъ Жуанъ.

Десять тысячъ піастровъ... подумайте!

Г-жа де Турвиль.

Я такая нѣжная мать...

Донъ Жуанъ.

Да, или нѣтъ?

Г-жа де Турвиль.

Соглашаюсь на піастры... но для матери очень тяжело...

Донъ Жуанъ.

Ступайте въ свою комнату. Вечеромъ, ихъ принесутъ вамъ. Не выходите, или караульные будутъ стрѣлять въ васъ.

Г-жа де Турвиль.

По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ, въ послѣдній разъ...

Донъ Жуанъ.

Ступайте... не сердите меня!

Г-жа де Турвиль *(съ стороны)*.

Какая она хитрая! *(уходитъ)*.

Маркизь *(входя)*.

Сдаюсь!... Да здравствуютъ красавцы! Г-жа Турвиль сказала мнѣ сущую правду. Вотъ письмо Резидента: онъ приглашаетъ меня на обѣдъ.

Донъ Жуанъ.

Дожину пуль въ лобъ! Вотъ ему отвѣтъ!

Маркизь.

Больше и не дамъ ему. Я прикажу задержать его посланныхъ, и обѣдъ его кончится совсѣмъ не такъ, какъ онъ воображаетъ. Это будетъ послѣдній обѣдъ нашъ на этомъ островѣ. Вътеръ попутный; завтра Англійскій Адмиралъ броситъ якорь передъ Ниборгомъ. Я заберу въ руки офицеровъ, Датчанъ и Нѣмцовъ, точно такъ, какъ хотѣли забрать насъ.

Донъ Жуанъ.

Разстрѣливайте! Разстрѣливайте! они едва стоятъ заряда, который отправить ихъ на тотъ свѣтъ.

Маркизь.

Чортъ возьми! какъ ты поспѣшенъ! Не хочу никого убивать, кромѣ Резидента. Я повѣшу его, чтобъ онъ зналъ, что столовая должна быть мѣстомъ неприкосновеннымъ, какъ зала конгресса. Завтра, онъ будетъ служить образцомъ для

будущихъ дипломатовъ и вывѣской нашему трактиру.

Донъ Жуанъ.

Дѣло!

Маркизь.

Отнеси записку къ полковнику Замора. Пусть задерживаетъ всѣхъ курьеровъ. Легкая артиллерія ужь здѣсь. Я сейчасъ увѣдомлю коменданта. Каталонскіе гренадеры займутъ фортъ. Всѣ полки выйдутъ на плацъ въ пять часовъ, и если самъ чортъ намъ не помѣшаетъ, такъ Принцъ Понте-Корво не найдетъ здѣсь никого, когда станетъ бить сборъ.

Донъ Жуанъ.

Ахъ! Генераль! Я желалъ бы ужь видѣть передъ собою Французовъ! (*Уходятъ*).

Б А Л Е Т Ъ.

Военный плацъ въ Ниборгѣ.

Въ углубленіи сцены стоитъ паркъ артиллеріи. Военная музыка.

Первый выходъ балета.

Четыре канонира и четыре маркизантики.

Второй выходъ.

Фанданго.

Третій выходъ.

Вальсъ. Испанскіе солдаты и Ниборгскія дѣвушки.

Бьютъ сборъ; танцы прекращаются.

ЯВЛЕНІЕ IV.

(*Столовая*).

Маркизь, Донъ Жуанъ, Резидентъ, Карлъ Лебланъ, Офицеры (*Испанцы, Датчане и Нѣмцы*), сидятъ за столомъ.

Карлъ

подавайте десертъ.

Резидентъ.

Э! нѣтъ еще, нѣтъ еще! Еще не время... не всѣ докушали.

Маркизь.

Что съ вами, Баронъ? Вы, кажется, не очень здоровы?

Резидентъ.

Ни чуть нѣтъ, Генераль, ничего... напротивъ... Г-нъ Лебланъ, погодите... я хочу сказать, не пейте этого вина, я дамъ чудеснаго винца, которое давно у меня сохраняется. Я самъ пойду за нимъ.

Карлъ (*тихо*).

Пошлите лакея.

Резидентъ.

Нельзя. Я никому не довѣряю ключей отъ погреба... Лакеи такъ не ловки, перебьютъ тамъ бутылки.

Карлъ.

Онъ боится битыхъ бутылокъ!... Ступайте! мы подождемъ васъ.

Резидентъ.

Нѣтъ, нѣтъ, прошу васъ, не ждите меня. (*Уходитъ. Приносятъ десертъ*).

Маркизь (*Карлу*).

Вы, кажется, служили въ военной службѣ?

Карлъ.

Можетъ быть. Но теперь, въ эту минуту, я секретарь господина Резидента, и весь къ вашимъ услугамъ.

Маркизь.

Донъ Жуанъ! помнишь ли офицера, котораго мы подняли подъ Фридландомъ? Онъ былъ весь израненъ и брошенъ въ ровъ казаками?

Карлъ.

Чортъ возьми! Это былъ я! У васъ прекрасная память, Генераль!... Э! добрые друзья! слушайте команду.... Въ эту минуту я представляю здѣсь господина Резидента—вѣдь онъ бѣжалъ—и предлагаю вамъ тостъ за здоровье общаго нашего капрала. За здравіе Императора Наполеона! Да здравствуетъ Императоръ! (*Въ сторону*.) Что же они не идутъ?

(*Датчане и Нѣмцы встаютъ, отвѣчая на тостъ*.)

Маркизь (*вставая*).

Въ свою очередь, господа, имѣю честь

предложить вамъ тостъ за здоровье Его Величества Фердинанда VII, Короля Испаніи и Индій!

Испанцы.

Да здравствуетъ Король! *(Начинается шумъ).*

Карль.

Да здравствуетъ Императоръ! Сюда, егеря! Генераль, я васъ арестую! Ну же, проклятые Датчане, помогайте намъ!

(Входятъ Испанскіе солдаты и обезоруживаютъ Карла Леблана. Окна въ глубинѣ сцены отворяются, и сквозь нихъ виднѣтъ Англійскій флотъ, украшенный флагами. Слышны радостный восклицанія Испанскихъ солдатъ.)

Маркизь.

Ваши егеря, господинъ секретарь, сидятъ въ тюрьмѣ. Господа Датскіе и Германскіе офицеры! Съ сожалѣніемъ долженъ я требовать съ васъ честнаго слова, что вы не будете противиться нашему намѣренію. Сопротивленіе бесполезно, и ваша храбрость такъ извѣстна, что не нуждается въ новыхъ испытаніяхъ. Возьмите ваши шпаги, господа, вы не въ плѣну у насъ. Прежде мы сражались подъ однимъ знаменемъ, и можетъ быть, опять сойдемся на полѣ чести. Мы оставляемъ васъ и спѣшимъ на защиту отчизны; прежде присяги, принесенной Императору Французовъ, кровь наша принадлежала Испанской землѣ. Прощайте, господа! — Господа Испанскіе офицеры! Я знаю отрядъ, которымъ имѣю честь командовать, и не сомнѣваюсь, что всѣ вы съ радостію отвѣтите на призывный голосъ отечества. Вы будете сражаться противъ утѣснителей и побѣдителей міра, противъ толпы чужеземцевъ, вторгшихся въ Испанію. Вы увидите, что войска наши разстроены, уничтожены, но каждый Испанецъ сталъ солдатомъ, и Моренскія горы знаютъ уже, что наши поселяне могутъ побѣдить Аустерлицкихъ побѣдителей!

Измѣна предала наши крѣпости въ руки враговъ; арсеналы наши въ его власти. Но въ нашихъ неукрѣпленныхъ городахъ есть Палаfoxы; они стали непобѣдимыми твердынями, какъ Сарагосса. Всѣ области наши наводнены врагами, но вездѣ Французъ терпитъ осаду въ собственномъ своемъ лагерѣ. Король нашъ въ плѣну, но у насъ есть Пелаги. Въ Испанію, господа! и безпощадная война Французамъ!

Всѣ.

Въ Испанію!

Маркизь.

Я осмотрю войска. Донъ Жуанъ, арестуй Резидента. Ты знаешь мои приказанія. *(Уходитъ съ Испанскими и Датскими офицерами.)*

Карль.

Чортъ возьми, полковникъ! ваша шутка прекрасна! Пусть меня повѣсятъ, если не моя мать вамъ все это рассказала!

Донъ Жуанъ.

Какъ васъ зовутъ?

Карль.

Карль Лебланъ, Лейтенантъ Гренадеровъ въ Императорской Гвардіи.

Донъ Жуанъ.

Возможно ли! Офицеръ, изъ такого почтеннаго войска, унижается до того, что становится убійцею!

Карль.

Полковникъ! Не меня можете вы называть этимъ именемъ! Я не хотѣлъ убивать никого!

Донъ Жуанъ.

Зачѣмъ же егеря...?

Карль.

Во-первыхъ, они стрѣляли бы только въ крайней нуждѣ, а во-вторыхъ, тутъ нѣтъ убійства; тутъ только засада, а это совсѣмъ другое дѣло. Убійство — дѣло шпіона; засада — дѣло военнаго человѣка.

Донъ Жуанъ.

Мнѣ кажется, что вы лучше понимаете законы военного кодекса. чѣмъ различіе между честію и преступленіемъ. Скажите-ка, чего достоинъ солдатъ, который идетъ въ засаду, въ статскомъ платьѣ?

Карлъ.

Если вы прикажете разстрѣлять меня, на что имѣете полное право, я не скажу ни слова; но я не хочу казаться шпиономъ въ глазахъ храбраго офицера, котораго я уважаю, и потому сообщу вамъ нѣсколько замѣчаній. Не забудьте, что я вовсе не прошу о жизни. Я вовсе не старался вывѣдать ваши тайны, высмотрѣть, гдѣ стоятъ ваши полки, гдѣ расположена ваша артиллерія; я этого не дѣлалъ. Я затѣялъ засаду, какъ уже имѣлъ честь сказать вамъ.... Признаюсь, я виноватъ, что одѣлся рябчикомъ... однако жъ это платье... Нѣтъ, оно не военное!... Ну, вымойте мнѣ голову свинцомъ; это научитъ меня не разставаться съ мундиромъ.

Донъ Жуанъ.

Нѣтъ, Г. Лебланъ. Вы носите имя, которое спасетъ васъ.

Карлъ.

А! вѣрно вы влюблены въ мою мать, или въ мою сестру; онѣ служатъ въ полку шпионокъ.

Донъ Жуанъ.

Молчите!

Карлъ.

Къ чорту шпионовъ! Прикажете разстрѣлять меня. Не хочу, чтобъ могли говорить, что эти каналы спасли жизнь офицеру Императорской Гвардіи. Разстрѣляйте меня... пусть я никогда не буду капитаномъ.

Донъ Жуанъ.

Нѣтъ, живите. Я дарю вамъ жизнь, въ награду за ваше безстрашіе.

Карлъ.

Принимаю на этихъ условіяхъ. Полков-

никъ, вы добрый малый! Вы, кажется, храбрый солдатъ, хоть истратили не столько зарядовъ, сколько я! Я простой лейтенантъ, а вы!... О! Испанская служба превыгодная!...

Донъ Жуанъ.

Хотите роту въ нашей дивизіи?

Карлъ.

Нѣтъ, чортъ возьми! Пусть меня разрѣжутъ на четыре части, но я не соглашусь надѣть другой кокарды, кромѣ Французской.

Сержантъ (входит).

Полковникъ! Не знаемъ, куда скрылся Резидентъ; нигдѣ не можемъ найти его.... А веревка ужъ готова на воротахъ трактира!...

Карлъ.

Ха! ха! ха! Въ самомъ дѣлѣ, веревка виситъ на мѣстѣ вѣски трехъ коронъ. (Входитъ Г-жа де Куланжъ, одѣтая солдатомъ, въ мундиръ полка Донъ Жуана.)

Г-жа де Куланжъ.

Полковникъ! Полкъ выстроился и васъ ждутъ.

Донъ Жуанъ.

Вотъ ударила вѣстовая пушка. Пойдемъ, душа моя.

Г-жа де Куланжъ.

Прощай, Франція! Я тебя никогда не увижу!

Карлъ (въ сторону).

Проваливай! (Въ слухъ.) Прощайте, Полковникъ, я васъ не благодарю. (Донъ Жуанъ уходитъ съ Г-жею де Куланжъ и Испанскими солдатами.)

Карлъ (глядя въ окно).

Ага!... Чудесная выправка! Прелестьный видъ! Какъ пріятно командовать такою безподобною дивизіею! На право! марш! А безоружные смотреть на это, какъ гуси, у которыхъ выщипали перья.

Резидентъ (*осторожно
отворяя дверь*).

Ничего не слышно; все кончено. Я не хотѣлъ показываться, пока слышалъ Испанскіе голоса. А! вотъ нашъ воинъ! Ну, любезный Лейтенантъ, мы безподобно повернули дѣло! Чортъ возьми! Тамъ внизу, я одинъ дрался съ цѣлой дюжиной!... чортъ возьми! зачѣмъ вы меня не подождали?

Карлъ.

Посмотрите-ка въ окно.

Резидентъ.

Боже мой! Романья ведетъ Испанцевъ, что это значить?

Карлъ.

Это значитъ, что намъ измѣнили; что меня разстрѣляли бы, если бъ за меня не заступился Полковникъ Жуанъ Діасъ, и что васъ вездѣ ищутъ, хотягь повѣсить...

Резидентъ.

Повѣсить!

Карлъ.

Васъ повѣсять вмѣсто вывѣски, къ этому трактиру. Видите ли веревку? Она ждетъ вашей шеи.

Резидентъ.

Повѣсить!

Карлъ.

Желаю вамъ счастья, господинъ Резидентъ.

Резидентъ.

Боже мой!... защитите меня.... они хотять меня повѣсить!

Карлъ.

Что могу я сдѣлать? У меня нѣтъ оружія! Вамъ остается только просить прощенія у этихъ дамъ и господъ.

Резидентъ.

Такъ вотъ какъ кончается эта комедія: простите ошибки автора.

(Слышна военная музыка.)

II. МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА, И СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭЛОРИТА.

ПОВѢСТЬ Г-ЖИ ШАРЛЬ РЕБО.

I.

Однимъ лѣтнимъ вечеромъ 1641 года, нѣсколько мужчинъ шли по аллеѣ Прадо къ улицѣ Алкала, разговаривая о событіи, которое сильно занимало дворъ Филиппа IV и Мадридскую публику. Разговоръ былъ одушевленный, хотя содержаніе его и не относилось ни къ возмущенію Каталонцевъ, ни къ перевороту, отдѣлившему Португалію отъ Испаніи; предметомъ разговора служила труппа пѣвцовъ, недавно пріѣхавшая изъ Италіи, и наканунѣ игравшая въ присутствіи Короля. Городскіе и придворные праздноты толковали безпрестанно о примадоннѣ, и передавали другъ другу важное извѣстіе о полугодовомъ ангажементѣ Италіянцевъ къ театру де ла Крусъ.

— Клянусь Святымъ Іаковомъ! воскликнулъ одинъ изъ самыхъ страстныхъ поклонниковъ чужеземныхъ пѣвцовъ и чужеземной музыки: я думаю, и въ рай вельзя слышать лучшаго пѣнія! Я слышалъ больше ста ораторій, не только въ Ко-

ролевской Капеллѣ, но и во всѣхъ соборныхъ церквахъ Испаніи, и утверждаю, что изъ толпы пѣвчихъ не выберешь одного, котораго голосъ могъ бы сравниться съ голосомъ Маріно *gracioso*.

«А я, возразилъ другой съ жаромъ, говорю, что ни въ Испаніи, ни въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ голоса, подобнаго голосу Магдалены. Какой блескъ! какая легкость! какіе чистые, выразительные звуки! Это дождь изъ блестокъ, музыкальный фейерверкъ! Я былъ въ восторгѣ, въ седьмомъ небѣ! Да здравствуетъ Магдалена, первая пѣвица въ мірѣ!

— Да здравствуетъ Магдалена! Повторила вся толпа съ энтузіазмомъ.

Тогда одинъ изъ кавалеровъ, до сихъ поръ слушавшій покачивая головою и молча выражавшій свое неодобреніе, вдругъ остановился и сказалъ:

«Но Магдалена не поетъ и никогда не будетъ пѣть по-Испански!

— Отъ чего, кто вамъ сказалъ, Денъ Педро? закричали всѣ спутники.

«Она сама, господа, сегодня утром, когда я предлагал ей роль в небольшой оперѣ, на которую вчера написал слова... Донъ Бласъ Минко напишетъ музыку.

— Возможно ли? Магдалена не приняла роли, написанной авторомъ столькокихъ образцовыхъ произведеній!

«Да, не приняла и объявила мнѣ, что отнынѣ будетъ пѣть лишь Италіянскія слова, Италіянскія арии, объявила такимъ гордымъ, надменнымъ тономъ, будто царица, увѣренная въ прочности своего престола. Вы называеете ее первую нѣвицею въ мірѣ; прибавьте, что все должно преклоняться предъ ея талантомъ и приговорами!

При этихъ словахъ, произнесенныхъ съ нѣкоторою насмѣшкою, Донъ Педро поклонился своимъ товарищамъ, какъ будто не хотѣлъ слушать споровъ, готовыхъ возникнуть отъ его замѣчанія, и въ ту же минуту поворотилъ въ одну изъ аллей, ведущихъ къ городскимъ воротамъ. Между тѣмъ настала ночь; темнота, увеличиваемая тѣнію деревъ, не позволяла различать предмета на разстояніи двухъ шаговъ. Войдя въ городъ, Донъ Педро медленно ступалъ по уединеннымъ улицамъ, прилегавшимъ къ монастырю Св. Изабеллы; онъ не заботился о неприятныхъ встречахъ, говорилъ самъ съ собою, и останавливаясь по временамъ, поднималъ голову, будто считалъ звѣзды. По его разсѣянной, неровной походкѣ, по отрывистымъ монологамъ, по поднимаемымъ къ небу глазамъ, навѣрное можно было угадать въ немъ влюбленнаго или поэта. Долго блуждалъ Донъ Педро, не замѣчая, что забрелъ въ бѣднѣйшій кварталъ Мадрита, далеко отъ Большой Площади (Plaza Mayor), гдѣ жилъ. Наконецъ, мечты его разсѣялись; онъ оглянулся, словно человекъ, упавшій съ неба, и сказалъ:

— Пресвятая Богородица спаси меня! Я, кажется, сбился съ дороги!

Вдали, часы пробили десять. Донъ

Педро, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, очутился на перекресткѣ нѣсколькихъ грязныхъ улицъ, между которыми невозможно было найти настоящую дорогу. Высокіе дома отличались изрѣдка пробитыми окнами; въ верхнихъ этажахъ коегдѣ мелькалъ сомнительный свѣтъ, доказывавшій бодрствованіе бѣднѣйшихъ жителей столицы Испаніи. Двери безъ замковъ были отворены, и всякій, кто хотѣлъ, могъ свободно войти въ мрачный, низкій, сырой корридоръ, на концѣ котораго тянулась кругая лѣстница, не метеная съ незапамятныхъ временъ. Какой воръ и захотѣлъ бы, впрочемъ, забраться въ жалкій шалашъ, гдѣ вся подвижность не стоила двадцати реаловъ? Бѣдность хранила обитателей гораздо вѣрнѣе прочнѣйшихъ замковъ! Въ десять часовъ вечера, господствовало въ сихъ домахъ такое глубокое молчаніе, что можно было почестъ ихъ пустыми: ни голоса человѣческаго, ни малѣшаго шороха!... Порою, собака слѣпного нищаго лаала въ подвалѣ. Посрединѣ мрачной улицы, мелькалъ слабый свѣтъ лампы, повѣшенной на углу дома предъ ликомъ Богородицы, которая, казалось, устремляла милосердые взоры на бѣдныхъ прохожихъ.

Донъ Педро, какъ истинный Кастилецъ, остановился передъ образомъ, снялъ шляпу, прочиталъ *Ave Maria*, и съелъ на каменную скамью, насупротивъ ниши: ему надобно было отдохнуть и поискать въ табачномъ ящикѣ матеріала для сигаретъ.

Въ то время, улицы Мадрита были театромъ разнообразныхъ происшествій: влюбленные и воры господствовали здѣсь неограниченно съ полуночи до первой утренней молитвы Богородицы; поединки случались весьма часто. Новъ этомъ уединенномъ кварталѣ не было ни дуэлей, ни серенадъ, и Донъ Педро не ожидалъ ничего необыкновеннаго. Осмотрѣвшись, словно мореплаватель въ незнакомыхъ мѣстахъ, онъ поправилъ плащъ и философически

принялся за сигарку. Свѣтъ лампы, прямо упавшій на ночнаго странника, давалъ его лицу очеркъ портрета на черномъ грунтѣ, а одежда незнакомца могла бы соблазнить и не такихъ бѣдняковъ, какіе жили въ окрестностяхъ *Пуэрти де Эмбагадоресъ*. Черный плащъ изъ тонкаго Сеговійскаго сукна прикрывалъ шелковое полукафтанье, на груди котораго былъ вышитъ красный крестъ Сантъ-Яго; воротничекъ, обшитый Мехельскими кружевами, падалъ на двойную цѣпь съ медалью Гвадалупской Богородицы; пуховая шляпа съ широкими полями осыпала лице добродушное, умное, свѣжее, показывавшее не болѣе сорока лѣтъ. Донъ Педро опять погрузился въ думу о Магдаленѣ, которая отказала ему въ роли, и, при всемъ своемъ добродушіи и уживчивости, хотѣлъ чѣмъ нибудь отомстить пѣвицѣ.

— Право, было бы не дурно проучить немножко надменную театральную царипу, говорилъ онъ; я хочу довести ее до того, что чрезъ два мѣсяца она прійдетъ просить у меня роль на колѣняхъ, и тогда я, въ свою очередь, поломаюсь. Я напишу піесу, на которую сбѣжится весь Мадритъ; пусть, во время представленія моей комедіи, Италіанская трупа поетъ свои оперы передъ пустыми скамейками Театра де ла Крусь. А! Магдалена не хочетъ играть въ моемъ *Орфелѣ*; ну, мы увидимъ, кто возьметъ верхъ... или я не буду Кальдерсонъ де ла Барка!

Музыка, раздавшаяся, повидимому, въ низкой комнатѣ, рѣшетчатое окно которой выходило на улицу, прервала монологъ кавалера. Кто-то игралъ піаниссимо на струнномъ инструментѣ; нѣжные, томные звуки едва возмущали почную тишину. По окончаніи прелюдіи послышался голосъ.

— Владычица! прошепталъ Кальдеронъ де ла Барка, сложивъ руки съ выраженіемъ восторга и изумленія; что это такое?

Никогда подобные звуки не поражали

его слуха; голосъ, изумительно обширный, безиримѣрно чистый, блестящій, предавался прихотливой импровизаціи и соперничествовалъ съ инструментомъ, повторяя пассажи, которые искусная рука выдѣлывала сначала на клавинодахъ. Послѣ второй прелюдіи, голосъ запѣлъ гимнь Богородицѣ, и пока продолжалось адажіо, Кальдеронъ подошелъ къ дому. Онъ слушалъ облокотясь на каменную скамейку, стоящую возлѣ отворенныхъ настежь дверей. Мысль отомстить Магдаленѣ сочиненіемъ героической комедіи, которой публика аплодировала бы въ теченіе полугода ежедневно, уступила мѣсто другой мысли, болѣе привлекательной. Кальдеронъ нашелъ соперницу Италіанской пѣвицѣ, и надѣялся сыграть своего *Орфелѣ* безъ Магдалены. Онъ началъ осматривать домъ, но не былъ увѣренъ, найдеть ли его завтра, а еще болѣе затруднялся отыскать дорогу къ своей квартирѣ. Кончилось тѣмъ, что поэтъ смѣло вошелъ въ сѣни, и стуча мѣдными каблуками, закричалъ:

— Гей! Нѣтъ ли здѣсь выхода?

«Кто тамъ?» отвѣчалъ голосъ изъ сѣней, и въ то же время на стѣну упалъ косвенный свѣтъ.

— Благородный дворянинъ, кавалеръ Сантъ-Яго, который заблудился въ лабиринтѣ и ищетъ благодатной нити для выхода на бѣлый свѣтъ. Если здѣсь есть честная Христіанская душа, то, ради Бога, помоги мнѣ!

Настала минута молчанія; потомъ, въ концѣ сѣней, отворилась дверь, и изъ нея вышла съ лампою пожилая женщина, весьма бѣдно одѣтая.

Кавалеръ снялъ шляпу и сказалъ учтиво:

— Богъ помощь, добрая дама! Я заблудился въ неизвѣстномъ мнѣ кварталѣ, хотя и живу въ Мадритѣ двадцать лѣтъ. Я не знаю, къ кому обратиться съ распросами, не думалъ, чтобы здѣсь была живая душа, какъ вдругъ услышалъ го-

лось, и его божественные звуки послужили мнѣ руководителемъ. Это вы цѣли?

«Нѣтъ, Снiоръ, моя дочь.»

— Ваша дочь имѣетъ прекраснѣйшій голосъ, какого я никогда не слыхивалъ. Мнѣ было бы весьма прiятно лично увѣриться въ ея талантъ, и завтра я прiйду, если вы скажете, гдѣ я и кто вы?

«Снiоръ, отвѣчала изумленная, трепещущая женщина, вы теперь въ улицѣ *Мира-эль-Соль*, возлѣ самыхъ воротъ *Эмбаадоресъ*. Я бѣдная вдова, не имѣю средствъ жить въ другомъ кварталѣ; имя мое Анна Мюллеръ. Довольно ли вамъ, снiоръ?»

— Благодарю васъ! Теперь я найду дорогу.... Счастливо оставаться, до завтра!...

Кальдеронъ поклонился, и вышелъ на улицу.

II.

На другой день, утромъ, Кальдеронъ де ла Барка легко нашелъ ту длинную улицу *Эмбаадоресъ*, гдѣ заблудился наканунѣ, нашелъ улицу *Мира-эль-Соль*, вѣроятно названною такъ изъ злой насмѣшки, потому что солнце показывалось здѣсь мгновенно, въ полдень, между худыми крышами домовъ, этажи которыхъ выступали въ родъ навѣса надъ нижнимъ этажемъ. Кальдеронъ, войдя въ самый старый, самый мрачный домъ, постучался у ветхихъ дверей, растворившихся передъ нимъ наканунѣ. Анна Мюллеръ явилась въ ту же минуту; она, по видимому, ожидала этого посѣщенiя, потому что надѣла черное саржевое платье и большой траурный чепецъ. Почтенная женщина отличалась физиономiею простою, важною; въ молодости она, вѣроятно, была хороша, но лѣта, а еще болѣе заботы и бѣдность изрыли ея щеки и провели по челу глубокия морщины. По ея робкому, смиренному виду, легко было догадаться, что свѣтъ и люди для нея совершенно чужды.

— Почтенная дама, сказалъ Кальдеронъ, вы видите, что я сдержалъ свое

слово; вчера я сказалъ вамъ, что прiйду, и вотъ я у васъ!

«Милости просимъ, снiоръ, отвѣчала Анна Мюллеръ, вводя поэта въ комнату низкую, мрачную, почти безъ мебели, въ глубинѣ которой была дверь, завѣшенная остаткомъ ковра. Кальдеронъ сѣлъ въ старыя кожаныя кресла, почтительно подвинутыя старухою, и съ изумленiемъ смотрѣлъ на окружавшiе его предметы. Все являло здѣсь ужасную нищету; два, три табурета стояли передъ хромымъ столомъ; посуда, помещенная на полкѣ, показывала, что обитатели бѣднаго угла часто довольствовались хлѣбомъ и водою. Но, насупротивъ окна, стояла вещь, которая не испортила бы гостиной Испанскаго гранда, клавикорды, съ позолоченными ножками, съ серебряными и перламутровыми украшенiями.

— Вотъ, по истинѣ, великолѣпный инструментъ, вскричалъ удивленный Кальдеронъ.

«Это лучшее произведенiе моего бѣднаго Мюллера, сказала старуха съ выраженiемъ гордости, грусти и умиленiя; онъ трудился надъ нимъ десять лѣтъ.»

— Вашъ супругъ былъ инструментальный мастеръ?

«Такъ точно, снiоръ, и къ тому очень хорошiй музыкантъ. Всѣ, которые его знали, говорятъ, что онъ былъ человекъ гениальный. Лѣтъ двадцать назадъ прiѣхалъ онъ сюда изъ Германiи: ему сказали, что артистамъ хорошо жить въ Мадридѣ. Въ самомъ дѣлѣ, начало было не дурно; Мюллеръ работалъ на всѣ церкви, и въ это-то время я вышла за него. Но Мюллеру, какъ человеку избрѣтательному, завидовали товарищи, причияли ему много обидъ, онъ упалъ духомъ, не искалъ работы, а работа сама не приходила. Настала для насъ горькая пора...»

— Однако жъ, онъ продолжалъ работать? замѣтилъ Кальдеронъ, взглянувъ на инструментъ.

«Да, онъ работалъ, и работая надъ своимъ образцовымъ произведеніемъ, входилъ въ немъ единственное утѣшеніе...»

Сказавъ это, Анна Мюллеръ встала и смела съ клавикордовъ нѣсколько пылинокъ. Она продолжала потомъ голосомъ, исполненнымъ грусти:

— Въ клавикордахъ заключается десять лѣтъ исторіи нашей жизни: каждое украшеніе, каждая штучка напоминаетъ мнѣ извѣстное число. Мы часто лишали себя необходимаго, только бы Мюллеръ могъ кончить рѣзную работу изъ слоновой кости и перламутра; часто, по цѣлымъ ночамъ, онъ добивался до того, что бы сообщить звукамъ наибольшую точность, вѣрность, сладость. При такихъ трудахъ и лишенияхъ не могло устоять здоровье Мюллера; окончивъ инструментъ, онъ ослабѣлъ совершенно, слегъ въ постель, и вскорѣ не оставалось уже ни какой надежды. Накануѣ смерти, послѣ исповѣди, онъ сказалъ мнѣ: Анна! Ты была всегда доброю женою, и я надѣюсь, что послѣдняя воля моя будетъ исполнена. Я ничего не оставляю тебѣ, кромѣ клавикордъ; пусть это будетъ приданымъ нашей дочери; не продавай ихъ дешевле двадцати тысячъ реаловъ; они стоятъ дороже... Я исполнила волю покойнаго, синіоръ; я терпѣла голодь, холодъ; дочь моя была больна, и не смотря на всю ужасную нищету, не хотѣла продать образцоваго произведенія Мюллера, отвергла десять тысячъ реаловъ!... Многіе называли меня сумасшедшею; но я не раскаиваюсь въ своемъ поступкѣ.

Анна Мюллеръ опять подошла къ клавикордамъ и посмотрѣла на нихъ съ уваженіемъ и любовью, какъ артистъ смотритъ на твореніе своего сердца и воображенія. Кальдеронъ молчалъ; рассказъ бѣдной женщины тронулъ его; онъ дивился ея самоотверженію, дивился, что подъ такою скромною наружностію нашель признаки нѣкотораго воспитанія.

— Извините, синіоръ, что я такъ дол

го занимала васъ своими несчастіями, начала вдова; прежде всего мнѣ слѣдовало бы спросить, чѣмъ заслужила я ваше поощреніе.

«Вчера вечеромъ, я объяснилъ вамъ причину; я желалъ бы слышать голосъ вашей дочери, который издали показался мнѣ превосходнымъ.»

Анна Мюллеръ задумалась, и потомъ сказала съ скромнымъ достоинствомъ:

— Синіоръ! Прежде нежели я представлю вамъ мою дочь, позвольте мнѣ узнать: кто вы!

«Я Донъ Педро Кальдеронъ де ла Барка,» отвѣчалъ поэтъ, улыбаясь.

Услышавъ имя знаменитаго драматическаго писателя, ежедневно красовавшагося на афишахъ, прибитыхъ къ театральнымъ дверямъ, и во всѣхъ улицахъ Мадрита, услышавъ имя, предметъ столькихъ похвалъ и рукоплесканій, Анна Мюллеръ вскричала:

— У меня Донъ Педро Кальдеронъ! Этой чести я никогда не забуду, синіоръ! Мой мужъ принадлежалъ къ числу вашихъ страстныхъ поклонниковъ; онъ часто водилъ меня смотрѣть *Толедакаго Меркадера* и знаменитую комедію: *Para vencer amor querer vencerle*. Господи Иисусе Христе! Сколько народу! Сколько восторженныхъ криковъ! Какъ усердно мы вамъ аплодировали!

Вдова приподняла коверъ, закрывавшій комнату.

— Поди сюда, Флорита, поди посмотрѣть на синіора Донъ Педро Кальдерона де ла Барку.

Въ ту же минуту явилась молодая дѣвушка. Сдѣлавъ робкій реверансъ, она остановилась посрединѣ комнаты.

— Синіоръ, продолжала вдова, смотря на свое дитя съ улыбкою радости и любви, вотъ дочь моя, Флора Мюллеръ. Самъ отецъ былъ ея наставникомъ, и можно сказать, что Флора, учась говорить, училась и музыкѣ.

«Такъ образуются великіе артисты! вос-

кликнул Кальдеронъ съ жаромъ; я увѣренъ, что ваша дочь уже великая артистка, и чрезвычайно желаю услышать ее.

— Ну, что же, Флорита, сказала мать, и въ то же время подвела ее къ клави-кордамъ.

Присутствіе незнакомаго мужчины совершенно смутило молодую дѣвушку. Бѣдная Флора жила въ такомъ уединеніи, что по цѣлымъ мѣсяцамъ не слышала другаго голоса, кромѣ матери, а постороннихъ людей видѣла только за обѣдней, которую ходила слушать раннимъ воскреснымъ утромъ въ монастырѣ Св. Изабеллы. Съ трепетомъ съѣла Флорита за клави-корды, и стала прелюдировать невѣрною рукою, робко оглядываясь. Кальдеронъ слушалъ и смотрѣлъ на дѣвицу съ живѣйшимъ чувствомъ участія и любопытства.

Флорита была не очень хороша собою, но она имѣла одно изъ тѣхъ лицъ, которыя забыть невозможно. Гибкая, тонкая талія показывала какъ будто слишкомъ скорый ростъ дѣвпцы, и во всѣхъ манерахъ Флориты проявлялась дѣтская грація, между тѣмъ, какъ лице выражало способности уже развитыя, умъ живой, серіозный, натуру чувствительную и гордую. Черные волосы спускались на лицо широкими локонами; длинныя рѣсницы осыпали глаза; царственное чело, слабый румянецъ ланитъ напоминалъ бархатную блѣдность шиповника, нѣжную свѣжесть розы, распустившейся въ тѣни. Но когда черты лица Флориты одушевлялись, когда она поднимала свой покойный, исполненный мысли взоръ, тогда она была истинно прекрасна.

— Начни же, Флорита, сказала Анна Мюллеръ, ободряя дочь взглядомъ.

Флорита покачала головою, провела руками по челу, будто отыскивая вдохновеніе, и потомъ начала пѣть съ акомпаниментомъ нѣсколькихъ акордовъ. Ея голосъ, сначала взволнованный, вскорѣ нашель свои величественные звуки, свою

изумительную обширность, свою рѣдкую выразительность. Кальдеронъ не смѣлъ дышать; облокотясь на кресла, устремивъ глаза на Флориту, онъ, казалось, погрузился въ безпредѣльное изумленіе, глубочайшее довольство.

— Хорошо, дочь моя, замѣтила Анна Мюллеръ съ важностію, когда Флорита кончила послѣдній пассажъ блистательной аріи.

«Превосходно!» вскричалъ Кальдеронъ, вскочивъ съ кресель и кланяясь дѣвицѣ, у которой поцѣловалъ почтительно бѣлую ручку. Послѣ этого, Кальдеронъ развернулъ принесенныя съ собою ноты, положилъ ихъ на пюпитръ и сказалъ:

— Теперь, вы доставили бы мнѣ большое удовольствіе, если бы потрудились спѣть вотъ это!

То была знаменитая арія Магдалены, ея торжество.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала Флорита улыбувшись: ей показалось, что Кальдеронъ хочетъ испытать ея познанія въ музыкѣ.

Флорита прочитала арію, и потомъ спѣла ее тѣмъ же легкимъ, блистательнымъ голосомъ, съ тою же непринужденностію, которыми за минуту очаровала поэта, и притомъ увлекаясь вдохновеніями на тему, которой былъ написанъ лишь главный мотивъ.

По окончаніи аріи, Кальдеронъ обратился къ Аннѣ Мюллеръ:

— Ваша дочь первая пѣвица въ Испаніи, а быть можетъ, и въ цѣломъ мірѣ! Въ ея талантѣ заключаются успѣхи, слава, богатство. Хотите ли, чтобы Флора дебютировала на театрѣ?

Анна Мюллеръ скрестила руки съ глубокимъ выраженіемъ страха, самодовольствія и радости.

«Не могу отвѣчать на такой вопросъ», сказала она: рѣшеніе зависитъ отъ Флориты!»

— Маменька, отвѣчала дѣвица спокойно, не для того ли и воспитывалъ меня

покойный родитель, чтобъ быть великою артисткою? Не желалъ ли онъ, чтобы талантъ прославилъ меня? Не предсказывалъ ли онъ мнѣ такое счастье, какого я не смѣю и надѣяться? Пусть же исполнится его воля! Да, маменька, я хочу пѣть на театрѣ!

«Viva! вскричалъ Кальдеронъ; вы получите роль въ моемъ *Орфелѣ*, вы затмите Магдалену и всѣхъ Италіянскихъ пѣвицъ, я за это ручаюсь. Принимаю на себя всѣ хлопоты по вашимъ дебютамъ. Завтра, сегодня же, вы должны выѣхать изъ этого жилища.»

— Пресвятая Богородица! Не сонъ ли я вижу! бормотала Анна Мюллеръ, поглядывая то на Кальдерона, то на дочь свою. Но, синіоръ, какъ же мы явимся передъ публикою! Мы такъ бѣдны...

«Я уже сказалъ вамъ, что все беру на себя; у васъ будетъ платье, мебель, деньги...»

— Господи! прервала старушка, да кто же намъ дастъ?

«Талантъ вашей дочери! Я съ удовольствіемъ готовъ вручить вамъ задатокъ.»

Флорита уже ничего не слушала. Медленно прохаживалась она по комнатѣ, будто прощаясь съ нищегою. Дѣвица уже сознавала свой талантъ, предчувствовала свою будущность.

— Маменька, сказала наконецъ Флорита, задумчиво облокотясь на клавикулы; маменька, мы возьмемъ съ собою одну эту вещь, и теперь если бы давали сто тысячъ реаловъ, мы не согласились бы продать инструмента.

III.

Спустя мѣсяць, толпа наполняла театр де ла Крусь. Флорита Мюллеръ должна была дебютировать въ новой пьесѣ Кальдерона де ла Барки. Дворъ и городъ собрались судить юную соперницу Магдалены; одни, страстные поклонники Италіянской пѣвицы, жалѣли бѣдную дѣвочку, вступавшую такъ смѣло въ

борьбу съ безпримѣрнымъ доселѣ талантомъ; другіе принимали сторону той, которой покровителемъ объявилъ себя Кальдеронъ де ла Барка, и искренно желали ей успѣха. Чувство народной гордости располагало послѣднихъ въ пользу Флориты; они желали, чтобы Испанка восторжествовала надъ Италіянкою.

Обширная зала, вокругъ которой сидѣли уступами любопытные слушатели, была дурно освѣщена; но тутъ собралось столько богатыхъ нарядовъ, столько драгоценныхъ уборовъ, столько яркихъ цвѣтовъ, столько алмазовъ, отражавшихся въ тѣни, что все вмѣстѣ озаряло своимъ блескомъ публику. Оркестръ уже помѣстился у аванъ-сцены; за завѣсою слышался невнятный шумъ, подобный тому, который господствовалъ въ залѣ, будто половина зрителей овладѣли сценою. Въ самомъ дѣлѣ, лавки, разставленные впереди кулисъ, были заняты избранными слушателями, записными любителями.

Наконецъ завѣса поднялась, и въ ту же минуту водворилось глубокое молчаніе. Свѣчи, скрытыя за газовыми шарами, слабо освѣщали сцену; въ глубинѣ, сѣрыя кулисы изображали скалы Эракіи, а нѣсколько деревьевъ изъ зеленой бумаги служили представителями лѣса. Вотъ чѣмъ ограничивалась всесовершенная роскошь декорацій, всѣ издержки сценической обстановки.

Неподвижные, внимательные зрители устремляли взоры на пустую сцену; оркестръ игралъ первые такты увертюры; ее слушали съ полнымъ вниманіемъ. Флорита, которая должна была выйти первая, стояла въ кулисахъ между матерью и Кальдерономъ де ла Баркою. Никто не говорилъ ни слова въ этой отдѣльной отъ прочихъ актеровъ труппѣ; юная дебютантка была блѣдна подъ румянами; впрочемъ, ничто не обнаруживало въ ней жестокаго внутренняго волненія. Она пристально смотрѣла на сцену, положивъ руки на грудь, и будто удерживала трепетаніе сердца.

Флорита была прекрасна въ бѣломъ атласномъ платьѣ съ зелеными листьями; распущенные волосы ея были увѣнчаны розами. Она олицетворяла собою робкую Эвридику, блѣдную нимфу, которую любовь супруга долженствовала исторгнуть изъ ада.

Когда раздалось шумное *кресцендо* послѣднихъ аккордовъ увертюры, Кальдеронъ взявъ Флориту за руку, и сказалъ ей смущеннымъ голосомъ:

— Рѣшительная минута настала!

Флорита задрожала, взглянула впередъ, будто пропасть разверзлась подъ ея ногами.

«Мнѣ страшно!» прошептала бѣдная дебютантка.

— Флорита, милая Флорита! воскликнулъ Кальдеронъ, ободритесь, умоляю васъ!... Развѣ вы не увѣрены въ своемъ талантѣ, въ своемъ торжествѣ?... Подумайте о будущности, которая васъ ожидаетъ!... Вы идете на встрѣчу славы, богатству!...

Флорита провела рукою по челу, покрытому холоднымъ потомъ, и тяжело вздохнула, словно разставаясь съ жизнью.

— Ободритесь! Васъ ждетъ богатство! повторилъ Кальдеронъ.

«Для маменьки!» сказала дебютантка выразительнымъ голосомъ, обращаясь къ Аннѣ Мюллеръ.

И въ ту же минуту вышла на сцену.

Анна Мюллеръ, такъ же какъ и дочь, блѣдная, трепещущая, оперлась на руку Кальдерона. Колѣни ея подгибались; она хотѣла видѣть, слышать; но на глаза пала завѣса, въ ушахъ раздавался болѣзненный шумъ; жизненные силы исчезли. Кальдеронъ слушалъ съ томительнымъ безпокойствомъ, устремивъ глаза на Флориту; онъ также боялся. Страхъ, опасенія продолжались одну минуту. Флорита вѣла при глубочайшемъ молчаніи; публика не смѣла пошевеливаться, и вдругъ залпъ рукоплесканій, доселѣ не оглашавшій стѣнъ Театра де ла Крусь, привѣт-

ствовалъ зарю величественнаго таланта. Для торжества надъ Магдаленою этого было довольно. Флорита вошла въ кулису, утомленная и вмѣстѣ оживленная.

— Маменька, маменька! говорила она, бросаясь въ объятія Анны Мюллеръ, мнѣ казалось, что я умру.

«Viva Флорита! Viva!» воскликнулъ Кальдеронъ съ энтузіазмомъ, цѣлуя у ней руку; вотъ лучшій дебютъ, какой только я видѣлъ въ моей жизни!»

Молодые синіоры, сидѣвшіе на лавкахъ по бокамъ сцены, поднялись привѣтствовать юную дебютантку, которая съ улыбкою и простодушною радостію принимала первую похвалу своему дарованію.

— Господа! вскричалъ торжествующій Кальдеронъ, теперь вы можете сказать, что первая пѣвица въ свѣтѣ — Испанка.

Опера *Орфей* кончилась при тѣхъ же восторгахъ изумленія. Публика наградила авторовъ и пѣвицу изступленными рукоплесканіями. Записные посѣтители театра не помнили подобнаго торжества. Сама Магдалена, любимица Филиппа IV, не имѣла въ свои лучшіе дни успѣха, подобнаго успѣху Флориты.

Съ этого дня, какъ предсказалъ Кальдеронъ, Италіянская труппа пѣла предъ пустыми лавками, и Магдалена смиренно пришла просить ролю, которую авторъ *Орфелъ* даже не обѣщалъ ей. Для бѣдной вдовы, для ея дочери, такъ долго томившихся въ нищетѣ, испытывавшихъ всѣ лишения, все горе крайней бѣдности, настала теперь неслыханный переворотъ. Онѣ разбогатѣли; ихъ осыпали ласками, почестями, обыкновенными слѣдствіями великаго успѣха, но счастье не ослѣпило благородныхъ людей: Анна Мюллеръ осталась тою же простою, честною женщиною, которая съ необыкновеннымъ мужествомъ и самоотверженіемъ переносила минувшія страданія, а Флорита была та же покорная дочь, та же вѣрная исполнительница своихъ обязанностей, пылала

тою же безкорыстною любовію къ своему искусству.

Когда Флорита играла, у театральныхъ дверей происходила драка; послѣ каждаго акта, слушатели изъясляли свой душевный восторгъ, а при послѣдней сценѣ осыпали пѣвицу букетами. Въ эту минуту, Флорита взволнованная сладостнымъ удовольствіемъ, кланялась публикѣ, которая ее боготворила, благодарила жестомъ симпатіи и признательности, а послѣ паденія завѣсы шла къ матери, которая съ полными слезъ глазами, съ справедливою гордостью, говорила:

— Какъ ты сегодня хорошо пѣла, моя Флорита! какъ тебѣ аплодировали!

Прекрасна, усладительна была жизнь двухъ благородныхъ существъ; дни текли быстро среди торжествъ, шадимыхъ даже завистію. Умъ, манеры Флориты отличались врожденнымъ изяществомъ; она любила все богатое, исполненное непогрѣшительнаго вкуса, и потому вдругъ привыкла къ своему новому положенію. Видя вокругъ себя роскошь, она часто вспоминала о прежней бѣдности, часто сравнивала свою великолѣпную квартиру на Большой Площади съ печальнымъ жилищемъ въ улицѣ *Miga-el-sol*. Садясь за клавикуды, занимавшія почетное мѣсто въ залѣ, она говорила матери:

— Ахъ, если бы бѣдный родитель мой былъ живъ!

«Богъ не вдругъ посылаетъ счастье,» отвѣчала Анна Мюллеръ съ покорностію.

Послѣ перваго успѣха Флориты, вся придворная молодежь старалась быть представленною пѣвицѣ; всѣ знатныя дамы приглашали ее пѣть въ блестящихъ *socraos*, гдѣ собиралось высшее Мадридское общество; но Анна Мюллеръ уклонялась отъ дозвукъ свѣта, въ которомъ не должно было жить ея дочери. Инстинктъ матери, чувство осторожности, говорили ей, что тамъ ожидаютъ Флориту опасности, и что въ новомъ состояніи, указанномъ Провидѣніемъ, молодая дѣвица обя-

зана жить для искусства и для публики, которая ее любитъ. Анна Мюллеръ понимала, что въ уединенной жизни заключается спокойствіе, доброе имя Флориты, и упорствовала въ своемъ намѣреніи. Прекрасная пѣвица, предметъ столькихъ разговоровъ, выходила изъ дома только въ театръ и къ обѣднѣ.

Одинъ человекъ жилъ въ искренней дружбѣ съ этимъ семействомъ, Кальдеронъ де ла Барка. Онъ, естественно, долженъ былъ сдѣлаться совѣтникомъ и другомъ неопытныхъ женщинъ; онъ всемъ были ему обязанности, и въ порывахъ признательности говорили объ этомъ ежедневно. Анна Мюллеръ часто обращалась къ Кальдерону съ слѣдующими словами:

— Когда я умру, Флорита не останется въ свѣтѣ сиротою; я знаю, что вы будете ея покровителемъ, другомъ, вторымъ отцемъ.

«Да, вторымъ отцемъ! Я люблю ее какъ дочь,» отвѣчалъ, вздыхая, бѣдный Кальдеронъ.

Въ теченіе года, талантъ Флориты укрѣпился, достигъ до возвышенныхъ предѣловъ искусства. Гений пѣвицы угадалъ все, что есть ужаснаго и патетическаго въ страстяхъ; инстинктъ открылъ ей тайну, какимъ образомъ должно потрясать струны человѣческой души. Флорита выражала любовь, ревность, грусть звуками, находившимися отголосокъ во всѣхъ сердцахъ, но сама еще не знала чувствъ, которыя передавала съ такимъ могуществомъ: она еще не любила. Между тѣмъ, многіе уже вздыхали по Флоритѣ, многіе учтивые кавалеры писали ей письма, которыя Анна Мюллеръ бросала въ огонь, не читая, и давали серенады, которыхъ Флорита не слышала, потому что комната, гдѣ она спала возлѣ матери, не имѣла балкона на улицу.

Между многочисленными поклонниками, Флорита замѣтила, впрочемъ, одного, который безпрестанно старался быть на ея глазахъ, но никогда не докучалъ ей лести-

выми словами. Этот поклонник садился обыкновенно на сценѣ, и весь свой восторгъ обнаруживалъ улыбкою или выразительнымъ жестомъ. Онъ былъ молодъ, хорошъ собою; но физіономія его отличалась тѣмъ-то важнымъ, надмѣннымъ, не имѣвшимъ ни какого соотношенія съ тонкими чертами лица и почти женскою граціею всей наружности. Длинные, свѣтлокаштановые волосы рассыпались кудрями по миниатюрной, дѣвичьей шеѣ; густые темные усы, завитые щегольскимъ крючкомъ, оттѣняли его розовыя щеки, а широкія брови умѣряли блескъ и выразительность голубыхъ глазъ.

Флорита всегда видѣла этого кавалера на одномъ мѣстѣ, замѣчала, что онъ ни съ кѣмъ не говоритъ, что его какъ будто никто не знаетъ, и наконецъ не могла не отдать преимущества пѣмому изъявленію его восторга передъ изступленными рукоплесканіями прочихъ слушателей. Выходя на сцену, Флорита искала его глазами, и когда встрѣчалась съ нимъ взорами, ощущала въ душѣ невѣдомую тревогу, чувствовала въ себѣ особенное вдохновеніе, предавалась возвышеннымъ порывамъ страсти, и истинныя слезы текли изъ глазъ пѣвицы. Присутствіе незнакомца придавало могущественный интересъ ея драматической жизни; Флорита гордилась тѣмъ, что заставляетъ его быть свидѣтелемъ своихъ успѣховъ, и когда букеты, вѣнки падали къ ея ногамъ, она обращалась къ нему по невольному влеченію торжества и радости, ожидая его взгляда, его улыбки. Такъ длилось нѣсколько времени, пока Флорита вдругъ не почувствовала тайнаго безпокойства, нетерпѣнія, грусти, надъ которыми не могла восторжествовать. Въ обширной театральномъ залѣ, предъ восхищенною публикою, она желала произвести дѣйствіе надъ однимъ человѣкомъ, и сомнѣвалась въ этомъ; за одно слово изъ его устъ, она отдала бы всё свой триумфъ, но этого слова она не слыхала: незнакомецъ про-

должалъ соблюдать прежнее спокойствіе, продолжалъ, молча, обнаруживать свое одобреніе. Флорита безпрестанно о немъ думала, жила тѣмъ страннымъ чувствомъ, котораго никто не разгадалъ, и котораго она сама не понимала; она терялась въ предположеніяхъ о человѣкѣ, неизвѣстномъ ей даже по имени, пламенно желала что нибудь узнать о немъ, а между тѣмъ ни съ кѣмъ не вымолвила слова, что замѣтила незнакомца. Тайна скрывалась въ ея душѣ; она была невѣдома и матери.

Однимъ вечеромъ, Флорита снова явилась въ роли Эвридики, въ которой дебютировала за годъ, и публика, во множествѣ стекшаяся на годовщину, привѣтствовала пѣвицу продолжительными рукоплесканіями. По окончаніи спектакля, Флориту вызвали, осыпали цвѣтами; зрители встали съ мѣстъ и потрясли стѣны театра троекратнымъ залпомъ аплодисментовъ. Блѣдная, восхищенная пѣвица поклонилась, и потомъ, поднявъ глаза, увидѣла незнакомца въ двухъ шагахъ отъ себя. Онъ положилъ одну руку на грудь, и поклонился ей такъ, какъ она кланялась публикѣ, съ тѣмъ же взглядомъ внутренняго волненія и счастья.

Флорита затрепетала, потупила глаза, остановилась, забывъ все окружающее, не зная, гдѣ она и что съ нею происходитъ. По счастью, актеръ, выводившій пѣвицу, замѣтилъ ея блѣдность, и поспѣшилъ отвести въ кулису, гдѣ Флорита нашла мать и Кальдерона де ла Барку.

— О, какой для тебя день, Флорита! воскликнула Анна Мюллеръ съ радостными слезами.

«Да, маменька, прекрасный, счастливый день,» отвѣчала дочь, робко осматриваясь.

Тотъ, кого она искала, еще не уходилъ со сцены; онъ стоялъ возлѣ колонны, и все еще смотрѣлъ на Флориту. Въ эту минуту, Флорита оперлась на руку Каль-

дерона, и спросила у него съ сильнымъ трепетомъ сердца:

— Не знаете ли вы, Донъ Педро, господина, который стоитъ впереди васъ, того, что въ черномъ шелковомъ камзолѣ, съ изумрудною звѣздою на шляпѣ?

«Это Французъ, отвѣчалъ Кальдеронъ разсѣянно, кажется, Маркизь деРибіеръ.»

— Такъ онъ иностранецъ?

«Да, вельможа, путешествующій для знакомства съ большимъ свѣтомъ всѣхъ государствъ. Съ нѣкотораго времени, онъ живетъ у насъ въ Мадридѣ.»

— Стало быть, онъ здѣсь проездомъ! сказала Флорита. Сердце ея перестало биться; съ мучительнымъ безпокойствомъ она ожидала отвѣта Кальдерона, но Кальдеронъ на этотъ разъ не слышалъ вопроса, и молчалъ.

«Пойдемъ же, Флора, съ заботливостію прервала Анна Мюллеръ минуту молчанія; выпѣшнѣй вечеръ утомилъ тебя... Господи! Что это?... У тебя руки, словно ледъ.... Ты вся дрожишь.... Пойдемъ, пойдемъ!»

Флорита проплакала всю ночь до утра, мысленно повторяя:

— Маркизь де Рибіеръ! Французскій вельможа!... Можетъ быть, онъ скоро уѣдетъ!... Господи! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Мадридъ? Зачѣмъ я его встрѣтила?... Да отчего же мнѣ грустно теперь?... Мнѣ вѣдь все равно, уѣдетъ ли онъ, или останется здѣсь.... Сегодня вечеромъ, онъ взглянулъ на меня случайно! О, какая же я сумасшедшая. .. все думаю о немъ!...

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

АНЕКДОТИЧЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭЛЛЕВІУ.

Эллевіу принадлежалъ къ числу величайшихъ счастливецъ между артистами и людьми обыкновенными. Природа надѣлила его умомъ, красотою, любезностію; воспитаніе дано ему то, что возвышаетъ и совершенствуетъ самыя блестящія дары. Въ молодые годы, Эллевіу наслаждался жизнію артиста съ упоеніемъ, энтузіазмомъ, посреди восторженныхъ криковъ толпы и уваженія небольшого, но изящнаго, отборнаго круга; сойдя со сцены, онъ велъ покойную жизнь благород-

наго гражданина, пользуясь выгодами богатства, достоинства характера и нравовъ.

Случай надѣлилъ Эллевіу рѣдкимъ преимуществомъ, не мало содѣйствовавшимъ его счастію, преимуществомъ одного изъ тѣхъ именъ, которыя не имѣютъ съ другими ни малѣйшаго сходства, которыя отличаютъ того, кто его носитъ, отъ прочихъ людей, которыя блестятъ подобно метеору, или услаждаютъ слухъ нѣжнымъ шелестомъ, подобно щебетанію птицы, или журчанію ручейка.

Есть имена, которыя отталкиваютъ отъ себя славу своею грубостію и пошлостію; и напротивъ, бываютъ такія имена, которыя дѣйствуютъ какъ сильный рефлекторъ, сосредоточиваютъ въ себѣ и отражаютъ съ необыкновенною силою яркіе лучи. Неужели вы думаете, что для артиста все равно: называться ли Рафаэлемъ, Чимарозою, Тальмою, или другимъ какимъ нибудь именемъ!

Эллевіу! Какое мелодическое, оригинальное имя! Какое очарованіе въ гостиной, какой талисманъ на афишѣ! Оно удивительно характеризовало человѣка, показывая его высокій ростъ, грацію въ манерахъ, непринужденность во всей наружности, прелесть фізіономіи, легкость голоса, соединеніе всѣхъ качествъ, никогда не заключающихся въ одномъ артистѣ. Надобно замѣтить, что это имя, вмѣстѣ съ своими принадлежностями, никому не передавалось. Въ продолженіе тридцати лѣтъ, вездѣ требовали одного Эллевіу, вызывали его какъ спасителя, и никто не отвѣчалъ на вызовъ. Одинъ Эллевіу могъ отвѣчать, но онъ никогда не желалъ этого.

Въ первые дебюты, Эллевіу долженъ былъ соблюдать въ одеждѣ тогдашнюю моду, то есть, являться въ напудренномъ парикѣ, въ шелковыхъ чулкахъ, со всѣми атрибутами, мѣшавшими свободной игрѣ. Онъ скоро бросилъ эту одежду, и создалъ себѣ костюмъ, часто затруднявшій его преэминиковъ.

Чтобы получить точное понятіе о музыкальномъ и драматическомъ дарованіи Эллевіу, довольно привести нѣсколько строчекъ изъ статьи, написанной для *Ephémérides universelles*, авторъ которой, Планаръ, имѣетъ авторитетъ въ сужденіяхъ о комической оперѣ.

«Эллевіу еще не поставилъ себя въ уровень вѣка, относительно пренебреженія словами: онъ вѣрилъ простоудушно, что на театрѣ пѣніе надобно нѣсколько скрашивать, и при такой системѣ, смѣш-

ной въ наше время, обширная зала Федо была полна каждый вечеръ.

«Изъ всѣхъ человѣческихъ голосовъ, доселѣ нами слышанныхъ, голосъ Эллевіу, кажется, лучше всѣхъ дѣйствовалъ на душу, и многіе знатоки утверждаютъ, что для сцены онъ пѣлъ несравненно лучше товарища своего Мартена, котораго голосъ такъ славится.

«Какъ комикъ, Эллевіу не всегда отличался глубокою обдуманною игрою; иногда онъ ослаблялъ значеніе рѣчи, говорилъ скоро, рѣдко переводилъ духъ; но онъ отличался истинною непринужденностію, умною игрою и невыразимою прелестію, а такія драгоценныя достоинства заставляли позабывать его недостатки. Во многихъ роляхъ, Эллевіу достигалъ до совершенства.

«Передъ выходомъ, Эллевіу часто дрожалъ. Онъ любилъ репетиціи, и, сколько могъ, увеличивалъ число оныхъ.»

Говоря о репетиціяхъ, нельзя не вспомнить слѣдующаго анекдота:

Репетировали *Поэта и Музыканта*, комическую оперу въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненія Дюпати. Эллевіу игралъ поэта; Мартенъ музыканта, возобновленное соединеніе *Продажнаго Дома*, гдѣ оба артиста отличались въ сихъ двухъ характерахъ; но здѣсь поэзія и музыка имѣли другія условія и болѣе обширный размѣръ. Не потому ли вообразилъ себѣ Эллевіу, что роль требуетъ величественнаго характера! Дѣло въ томъ, что съ первыхъ репетицій замѣтили важную ошибку Эллевіу: появивъ роль въ превратномъ смыслѣ, онъ игралъ ее напыщенно, важно, поднимался на ходули. Трудно было замѣтить это самолюбивому пѣвцу, увѣренному въ своемъ дарованіи. Замѣчанія всегда раздражали Эллевіу, и легко себѣ вообразить, въ какомъ мучительномъ положеніи находился авторъ піесы. Надлежало выдумать остроумное средство, для деликатнаго вразумленія артиста. Дюпати такъ и сдѣлалъ. Выходя изъ теа-

тра, онъ отвелъ Мартена въ сторону, и предупредилъ его, что на завтрашней репетиціи намѣренъ прибѣгнуть къ неожиданному средству.

— Не обращайтесь вниманія на мои слова, съ которыми я буду обращаться къ вамъ, сказала Дюпати; онъ будутъ относиться къ Эллевіу. Я хочу дать ему маленькій урокъ, а васъ прошу быть посредникомъ. Тутъ одно необходимое условіе: не оскорбляйтесь и дайте мнѣ полную свободу.

На другой день началась репетиція; разговоръ завязался между главными действующими лицами; Мартень и Эллевіу играютъ по прежнему. Вдругъ авторъ вскакиваетъ со стула и кричитъ:

— Позвольте, господа!... Извините, я долженъ васъ остановить!

И подойдя къ Мартену, Дюпати сказала:

— Не такъ, мой другъ, совсѣмъ не такъ! Вы не поняли тона роли; вы обезображиваете ее, вы уносите за облака, а отъ этого что происходитъ! Эллевіу долженъ слѣдовать за вами... Я не такъ думалъ, и піеса лишается своего характера. Не улетая на небо, вы просто должны остаться на землѣ, говорить, какъ говорятъ въ свѣтѣ, какъ говорите вы самп... и Эллевіу будетъ отвѣчать вамъ такимъ же тономъ. Сообразите мое намѣреніе: я хотѣлъ представить поэта и музыканта нашего вѣка, а не существа фантастическія, съ золотою лирою и лавровымъ вѣнкомъ. Начните же, сдѣлайте одолженіе, снова, октавою пониже. За это не только останусь вамъ благодаренъ я, но и вашъ товарищъ, которому гораздо легче будетъ слѣдовать за вами.

Мартень выслушалъ всю тираду автора безъ малѣйшаго возраженія. Эллевіу также не сказалъ ни слова, но онъ понялъ выходку Дюпати, и шепнулъ ему:

— Вы преумный человекъ!...

«Благодарю за комплиментъ,» отвѣчалъ Дюпати.

Съ тѣхъ поръ, репетиціи шли надлежащимъ порядкомъ; авторъ былъ чрезвычайно доволенъ совершеннымъ согласіемъ, господствовавшимъ между музыкантомъ и поэтомъ.

Въ другомъ, подобномъ случаѣ, Эллевіу показалъ себя менѣе снисходительнымъ; но самый случай былъ, правда, гораздо непріятнѣе.

Эллевіу, какъ сказано, отличался порядочнымъ запасомъ раздражительности. Однажды вечеромъ, замѣтно было его дурное расположеніе духа, а паденіе піесы привело артиста въ совершенный гнѣвъ, надъ которымъ, въ послѣдствіи, онъ отъ души смѣялся. Несчастная піеса называлась *Жертва искусства*. Эллевіу игралъ *эсертву*, то есть, испыталъ всѣ непріятности въ обществахъ, гдѣ занимаются музыкою, гдѣ играютъ пословицы въ лицахъ, гдѣ надобно восхищаться сонатою дочери, рисунками сына, участвовать въ виновныхъ играхъ, актеръ долженъ былъ отдать себя на посмѣшище новаго рода, привязать себѣ огромныя бумажныя крылья, наполненныя ракетами и разными фейерверочными штукаами. Когда Эллевіу подошелъ къ кулисъ, откуда машинистъ долженъ былъ зажечь порохъ, надобно было слышать, какими проклятіями осыпалъ артистъ автора. По счастью, шумъ, господствовавшій въ залѣ, покрывалъ громкія ругательства Эллевіу, и только обычные посѣтители театра были свидѣтелями комическаго отчаянія новаго Икара.

Послѣ отставки, Эллевіу не выходилъ на сцену; пѣсни его замолкли, и публика уже не слышала голоса, доставлявшаго ей столько истинныхъ наслажденій. Впрочемъ, пѣвецъ долго сохранялъ всю свѣжесть, всю силу своего органа. Сдѣлавшись помѣщикомъ, въ лучшемъ и обширнѣйшемъ значеніи слова, занимаясь земледѣліемъ, примѣняя наблюденія, собранныя во время путешествій по Англии и Швейцаріи, дѣлая опыты надъ новыми земледѣльческими орудіями, оттуда при-

везенными, Эллевіу упростиь однажды друга своего, Александра Дювала, провести въ его помѣсть, Ронзьеръ, нѣскольکو лѣтнихъ мѣсяцевъ. Дюваль поѣхалъ въ Ронзьеръ въ 1820 году, а отсюда оба отправились въ Швейцарію. Въ Женевѣ, они присутствовали на праздникъ мореплаванія, принимали участіе въ пиршествѣ, на которое собрались главнѣйшіе чиновники республики.

«Когда подали десертъ, говоритъ Дюваль въ одномъ изъ своихъ любопытныхъ предисловіи, началось пѣніе. Всѣ молодые Женевскіе поэты, всѣ сочинители пѣсень, посвятили въ этотъ день свой голосъ отечеству. Многіе куплеты были повторены съ восторгомъ. Во время здравныхъ тостовъ, чаша Вильгельма Телла обходила многочисленныхъ гостей; праздникъ разгорался, но порядокъ не былъ нарушаемъ. Многіе, конечно, желали услышать пѣніе Эллевіу, однако жъ изъ приличія никто не смѣлъ просить знаменитаго артиста. Извѣстно, что лучшіе пѣвцы рѣдко соглашаются пѣть безъ инструмента. Вдругъ, Эллевіу, увлеченный веселостію молодыхъ людей, наградивъ комплиментомъ послѣдняго пѣвца, сказалъ, что онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, не знаетъ пѣсней, прославляющихъ Гельвецію, но, что желая чѣмъ нибудь содѣйствовать прекрасному празднику, рѣшается спѣть старинную Французскую пѣсню, которой напѣвъ, при словахъ посредственныхъ, ему по голосу. Эллевіу, дѣйствительно, запѣлъ:

Elle aime à rire, elle aime à boire,
Elle aime à chanter comme nous.

«Давно, продолжаетъ Александръ Дюваль, не слышалъ я Эллевіу, кажется, со всѣмъ забывшаго о музыкѣ; но не думаю, чтобы когда нибудь въ звукахъ его было больше мелодіи: его голосъ показался мнѣ несравненно лучшимъ, нежели на сценѣ, а пѣсня, которую я считалъ трагичною, пріобрѣла въ его устахъ необыкновенную прелесть. Трудно выразить, какимъ шумнымъ, лестнымъ восторгомъ, отблагодарили гости знаменитаго артиста.»

Это была послѣдняя пѣснь усладительнаго голоса. Между тѣмъ, природная наклонность къ театру никогда не погасала въ Эллевіу. При каждой поѣздкѣ въ Парижъ, онъ посѣщалъ всѣ спектакли, особенно Комическую Оперу. За нѣскольکو дней до смерти, онъ рассказывалъ, что дорогою, при послѣдней поѣздкѣ въ Парижъ, будучи принужденъ ждать лошадей въ деревнѣ, съ удовольствіемъ смотрѣлъ на фарсы паяца, ловавшагося на открытомъ воздухѣ, и потомъ ходилъ въ театръ маріонетокъ.

Странная игра судьбы! Мартенъ, жившій въ Парижѣ, поѣхалъ умирать въ замокъ Эллевіу, а Эллевіу поѣхалъ изъ своего замка умирать въ Парижъ. Въ знаменитый день 13-го Вандеміера, Эллевіу едва не погибъ на ступеняхъ той церкви, гдѣ совершился надъ его тѣломъ послѣдній обрядъ.

АРТИСТЫ ИТАЛЯНСКОЙ ОПЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ.

РУБИНИ.

Трудно представить волюя удовлетворительный очеркъ артиста, который, безспорно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между современными пѣвцами. Въ исторіи искусства рѣдко встрѣчаются столь знаменитыя имена, какъ имя Рубини, а еще рѣже можно найти художника, блистательный гений котораго держался бы такъ долго на истинно высокой степенн, и постоянно приобрѣталъ бы возрастающее развитіе. Слава Рубини, дѣйствительно, слава колоссальная. Вся Европа привѣтствовала его, какъ царя пѣнія.

Рубини еще въ полной силѣ лѣтъ; онъ родился въ 1795 году, въ Романо, мѣстечкѣ, отстоящемъ на четыре часа отъ Бергамо. Въ 1812 году, онъ поступилъ хористомъ на Бергамскій Театръ, вскорѣ потомъ примкнулъ къ одной страствующей труппѣ, но не надолго: Рубини отправился разъѣзжать по Итали вмѣстѣ съ скрипачемъ Модн. По счастью, молодой артистъ, уже начавшій скучать кочевой жизнью, заключилъ условіе съ содержателемъ театра въ Павіи. Здѣсь начались блистательные успѣхи Рубини, въ слѣдствіе которыхъ его приглашали въ Брешию, Венецію и Неаполь. Въ Неаполь, Директоръ Барбаія вывелъ Рубини, вмѣстѣ съ Пеллегрини и Ноццари, въ двухъ операхъ Фиорованти: *Adelson* и *Scimingo*. Въ 1819 году, Рубини пѣлъ въ Римѣ, въ *Сорокъ Воробкь*, съ дѣвицею Монбелли, а въ Палермо съ Лаблашемъ и Донзелли. Возвратясь въ Неаполь, увѣчанный пѣвецъ познакомился съ дѣвицею Гомель, одною изъ отличныхъ пѣвицъ, женился на ней, и уѣхалъ въ Вѣну, гдѣ его ожидалъ чрезвычайно лѣтственный приемъ.

6-го Октября 1835 года, Рубини въ первый разъ явился на Парижскомъ Театрѣ въ *Целерентоль*. Отсюда, художническая жизнь этого пѣвца превращается въ непрерываемый рядъ триумфовъ, какъ во Франціи, такъ и въ Англии, Австріи и Итали, колыбели его славы. Излишне было бы исчислять всѣ торжества Рубини: они извѣстны всѣмъ любителямъ музыки, и притомъ цѣль статьи не есть біографія великаго артиста, но аналитическій очеркъ его голоса и методы, которая, хотя и не обнародованная въ печати, (*) имѣла, однако жъ, какъ метода Гарсиа, безспорное вліяніе на всѣ школы.

Голосъ Рубини—теноръ, въ обширнѣйшемъ значеніи слова. Онъ простирается отъ с, и достигаетъ грудными тонами до h, а головными до f, всегда при совершенной вѣрнотѣ и ровной интонаціи. Слѣдовательно, голосъ Рубини беретъ двѣ октавы и три ноты; это его обыкновенный объемъ, потому что въ *Roberto d'Evereux*, оперѣ Доппизетти, Рубини дошелъ однажды до верхняго g, и самъ дивился своей смѣлостію.

Что касается до силы Рубиниева голоса, то она всегда соответствуетъ тому, что только сильнѣйшее драматическое выраженіе можетъ требовать отъ пѣвца. При такой чрезвычайной силѣ, слухъ не поражается ни однимъ грубымъ тономъ. Голосъ Рубини будто подернутъ необыкновенно тонкимъ флеромъ, который, не

(*) Недавно Рубини издалъ свою практическую школу пѣнія, или 12 *Leçons de Chant moderne pour voix de Ténor ou Soprano*. (Двадцать уроковъ новаго пѣнія для тенора или сопрано).

мѣшая самымъ смѣлымъ порывамъ, смягчаетъ жесткость, почти всегда неразлучную съ энергической вибраціею. Вотъ отчего происходитъ нѣжность и неопи- санная очаровательность, когда пѣвецъ выражаетъ звуками грусть или нѣжныя чувствованія. О Рубини можно сказать смѣло, что его голосъ заставляетъ про- ливать слезы.

Само собою разумѣется, что природа наградила пѣвца такими драгоценными и рѣдкими качествами, но искусство при- нимало здѣсь огромное участіе: оно об- наруживается преимущественно при пе- реходахъ отъ груднаго голоса къ голов- ному, и на оборотъ. Достигнувъ до пре- дѣловъ грудныхъ нотъ, напримѣръ, до *B*, Рубини такъ нечувствительно переходить къ головному голосу, что невозможно замѣтить истинной точки перехода. Еще удивительное торжество искусства: Рубини, при своихъ сильныхъ легкихъ, способныхъ вдыхать большое количество воздуха, до того умѣетъ распорядиться дыханіемъ, что никогда не удержитъ его болѣе, сколько нужно для произведенія тона, приличнаго достоинству нотъ. Это одна изъ тайнъ искусства, въ которой нельзя дать себѣ отчета. Рубини имѣетъ непостижимую власть надъ дыхательнымъ органомъ; во время длинныхъ фразъ, ни- кто не замѣтитъ, когда онъ успѣетъ пе- ревести духъ. Для объясненія такого фе- номена, надобно знать, что пѣвецъ въ од- но и то же мгновеніе наполняетъ и опо- роживаетъ свои легкія, безъ малѣйшаго перерыва, въ родѣ того, когда человекъ, наполнивъ бокаль одною рукою, другою тотчасъ же выпиваетъ его. Легко понять, какую огромную выгоду можетъ извлечь пѣвецъ изъ средства, которымъ онъ обя- занъ столько же природѣ, сколько и соб- ственному упражненію. Оттого нѣнне Рубини и отличается блестятельнымъ, раз- нообразнымъ колоритомъ; оттого его органъ всегда сохраняетъ въ своей гра-

даціи одинаковую силу, не ослабѣвая въ самыхъ длинныхъ періодахъ.

Трудно найти пѣвца, который имѣлъ бы такое мягкое, гибкое горло, какъ Ру- бини. Всѣ возможные варіаціи, фіоритур- ы, прикрасы, ничего не значать для Ру- бини: онъ исполняетъ ихъ въ совершен- ствѣ. Голосъ его могъ бы взять пере- вѣсъ надъ самыми бѣглыми инструмента- ми, но Рубини скупъ на излишнія при- красы, и всегда употребляетъ ихъ съ бла- горазумною умѣренностію. Рубини, быть можетъ, первый пѣвецъ, который, при необыкновенно легкомъ исполненіи вели- чайшихъ трудностей, напалъ на мысль, что изумляющіе публику колоратуры не- совмѣстны съ страстными положеніями. Есть оперы, напримѣръ, *Луція Ламер- мурская*, гдѣ Рубини вовсе не употре- бляетъ фіоритуръ, оттого, что глубоко постигаетъ драматическое искусство. Ру- бини и очарованный пѣвецъ, и превосход- ный драматическій артистъ. Впрочемъ, не должно скрывать, что иногда Рубини играетъ своимъ гибкимъ голосомъ, и вы- дѣлываетъ всѣ возможные *gargheggi*, какъ говорятъ Италіяны. Такъ, въ знамени- томъ дуэтѣ въ *Моисель*, который онъ поетъ съ Тамбурини, чистая музыкальная идея и истинное драматическое положеніе про- падаютъ отъ излишнихъ прикрасъ и фіо- ритуръ. Достоверно однако жъ извѣстно, что Рубини дѣлаетъ это единственно изъ угожденія той необразованной части пу- блики, которая, не заботясь о художни- ческой истинѣ, восхищается трудными штукаами весьма часто сомнительнаго вкуса.

Есть люди, которые, слышавъ Рубини, станутъ утверждать, что онъ холодный, безстрастный актеръ, если не совсѣмъ отнять у него драматическаго дѣйствія. Жалкое заблужденіе! Холодное спокой- ствіе артиста истекаетъ изъ его методы пѣнія. Посмотрите на Рубини въ знамени- томъ адажіо, когда онъ стоитъ непод- движно, закинувъ голову назадъ, чтобы

дать свободное теченіе тонамъ, и прислушайтесь къ его сладкозвучному, чистому голосу, такъ много говорящему сердцу! Малѣйшее измѣненіе подобной ситуациіи помѣшало бы вѣрности голоса, отняло бы у него ту ровность, ту полноту, которыя невыразимо очаровательны. Рубини заставитъ васъ плакать, тронетъ васъ, увлечетъ. Самъ Тальма, мимикъ несравненный, не производилъ болѣе поразительнаго дѣйствія. Нѣтъ, отнюдь не должно думать, что Рубини только великій пѣвецъ, и поражаетъ однимъ могуществомъ голоса. Чтобы составить себѣ понятіе о его духовной силѣ, объ истинѣ каждаго его движенія, надобно видѣть его въ сценахъ гнѣва и отчаянія, въ тѣ драматическія минуты, когда голосъ его уподобляется громовымъ звукамъ. Въ финалѣ Отелло, въ сценѣ проклятія Луцій, слушатели не знаютъ, чему больше удивляться: великому мимику или несравненному пѣвцу?

Вотъ разнообразныя стороны гениальнаго артиста, облагодѣтельствованнаго природою и искусствомъ. Голосъ его исполненъ силы, пріятности, вѣрности и ровности, и природа никогда не надѣляла человѣка такъ щедро. Метода Рубини превосходная: она основана на истинѣ и изящномъ вкусѣ. Искусство пѣнія довелъ Рубини до совершенства; онъ гораздо выше всѣхъ своихъ предшественниковъ; онъ обогатилъ музыку многими удачными по-

вовведеніями и улучшеніями. Напримѣръ, Рубини первый ввелъ въ пѣніе ту сильную аспирацію, которая состоитъ въ продолженіи тона по одной и той же нотѣ до прекращенія каданса. Этотъ ходъ музыкальнаго вздоха всегда производитъ сильное дѣйствіе, и теперь всѣ пѣвцы стараются подражать Рубини.

Но какъ на землѣ нѣтъ ничего совершеннаго, то и Рубини долженъ заплатить дань слабой человѣческой природѣ. Онъ, кажется, пренебрегаетъ речитативомъ, не поетъ въ *pièces d'ensemble*, а если иногда и показываетъ видъ, что поетъ, то все таки не произноситъ ни одного звука. Можно сказать, что Рубини не существуетъ въ *pièces d'ensemble*. Иногда онъ поетъ головнымъ голосомъ тамъ, гдѣ надобно пѣть груднымъ. Быть можетъ, такимъ наивнымъ продѣлкомъ, знаменитый пѣвецъ обязанъ изумительнымъ сохраненіемъ своего органа, и теперь столь же свѣжаго, какъ въ цвѣтущей молодости; но тѣмъ не менѣе справедливо, что эта лѣность наноситъ ударъ драматическимъ идеямъ сочинителя, и усиливаетъ другихъ артистовъ.

Рубини достоинъ уваженія какъ человѣкъ. Всѣ его товарищи, всѣ, кто имѣлъ случай познакомиться съ нимъ коротко, единогласно хвалятъ его благородный образъ мыслей, доброту сердца, простой образъ жизни, изящное, чуждое притязаній обращеніе.

III. ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТРЪ.

Школа жеслицъ, комедія Молиера, перев. Н. П. Хмѣльницкаго; *Критика на школу жеслицъ*, комедія Молиера, перев. Н. П.; *Капитанъ втораго ранга и жена первой статьи*, водевиль, передѣл. съ Франц. Н. П.; *Дьдушка Низаръ Андри(е) евичъ*, водевиль, передѣл. съ Франц. П. С. Федоровымъ.

(*Бенефисъ Г-на Мартынова.*)

П такъ Молиеру рѣшительно повезло счастье на нашей сценѣ: *Милый больной*, *Мизантропъ*, *Тартюфъ*, *Школа жеслицъ*, даже *Критика на школу жеслицъ*, всѣ эти комедии слѣдовали одна за другою, и за исключеніемъ послѣдней, не только не упали, не только не испугали публики, но постоянно привлекали и привлекаютъ ее въ театръ.... Уже бенефицианты не боятся брать Молиера для своихъ бенефисовъ, не смотря на то даже, что переводы его комедій, за давностию лѣтъ, отложены въ архивъ театральный, и что въ этихъ комедіяхъ любители театра помнятъ еще игру прежнихъ знаменитыхъ комиковъ, можно сказать, воспитанныхъ на Молиерѣ, и, по обычной привязанности къ старинѣ, не слишкомъ охотно готовы отдавать справедливость новымъ, молодымъ артистамъ, выступающимъ въ тѣхъ же роляхъ. Мало того: когда даютъ у насъ Молиера, те-

атр не только не бываетъ пустъ, но наполняется болѣе, нежели въ обыкновенные спектакли, составленные изъ водевилей домашней или Французской страши, и притомъ привлекаетъ лучшую, образованнѣйшую публику: въ этой послѣдней истинѣ вы тѣмъ можете убѣдиться, что въ такіе спектакли въ театрѣ бываетъ болѣе приличія, тишины, спокойствія, нѣтъ этихъ неистовыхъ апплодиссментовъ и вызововъ, этого топанья ногами и стучанія палками, однимъ словомъ, всего того, что составляетъ призывакъ не слишкомъ церемонной полуобразованности.

Такъ это и должно было быть: не *пошлякъ* же въ самомъ дѣлѣ Молиеръ, какъ его называютъ нѣкоторые всемудрые критики наши, въ исковерканномъ видѣ повторя съ голосу то, что, во время оно, слишкомъ горячіе защитники *романтизма*, въ пылу ожесточенія противъ всего *классическаго*, имѣли неосторожность провозгласить во всеуслышаніе; не бездарный же писатель онъ, этотъ Молиеръ, предъ которымъ преклонялась вся просвѣщенная Европа, и который, по мнѣнію многихъ, чуть, чуть не то же въ комедіи, что Шекспиръ въ драмѣ. Въ разгарѣ литературныхъ споровъ и схватокъ, въ особенности, когда дѣло идетъ не о какомъ-либо частномъ вопросѣ, а объ

основныхъ или коренныхъ началахъ въ литературѣ, увлеченіе не только естественно, но даже простительно; за то, когда битвы кончены, когда враждующія партіи примирились и успокоились, когда боевой пылъ и отвага уступили мѣсто холодному изслѣдованію и всестороннему разсмотрѣнію, тогда нѣтъ болѣе мѣста парадоксамъ: только закоренѣлое невѣжество и лѣбное тупоуміе остаются при тѣхъ фальшивыхъ понятіяхъ, которыя удалось схватить имъ на лету и усвоить безъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Во время упорной войны романтизма съ классицизмомъ, Молиеру не мало доставалось въ журналахъ нашихъ, потому только, что поборники классицизма, вмѣстѣ съ именами Расина и Вольтера, выставляли на знаменахъ своихъ и его имя; у Молиера отнимали всякое дарованіе, всякое достоинство, всякую заслугу; остракизмомъ его изгнали не только со сцены, но, если при разборѣ драматическихъ произведеній случалось заводить о немъ рѣчь, то имя его превращалось чуть, чуть не въ бранное слово! Все это можемъ мы подтвердить выписками и указаніями. Былъ у насъ особенно одинъ журнальный витязь, который, при имени Молиера, приходилъ въ такое остервененіе (извините за слово: оно здѣсь совершенно у мѣста), что комедіи его онъ ставилъ ниже водевилей Г. Кони, котораго, въ то время, онъ ни во что не ставилъ, и если, бывало, доказывали ему, что онъ не знаетъ, не понимаетъ Молиера, не читалъ его, онъ безъ обиняковъ говорилъ, что и читать такого *пошляка* не намѣренъ! Съ такими критиками, разумѣется, всякіе споры и разсужденія бесполезны.

Умные люди между тѣмъ, взглянувъ на дѣло хладнокровно, возвратили Молиеру права, несправедливо у него отнятыя; отдѣливъ въ его произведеніяхъ то, что собственно принадлежало не ему, а вѣку его, они увидѣли, что, при недостаткахъ случайныхъ, отъ времени зависѣвшихъ,

Молиеръ облуетъ красотою вѣчными, никогда не умирающими. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что первый, такъ сказать, возобновилъ Молиера на нашей сценѣ П. А. Полевой, передѣлавшій на Русскіе нравы его *Мнимого больного*; это не первая попытка и не первая заслуга съ его стороны — прокладывать дорогу, по которой потомъ идутъ другіе; но самъ по себѣ фактъ сей заслуживаетъ особеннаго вниманія именно потому, что почтенный передѣлыватель *Мнимого больного*, въ первыя времена своей журнальной дѣятельности, не мало способствовалъ къ упадку Молиера во мнѣніи Русской публики, и въ особенности вѣтревской литературой молодости, которая вѣрила ему, какъ оракулу, и училась въ немъ наукамъ по его *Телеграфу*.

Въ лѣтописяхъ драматическаго искусства мало отмѣчено такихъ усилій, какими увѣчалась во Франціи, при появленіи своемъ, *Школа женщинъ*, Молиера. Хотя мнѣнія на счетъ этой пьесы раздѣлились такъ, что одни называли ее *лучшимъ* произведеніемъ Молиера (*), другіе незыбѣвшимъ созданіемъ, какое только когда либо взялось на сценѣ, никто однако жъ не находилъ ее скучною, и весь Парижъ стремился въ театръ — смотрѣть эту страшную піе-у, подавшую поводъ къ такимъ ужаснымъ противорѣчіямъ. Молиеръ самъ ставилъ на сцену эту піесу и самъ занималъ въ ней роль Арпольфа; знаменитая красотою и талантомъ своимъ дѣвица Дебри (Debris) играла роль Атиссы; которая оставалась за нею до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, потому что Парижская публика, никого, кромѣ ея, видѣть не хотѣла въ этой ро-

(*) Между прочими и Буало былъ того же мнѣнія, чему служитъ доказательствомъ слѣдующій стихъ изъ его *посланія къ Молиеру*:

En vain mille jaloux esprits,
Molière, osent avec mépris,
Censurer ton plus bel ouvrage,

ли; наконецъ роль простака Алпа игралъ, тоже знаменитый въ свое время, актеръ Брекуръ, и игралъ такъ уморительно, что Лудовикъ XIV, посмотрѣвъ его, сказалъ: «Да этотъ человекъ камни заставитъ смѣяться» (*Cet homme là ferait rire des pierres*). Одинъ изъ самыхъ жестокихъ тогдашнихъ критиковъ, нападавшихъ на *Школу женщинъ*, де-Визе, сказалъ: «Никогда, ни какая комедія не была представлена на сценѣ такъ хорошо и съ такимъ искусствомъ; всякій актеръ знаетъ, сколько шаговъ онъ долженъ сдѣлать, у всякаго сочтены всѣ до послѣдняго движенія глазъ его»

Да, постановка во всякомъ драматическомъ произведеніи дѣло великое; но, независимо отъ постановки, *Школа женщинъ* имѣетъ не малыя достоинства, которыя упрочивали и по сію пору упрочиваютъ успѣхъ ея на всѣхъ театрахъ Европы.

Что можетъ быть страннѣе и оригинальнѣе завязки *Школы женщинъ*? Одно дѣйствующее лицо носитъ двойное имя, *Арнольдъ-Ласушъ*—вотъ на чемъ основывается весь узелъ комедіи; какъ скоро это имя открылось другому лицу, *Горасу*, который прежде не зналъ его—узелъ развязанъ. Чѣмъ же наполняется все остальное дѣйствіе? Разказами одного и того же лица другому объ одномъ и томъ же предметѣ. И вотъ изъ какихъ элементовъ составлена комедія, въ пяти актахъ, которыхъ интересъ постепенно возрастаетъ, гдѣ все оживлено, хотя нѣтъ движенія, нѣтъ дѣйствія! Не даромъ Вольтеръ сказалъ, что «*Школа женщинъ*—пѣса совершенно въ новомъ родѣ: хотя вся она состоитъ изъ разказовъ, но между тѣмъ разказы ведены съ такимъ искусствомъ, что все, по одному, находится въ дѣйствіи.»

И точно: какъ живо разказы эти изображаютъ дѣйствіе! Какой интересъ въ зрителѣ возбуждаютъ, съ одной стороны

Горасъ, который такъ простодушно, такъ доверчиво пересказываетъ Арнольду все, чтобы онъ, напротивъ, долженъ держать отъ него въ тайнѣ; съ другой стороны, этотъ Арнольдъ, который, зная каждый шагъ Гораса и Агнесы, и безпрестанно выдумывая новые планы, чтобы разстроить любовь молодыхъ людей, не только не успѣваетъ въ этомъ, но напротивъ видитъ всѣ свои *благоразумныя мѣры* обращающимися во вредъ самому же себѣ! Говорятъ, что знаменитый трагическій актеръ Лекенъ называлъ лицо Арнольда *Орозманомъ* комедіи, и самъ хотѣлъ играть его; очень вѣрю, потому что это лицо—полное страсти, и чѣмъ одушевленнѣе, чѣмъ искреннѣе, серіознѣе артистъ будетъ играть его, тѣмъ оно будетъ забавнѣе; Арнольдъ не дряхлый старикъ: ему всего сорокъ два года, Молиеръ опредѣлилъ возрастъ его. Замѣчательно, что Молиеру самому было именно столько лѣтъ, въ то время, (1662) и онъ, не менѣе Арнольда влюбленный и ревнивый, женился на дѣвицѣ Бежаръ, которая была также хороша, какъ Агнеса, хотя далеко не такъ умна. Можетъ быть, это сходство положенія автора съ выведеннымъ имъ въ комедіи лицомъ не совсѣмъ случайное. Какъ бы то ни было, смѣшная сторона Арнольда нисколько не зависитъ отъ противорѣчія его возраста съ претензіями на любовь; не въ томъ его ошибка, что онъ любитъ шестнадцатилѣтнюю дѣвушку и хочетъ взаимно быть любимъ ею, но въ томъ, что онъ думаетъ, будто бы умная женщина непременно должна быть невѣрною, и что глупость и пидотство служатъ лучшимъ ручательствомъ женской добродѣтели. Такимъ образомъ, *Школа женщинъ* есть pendant къ комедіи Молиера же *Школа мужей*: Арнольдъ, это оборотъ медали, на другой сторонѣ которой вычеканенъ Сганарель: первый думаетъ, что глупость можетъ удержать молодую женщину въ предѣлахъ ея обязанностей, послѣдній хочетъ достигнуть то-

го же строгостию — и тотъ, и другой равно ошибаются.

Характеръ Агнесы веденъ прекрасно: это простая дѣвушка, но неглупая; ей недостаетъ образованія, но не ума; напротивъ, ея письмо къ Горасу, при очаровательной простотѣ, наивности, показываетъ умъ живой, свѣтлый, воспримчивый. Она чувствуетъ свое невѣжество, стыдится его, и тѣмъ болѣе ненавидитъ Арнольфа, который хочетъ потушить въ ней искру Божію. Вотъ два характера, обрисованные мастерскою кистию.

Взыскательные критики не безъ основанія замѣчаютъ нѣкоторые неправдоподобности въ комедіи *Школа женщинъ*: одна изъ главныхъ состоитъ въ томъ, что дѣйствіе постоянно происходитъ на улицѣ, гдѣ Арнольфъ ведетъ всѣ свои разговоры и съ Горасомъ, и съ Агнесою, между тѣмъ какъ послѣдняя, по-настоящему, не должна выходить изъ дому. Въ слѣдствіе этого неправдоподобія является второе: Горасъ, который пять разъ ведетъ разговоръ съ Арнольфомъ, столько же разъ встрѣчаетъ его на улицѣ, на одномъ и томъ же мѣстѣ, подлѣ дома гдѣ живетъ Агнеса, и при всемъ томъ онъ ничего не подозреваетъ, ни въ чемъ не догадывается; далѣе, Арнольфъ, разговаривая въ одномъ и томъ же мѣстѣ съ такими лицами, которыя не должны встрѣчаться другъ съ другомъ, всякій разъ, по уходѣ одного и передъ приходомъ другаго, принужденъ прибѣгать къ монологамъ, которыхъ по этому въ пьесѣ находится цѣлыхъ восемь и довольно длинныхъ. Наконецъ, самое главное и самое дѣльное замѣчаніе: изъ какой націи взялъ Молиеръ свои дѣйствующие лица и какіе это люди? Кто это — Французы, Италіянцы или изъ другаго какого либо народа люди? Соглашаемся, что всѣ эти замѣчанія вѣрны и справедливы; но что касается до перваго, стоитъ только режиссеру позволить себѣ маленькую свободу и даровать Молиеру тѣ права, которыми пользуются Шекспиръ и новѣй-

шіе драматурги, т. е. нѣсколько разъ перемѣнить декорации: тогда слишкомъ рѣзкое неправдоподобіе исчезнетъ, и монологи Арнольфа могутъ быть или сокращены или даже совершенно выщеплены. Отсутствие *внѣшней національности* дѣйствующихъ лицъ — что дѣлать? этому пособить нельзя; но сей недостатокъ принадлежитъ не Молиеру, а его вѣку: идея народности въ искусствѣ, въ томъ значеніи, какъ понимаемъ ее мы, въ то время не могла развиться во Франціи, хотя тѣмъ не менѣе Молиеръ по сію пору остается для Французовъ писатель самый народный.

Мы сказали уже, что *Школа женщинъ*, при появленіи своемъ, возбудила самыя противоположныя толки и мнѣнія: одни находили комедію эту превосходною, другіе до крайности дурною, и даже безнравственною. Молиеръ хотѣ былъ и великій человекъ, но все таки человекъ и, стало быть, не безъ слабостей. Глупыя толки и кривыя сужденія на счетъ комедіи *Школа Женщинъ* раздражили автора ея, и онъ, въ пылу досады и негодованія, вздумалъ порасчитаться съ своими порицателями и вывести на сцену не лица, потому что только бездарность и мелкодушіе способны къ пасквильямъ, а нелѣпыя, ложныя мнѣнія, которыя заражались въ разныхъ классахъ общества; такимъ образомъ, въ лицѣ Климены изобразилъ онъ тѣхъ несносныхъ женщинъ — *précieuses ridicules* — которыхъ оскорбляетъ каждое игривое слово, которыя наивное выраженіе принимаютъ за низкое, всякую шутку за неприличіе; въ лицѣ Маркиза представлены имъ тѣ *строгіе цѣлители и судьи*, которые однимъ словомъ произносятъ приговоръ сочиненію, плохо зная его, совершенно не понимая, и даже не будучи въ состояніи понять; наконецъ въ лицѣ поэта Лизидаса, Молиеръ очень тонко вывелъ тѣхъ мелкихъ, завистливыхъ писакъ, которые скрываютъ злобу подлѣ маскою безпристрастія и своими *скром-*

ными сужденіями вредятъ автору болѣе, нежели самые злые его критики. Вотъ какимъ образомъ составила критика на *Школу жеслицъ*, разсужденіе въ видѣ разговора, но ужь никакъ не комедія. Эта критика, явившаяся мѣсяцевъ пять спустя послѣ самой комедіи, игралась, вмѣстѣ съ нею, тридцать два раза сряду; причина успѣха очень понятна для т.го времени; но что за мысль — перевести это разсужденіе на Русскій языкъ и дать его на Русской сценѣ? Для кого оно можетъ быть понятно или занимательно, не исключая даже записныхъ поклонниковъ Молиера, которые съ большимъ удовольствіемъ могутъ прочесть эту критику въ оригиналѣ. Что жъ мудреваго, что критика на *Школу жеслицъ* съ перваго раза упала на нашей сценѣ, не смотря на то даже, что Г. Кулковъ удостоилъ украсить ее своею игрою и взялъ на себя самую умную роль въ пьесѣ — роль Доранта!

Но мы ничего не сказали о представленіи *Школы жеслицъ* на нашей сценѣ; впрочемъ, что и сказать о немъ? Для комедій Молиера нужны таланты и сценическая опытность А. М. Каратышиной и М. С. Щенкина; молодымъ артистамъ, привыкшимъ всякую новую роль обдѣлывать въ три, въ четыре дня, мудро ладить съ Молиеромъ, особенно безъ опытнаго руководителя, съ любовію изучавшаго сцену. — Мы не можемъ однако жъ не отлатъ должной похвалы Г-жѣ Мартыновой, которая, какъ дебютантка, исполнила дѣло свое прекрасно: она сыграла роль Агнесы очень умно, отчетливо и съ развязностію, рѣдкою въ дебютанткахъ. Въ многократныхъ вызовахъ и апплодиссентахъ, которыми удостоила ее публика, видно было не только ободреніе, но и одобреніе искреннее, живое — и Г-жа Мартынова вполне его заслуживала.

Дядушка Назаръ Андреевичъ — водевилъ очень миленькій, и мы вполне бы

похвалили его, если бъ только не былъ онъ испорченъ двумя, тремя куплетами и остротами, какъ будто подслушанными на Толкучемъ Рынкѣ. Этотъ Дядушка, изволите видѣть, имѣетъ при себѣ внука и ввучку, и ужасно балуетъ ихъ, до того балуетъ, что позволяетъ имъ влюбляться, безъ сердца выслушиваетъ ихъ любовныя тайны, и даже, мало того, принимаетъ на себя роль жениха, въ угоду шалуни племяннику, жениха молоденькой дѣвушкѣ — онъ, старикъ семидесяти лѣтъ! Этого Дядушку сыгралъ превосходно Г. Мартыновъ: сколько искусства, сколько таланта! Едва вѣршишь, чтобы этого Дядушку игралъ такой молодой человекъ, какъ Г. Мартыновъ! Высокій талантъ! Г-жа Гусева прекрасна въ роли Матрeпы Архиповны, экономки Черепова.

Передъ *Школой жеслицъ* данъ былъ водевилъ *Капитанъ втораго ранга и жена первой статьи*. Этотъ Капитанъ, Иванъ Кузьмичъ Алышевъ, женившись на Христинѣ Карловнѣ и приживши съ нею дочь (это было въ Ригѣ), соскучился ея капризами и бѣжалъ отъ нихъ — не на край свѣта, а кругомъ свѣта, страствовать по морямъ. Послѣ долгихъ страствованій, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ на покой, и поселился въ своемъ домѣ. Но Иванъ Кузьмичъ въ отставку, въ бездѣйствіи, а человеку его званія, привыкшему къ трудамъ и опасностямъ, не легко жить безъ дѣла; притомъ же онъ одинъ, некому заняться съ нимъ, развлечь его, услужить ему. И вотъ, разговорившись съ управляющимъ своего дома, Богданъ Антоновичемъ Вингельманомъ, онъ со вздохомъ передаетъ ему свое горе. Этому легко помочь, отвѣчаетъ Богданъ Антоновичъ: возьмите къ себѣ когонибудь, кто бы за вами ходилъ, прислуживалъ бы вамъ, читалъ, бесѣдовалъ съ вами... И вотъ кетати: у насъ въ домѣ живетъ съ матерью молоденькая дѣвушка, предобрая и премилая; она съ

охотою пойдеть къ вамъ въ компаніюнкн. Алышевъ соглашается на предложеніе; и дѣйствительно, молоденькая компаніонка оказывается прелестною: она добра, ласкова, внимательна, предупреждаетъ всякое малѣйшее желаніе его... Онъ очень полюбилъ ее, готовъ жить съ нею до самой смерти. Послѣ разныхъ распросовъ, онъ узнаеть, что эта добрая, великодушная компаніонка никто иная, какъ—дочь

его, Лиза, которая, вмѣстѣ съ Христіной Карловной, переселилась въ Петербургъ, и живетъ на квартирѣ, въ домѣ своего родителя. Алышевъ послѣ этого снова сходитса съ своей дрожайщей половиной, а дочь ихъ выходитъ замужъ за Богдана Антоновича Вицкельмана.

Этому водевилю много придавъ интереса игрою своею Г. Каратыгинъ 2-й.

ПРОЪЗДЪ ЧЕРЕЗЪ ОРЕЛЬ

М. С. ЩЕПКИНА.

(Мая 29 - го, 1842).

Мая 28-го, вечеромъ, въ партеръ Орловскаго Театра, во время представленія «Теобальда» и водевиля «Два купца и два отца», неожиданно-негаданно вошелъ—Щепкинъ. Пріятное изумленіе старыхъ знакомцевъ и почитателей знаменитаго артиста встрѣтило его неожиданное здѣсь появленіе. И имя Щепкина, и самая личность его слишкомъ извѣстны всякому образованному человѣку: много ли тѣхъ, которые бы не видали его, и есть ли такіе, которые бы о немъ не слышали?

Вотъ почему внезапное появленіе въ здѣшнемъ театрѣ знаменитаго народнаго нашего художника возбудило всеобщее любопытство присутствующихъ. Однако же, это любопытство было скоро удовлетворено, и, на первый разъ, не слишкомъ къ общей радости. Щепкинъ объявилъ, что онъ въ Орлѣ проездомъ, спѣшитъ въ Харьковъ, зашелъ въ театръ

только, какъ говорится «взглянуть», и ѣдетъ сей часъ же, потому что лошади уже готовы.

Новость была печальная! Всѣ надежды видѣть Щепкина на нашей сценѣ рушились этимъ короткимъ и яснымъ отвѣтомъ. Но отказаться отъ этихъ надеждъ было не такъ-то легко. Въ этомъ случаѣ насъ поймутъ только тѣ изъ столичныхъ жителей, которые сами когда нибудь прежде *проживали* въ провинціи. Пусть извинятъ намъ подобное выраженіе... но оно вѣрно!

Что жъ мудренаго, что почтенный Директоръ здѣшняго театра, Д. С. С. П. А. Буришевъ, котораго просвѣщенной и заботливой попечительности о здѣшней сценѣ, Орель обязалъ рѣшительно лучшимъ и первымъ удовольствіемъ города; что всѣ другіе, бывшіе въ театрѣ, знакомые не съ однимъ именемъ и славою Щепкина, но и съ самой игрою знаменитаго артиста, приняли самое живое участіе въ

нашихъ общихъ интересахъ, въ общемъ желаніи видѣть у насъ здѣсь хоть одно представленіе Щепкина.

И Щепкинъ, какъ ни дорого было ему время, согласился остаться у насъ на цѣлые сутки и дать здѣсь одно представленіе въ пользу дирекціи — безвозмездно: замѣчательная черта характера, хоть черта и не новая для тѣхъ, кому во наслышкѣ извѣстенъ личный характеръ Щепкина.

На слѣдующее же утро, извѣстіе о прибытіи къ намъ М. С. и будущемъ представленіи разнеслось по городу, вмѣстѣ съ афишами, на которыхъ, между знакомыми именами здѣшнихъ актеровъ, публика прочла имя Михаила Семеновича Щепкина.

Общанныя пьесы, избранныя самимъ артистомъ, были: *Мирандолина* и *Матрость*. (*Матрость*, *chef d'oeuvre* игры Щепкина!) Конечно, Щепкинъ никогда и нигдѣ столько, какъ захвативши въ какой-нибудь провинціальный городъ и обѣщавши участвовать въ представленіи мѣстной труппы, не можетъ такъ кстати повторить двуѣ извѣстныхъ стиховъ Фамусова:

«По городу всею надбѣло хлопотъ,

И оглашу во весь народъ...»

Да, кажется, по крайней мѣрѣ, мы были тому здѣсь очевидными и (признаемся) радостными свидѣтелями. Все, что только принимаетъ хоть какое нибудь участіе въ дѣлѣ искусства, что сколько нибудь любитъ и понимаетъ его, послѣдшило запаситься билетами для будущаго спектакля. Участіе всего образованнаго сословія къ игрѣ нашего лучшаго комика было общее.

Около половины 8-го началось представленіе *Мирандолины*, роль которой занимала молодая артистка здѣшняго театра, дѣвица Кравченкова, о дарованіи и игрѣ которой, особенно въ этой роли, предоставляемъ себѣ право говорить ниже. Извѣстно, что *Мирандолина* открываетъ

ся сценой между хозяйкой гостиницы и Францомъ, ея прикащикомъ, роль котораго занималъ Г. Лавровъ. Эта первая сцена, какъ говорится, сошла съ рукъ такъ хорошо, что мы заранѣе могли поздравить себя съ увѣренностію, что знаменитая игра Щепкина не потерпитъ у насъ ничего, потому что избѣжить на этотъ разъ всякаго неприятнаго, иногда карикатурно-уродливаго столкновенія съ жалкимъ выполненіемъ другихъ ролей, группирующихъ съ его ролью. Этотъ *ensemble* слишкомъ важенъ въ драматическомъ искусствѣ, чтобы къ нему можно было когда нибудь и гдѣ нибудь оставаться равнодушнымъ. Но тутъ (мы говоримъ именно о прошломъ представленіи *Мирандолины* на здѣшней сценѣ) вопросъ былъ шекотливъ и любопытенъ: играть вмѣстѣ съ Щепкинскимъ, на *однихъ доскахъ* съ нимъ, какъ прекрасно выразилась Ранса Ильиншна въ *Синичкинѣ* у Ленскаго, для этого, кромѣ смѣлости, надо имѣть хоть какое нибудь дарованіе, чтобы не заставить страдать бѣдныхъ зрителей и не страдать самому, даже при небольшой долѣ самолюбія, которое вѣрно найдется у всякаго актера.

И такъ, повторяемъ, первая сцена между *Мирандолиной* и Францомъ, была исполнена совершенно отчетливо. Дѣвица Кравченкова, которой, вмѣстѣ съ лучшимъ нашимъ комикомъ, принадлежала главная роль пьесы, увѣрила насъ тутъ же, что игра Щепкина, какъ дѣло искусства, не пропадетъ у насъ даромъ. А это уже много, воля ваша!

И вотъ наконецъ входитъ Вальдорфъ, скучный, брюзгливый, угрюмый старикъ. Громкія, единодушныя рукоплесканія привѣтствовали Щепкина. Нѣсколько минутъ артистъ стоялъ передъ публикой молча; рукоплесканія не умолкали.

Есть въ жизни эти минуты увлеченія, минуты восторга... это, въ самой жизни, какой-то дионисійскій, полный, огромный! Тотъ знаетъ эти минуты, кто встрѣчалъ

когда нибудь появленіе на сценѣ знаменитаго артиста, игръ котораго, можетъ быть столько разъ почувствовалъ.

Первыя слова, первыя движенія Вальдорфа были уже превосходны: брюзга явился передъ нами лицомъ къ лицу; брюзга совершенный, который сейчасъ же оборотился спиной къ хорошенькой женщѣнѣ. Ему досадно и скучно, онъ требуетъ книгу, и Мирандолина приноситъ ему сборникъ какихъ-то отчаянныхъ филиппикъ противъ женщинъ. Брюзга удивленъ! Онъ то пересматриваетъ книгу, то всматривается въ хозяйку, разговоръ, сперва отрывистый, завязывается—и сцена оживлена, интересна!

Да, эта сцена (главная, какъ point de départ всей пьесы) была исполнена прекрасно. Тутъ мы должны сказать уже больше того, что сказали прежде: смотря на эту сцену, мы уже не думали о томъ, поддержитъ ли дѣвица Кравченкова своей игрой игру Щепкина: тутъ мы видѣли самое исполненіе, которое не оставляло болѣе мѣста ни какому опасенію и расчетамъ. И не только тутъ, но въ продолженіе всего представленія *Мирандолины*, дѣвица Кравченкова была совершенно вѣрна характеру представляемаго ею лица, со всеми измѣненіями этого характера. Она ловко интриговала и дурачила Вальдорфа, ловко смѣялась надъ нимъ и за глаза и въ глаза, и доказала тутъ, какъ нельзя лучше, старому, прежде брюзгливому, и потомъ такъ смѣшно растаявшему селадону, что

«Надъ сядинами не грѣять»

«Безумства рязныя гремушни.»

А въ этомъ-то и состояла вся задача ея роли и пьесы. И если мы наслаждались этой пьесой, въ которой, въ роли Вальдорфа, дебютировалъ передъ нами Щепкинъ, то скажемъ нашу благодарность дѣвицѣ Кравченковой, которой не только роль, но и игра составляли pendant къ игрѣ Щепкина. Вспомните, что это на сценѣ провинціального театра. Будь же

на мѣстѣ дѣвицы Кравченковой другая артистка, мы, смотря на игру ея, вмѣстѣ съ игрой Щепкина, могли бы испытать то болѣзненное, до крайности неприятное чувство, которое... pardon! похоже на колоти, и отъ котораго иногда зашититься нѣтъ возможности.

А что же тутъ, спросятъ насъ, самъ Щепкинъ?

Щепкинъ, по собственному его признанію, отдастъ въ роли Вальдорфа совершенное передъ собой преимущество Г. Сосницкому. Не станемъ спорить съ знаменитымъ артистомъ, котораго мнѣнія объ искусствѣ, игрѣ своей и чужой, отличались всегда добросовѣстностію, не рѣдкою, развѣ только потому, что недобросовѣстность Щепкина была бы своего рода рѣдкостью. Спорить мы не станемъ; но помнится, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, мы, на сценѣ Александринскаго Театра, видѣли въ этой же роли Г. Сосницкаго. Онъ не показался намъ удовлетворительнѣе Щепкина. Правда, у Г. Сосницкаго селадонство стараго волокиты доведено тутъ до какой-то правильной, чистой обдѣлки; оно у него, если можно такъ выразиться, отработаниѣе. И этотъ-то колоритъ характера Вальдорфа, какой придаетъ ему Г. Сосницкій, какъ нельзя лучше напоминаетъ слова Генриха Францу, что была когда-то у нихъ съ барининомъ *хорошая половина жизни*, когда проживался баринъ и наживался слуга. Но, какъ намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, Щепкинъ въ этой роли естественнѣе: да, естественнѣе, въ переходѣ изъ брюзги въ селадона, и стало быть, естественнѣе въ самомъ характерѣ этого селадона, который только что переродился изъ брюзги. Такое замѣчаніе мы дѣлаемъ вовсе не мимоходомъ, нѣтъ! оно относится къ той психологической, духовной сторонѣ драматическаго искусства, которая всего ближе соприкасается съ его сущностію, съ олицетвореніемъ характеровъ, полнымъ, живымъ олицетвореніемъ.

Тутъ-то и главное достоинство въ исполненіи Щепкинѣмъ роли Вальдорфа, что онъ совершенно умѣлъ создать изъ себя и, стало быть, выдержать всю естественность этого характера стараго брюзги, завлеченнаго, и потомъ, то постоянно увлекаемаго, то отталкиваемаго молодою дѣвушкой. Вальдорфъ, по самому характеру піесы, тутъ жертва интриги, на смѣшки хорошенькой женщины, которая постояннымъ кокетствомъ, то лаской, то забавной требовательностью, то равнодушіемъ, держитъ этотъ характеръ брюзги и селадона въ какомъ-то колебаніи. Припомнимъ, сколько разъ Вальдорфъ хотеть уѣхать изъ гостиницы? Сколько разъ онъ готовъ почувствоваться, чтобы опять забиться для новыхъ глупостей? Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, драматическая и настоящая черта характера Вальдорфа: въ этомъ-то и лежитъ въ піесѣ истина его природы и значенія. И это-то настоящая, дѣйствительная черта характера была превосходно создана на сценѣ творческою силою таланта нашего Щепкина.

Поворимъ еще разъ, что его игра была прекрасно поддержана игрой дѣвицы Кравченковой.

Здѣсь весьма кстати можно сказать, что трудная и большая роль Мирандоллины никогда дѣвицей Кравченковой играна не была, и что она, желая угодить дирекціи и не лишитъ публики случая видѣть несравненнаго Щепкина, вызвалась сама на сію роль, не смыкала въ продолженіе всей почти глазъ, уча се, и къ общему удивленію знала ее твердо и сыграла прекрасно. Такое усердіе и дарованіе не могутъ не заслужить полной и совершенной нашей благодарности.

Теперь нѣсколько словъ о лицахъ аксессуарныхъ. Г. Лавровъ въ роли Франца былъ довольно хорошъ. Примѣтно было однако жъ, что роль эта, принятая имъ только наканунѣ, была не совсемъ затвержена, и это-то вѣроятно приводило его въ замѣшательство, и вредило его игрѣ. Впро-

чемъ, Г. Лавровъ актеръ съ истиннымъ талантомъ и съ любовію къ своему искусству. Г. Новицкому, не только въ роли Генриха, но и во всякой другой, мы совѣтуемъ, какъ можно больше смягчать свои приемы и отрывистую, немножко грубую и непріятную для образованнаго уха дикцію... Мы, пожалуй, не сдѣлали бы этого замѣчанія, если бы Г. Новицкій не имѣлъ неподдѣльнаго дарованія въ характерахъ буфо-комическихъ. Пусть же онъ постарается обрабатывать свое дарованіе, которое непременно требуетъ выдѣлки, изученія. Можно надѣяться, что это и исполнится подъ назидательнымъ руководствомъ дирекціи и при собственной доброй волѣ Г. Новицкаго.

Послѣ перваго же акта Мирандоллины, Щепкинъ былъ единодушно вызванъ, и вывелъ съ собою передъ публику нашу лучшую артистку, дѣвицу Кравченкову. Это такое одобреніе, которое было замѣчено публикой, и которымъ, вѣрно, всякая артистка будетъ гордиться.

Послѣ *Мирандоллины* публика готовилась увидѣть Щепкина въ одной изъ лучшихъ его ролей, въ роли Матроса, имъ прославленнаго.

Мы высмотрѣли первую сцену *Матроса* между Магдалиною (Г-жей Кравченковой) и Петромъ, женихомъ Жаннетты (Г. Орловымъ) безъ всякихъ особенныхъ чувствъ ожиданія: это были лица аксессуарныя. Главныя роли принадлежали Жаннеттѣ, дѣвицѣ Кравченковой, и Рено, Г. Кочеткову.

Сцена прошла: Магдалани и Петръ убѣгаютъ, услышавши стукъ у двери. Войти Жаннетта, дверь отворяется... мы слышимъ вопросъ Жаннетты: кто тамъ?

Матросъ, отвѣчаетъ ей за дверью голосъ старика... *Матросъ*, одно только слово! Но на это слово цѣлая толпа людей отвѣчала громкимъ рукоплесканіемъ.

И вотъ, въ самомъ дѣлѣ, передъ нами вышелъ бодрый, свѣжій старикъ въ синей матросской курткѣ, въ красномъ жи-

летѣ съ свѣтлыми металлическими пуговицами, съ класчатой шляпой и сумкой.

Щепкинъ былъ хорошъ въ этомъ нарядѣ! Да, между этимъ матросскимъ костюмомъ и самой фizioноміей старика было что-то общее, какое-то цѣлое, которое чувствуется, но не передается. Слѣдствіе ли это извѣстной настроенности воображенія, уже приготовленнаго къ принятію впечатлѣнія, есть ли это, въ самомъ дѣлѣ, живое чувство сознанія при видѣ живой олицетворенной идеи, мы не беремся рѣшить этого. Знаемъ только, что это было чувство не мимолетное... нѣтъ! Щепкинъ продержалъ насъ подь его вліяніемъ въ продолженіе всей первой сцены съ Жаннеткою, этой поэтической сцены, совершенно наполненной чувствомъ возвращенія на родину. Мы никогда не забудемъ того теплаго, кроткаго выраженія, съ какимъ были пропѣты эти чудесные простые стихи *возвращенія*.

Отчизна дорогая,
Тебя я вижу вновь!
Все таже жизнь простая
Тѣ жъ ласки и любви!...

И слова, и музыка просты. Но отчего въ нихъ вѣетъ что-то такое...

Что душу волнуетъ, что сердце манитъ... что объяснить было бы трудно безъ этого плѣнительнаго стиха Жуковскаго? Отъ чего, спрашиваю васъ, сотни и сотни такъ называемыхъ куплетовъ проскользаютъ мимо вашей души и даже вниманія? Или это необъяснимая тайна искусства, которое тоже — тайна!...

Таково было начало *Матроса*. Но пусть теперь извинять насъ, что мы не подходимъ съ анатомическимъ пожемъ къ живому созданію, не разрѣзываемъ его на куски, не дѣлаемъ изъ него трупъ.... Да, піеса, хорошо игранная (по крайней мѣрѣ главными лицами, на которыхъ сосредоточенъ интересъ ея), есть созданіе живое, какъ и всякое другое живое созданіе.

И если мы скажемъ, что Щепкинъ въ роли Матроса былъ естественъ, этого мало. Мало, потому что... Но пусть позволить намъ почтенный артистъ обратиться къ его личнымъ мнѣніямъ объ искусствѣ.

Въ дѣлѣ искусства сценическаго Щепкинъ отличаетъ *актерство* (искусство въ писшемъ смыслѣ) отъ *художества* (искусства, собственно). Вотъ, на основаніи этого-то дѣленія, совершенно вѣрнаго сущности искусства сценическаго, мы думаемъ, что *естественность* есть часто удѣлъ *актерства* и почти всегда удѣлъ *актерства* умнаго, смышленнаго, расчетливаго. Оно достается даже просто извѣстною сценической опытностью. По *художеству*, какъ творчеству, является «въ полномъ олицетвореніи живой, действительной личности».

Таковъ Щепкинъ въ лучшихъ своихъ роляхъ, которымъ онъ наиболее сочувствуетъ; таковъ онъ всегда въ *Матросѣ*, таковъ былъ и теперь. Онъ страдалъ, и любилъ, и сѣтовалъ, и заглушалъ въ себѣ боренія чувствъ самыхъ живыхъ, самыхъ разнородныхъ... однимъ словомъ, это былъ Матросъ!

И вотъ гдѣ вся причина того необъятнаго вліянія, того сострастія безконечнаго, которое возбуждаетъ въ зрителяхъ артистъ, художникъ. Вотъ почему, въ минуту своего творчества, онъ отнимаетъ у васъ всякое чувство вашей собственной личности, всякое ощущеніе личной вашей жизни, и сливаетъ всѣ силы вашей души съ *своей* личностью, съ *своимъ я*, и вмѣстѣ съ нимъ заставляетъ васъ и страдать, и любить, и молиться!... Вотъ это искусство!...

И посмотрите, какъ сильно вліяніе искусства! Кому не извѣстно содержаніе *Матроса*? Всѣмъ, почти всѣмъ. Но отчего же, не смотря на то, что приходя въ театръ вы заранѣе знаете чѣмъ эта піеса начнется и кончится, отчего же, въ извѣстныхъ минуты, драматическій ид-

тересъ ея возрастаетъ до такой невѣроятной степени, что вся ваша собственная жизнь заключена только въ чувствѣ страсти къ той жизни, которая совершается тогда передъ вашими глазами?

Такова, въ прошломъ представленіи *Матроса*, была сцена, послѣдовавшая за сценою обѣда, гдѣ Симонъ одушевился при чтеніи газеты. Вотъ, по просьбѣ друзей, онъ пропѣлъ свою пѣсню:

«Добрый морякъ, пѣвши скорѣй,
Сражайся съ бурною волной...»

Это пѣснь Симона, будто бы умершаго Симона. Тяжело ему: цѣлая буря чувствъ бушуетъ въ груди стараго матроса, онъ проситъ другихъ уйти, и думаетъ, что остался одинъ... но дочь спряталась и подслушиваетъ его...

Помните эту минуту? Вотъ когда драматическій интересъ возрастаетъ до высшей степени! Вотъ когда вы ждете того, что будетъ, и не помните уже, что давно знали, что тутъ должно быть.

Эти минуты — дѣло сценическаго творчества. И если мы, говоря о прошломъ представленіи *Матроса*, указали именно на эту минуточку, то потому, чтобы вывести изъ всего сказаннаго нами, какъ слѣдствіе, мысль о томъ какъ были исполнены роли Матроса и Жаннеты. О Щепкинѣ уже ни слова! Но роль Жаннеты была исполнена превосходно дѣвицею Кравченковой. Говоря еще о *Мирандолинѣ*, мы сказали какого рода страданіе постигло бы пастъ, если бы другая, менѣе даровитая артистка взялась играть вѣсть съ Щепкинѣмъ главную женскую роль пьесы. Но вспомнимъ здѣсь, что между *Матросомъ* и *Мирандолиной* разстояніе слишкомъ огромно. *Матросъ* драма, драма, какъ она есть; *Мирандолина* комедія, даже *comédie bouffe*. Смотря *Мирандолину* не отвлекаешься отъ своей личности: но если будешь смотреть *Матроса* или вѣрнѣе Щепкина въ роли Матроса, и не забудешься, не будешь жить жизнью это-

го старика и этой дочери... это будетъ виновенъ артистка, которая возьмется за роль Жаннеты.

Игрѣ дѣвицы Кравченковой самъ Щепкинъ отдалъ полную справедливость. Онъ былъ благодаренъ ей за ея игру; а это смѣло увѣряетъ нашу артистку, больше, гораздо больше, чѣмъ сотни рукописанныхъ, сотни вызововъ на аванъ-сцену для поклона почтеннѣйшей публикѣ и даже гораздо больше похвалы какаго нибудь записнаго критика, этого, тоже въ свою очередь, *угрюмаго сторожеи музъ*, по безмерному выраженію одного безсмертнаго человѣка.

Желаемъ, чтобы подобное одобреніе отъ Щепкина послужило еще къ большему усовершенствованію дарованія, дарованія несомнѣннаго дѣвицы Кравченковой, которая, исполненіемъ роли Жаннеты, доказала намъ, какъ глубоко и вѣрно это дарованіе, и, стало быть, какъ разнообразны могутъ быть ея амплуа.

О другихъ лицахъ пьесы, хоть ни слова, кромѣ Петра, котораго какъ нельзя вѣрнѣе сыгралъ Г. Орловъ. Онъ такъ уморительно рассказывалъ о странныхъ вопросахъ моряка, хохоталъ надъ нимъ такъ наивно, что разсмѣшилъ насъ: взялъ свое — и это заслуга. Г-жа Ладина, въ роли Катерины, была удивительно незамѣтна: роль не ея! А Г. Кочетковъ, въ роли Рено... Ну, да что дѣлать...

Но онъ предъ свѣтомъ виновать!..

А жаль: роль главная! Г. Лавровъ сыгралъ бы ее удовлетворительно, если бы возможно было хотя за трое сутокъ предъ-звать о прѣздѣ Г. Щепкина.

Объ Орловскомъ Театрѣ, его исторіи, настоящемъ положеніи, средствахъ и успѣхахъ, надѣмся говорить подробно, и въ непродолжительномъ времени. Просвѣщенная заботливость о здѣшнемъ театрѣ почтеннаго директора П. А. Бурнашева должна быть замѣчена Русскою публикой, изъ уваженія къ чести труда безкорыстнаго, дѣятельнаго и дѣльнаго.

Мы надѣмся высказать въ общаеиой намъ статьѣ наше мнѣнiе о значенiи у насъ провинціальныхъ театровъ, мнѣнiе, взятое не изъ теорiи, а изъ жизни, изъ наблюденiя внимательнаго, распросовъ, толковъ....

Доскажемъ о Щепкинѣ. По окончанiи спектакля, мы еще провели съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько часовъ у П. А. Бурнашева. И старые и новые знакомые артиста, собравшіеся сейчасъ же послѣ спектакля, благодарили знаменитаго Щепкина, который, въ нашемъ кругу, такъ охотно, добродушно, разговорился о предметѣ столько ему близкомъ, объ искусствѣ сценическомъ

Что до насъ — мы увѣрены, что слушать объ этомъ мнѣнiя знаменитаго художника въ тысячу разъ полезнѣе, чѣмъ прочесть сотни Нѣмецкихъ эстетикъ: тутъ слышишь не теорiю, часто сухую, отвлеченную, холодную, а психологию искусства, входящую въ наше святилище души творческой.

Благодарность полная, совершенная благодарность Михаилу Семеновичу. Орель долго будетъ помнить его, хотя онъ пробылъ у насъ и не долго. Въ два часа ночи, т. е. утромъ Мая 30-го, Щепкинъ уѣхалъ.

В. Н.

Орель, 31-го Мая.

1842 года.

IV. СМѢСЬ.

ОТЗЫВЪ О ЛИСТѢ ЕЩЕ 1822 ГОДУ.

Теперь, когда о Листѣ пишутъ и говорятъ такъ много, когда слава его такъ велика, для читателей нашихъ, безъ сомнѣній, будетъ имѣть занимательность отзывъ объ этомъ гениальномъ виртуозѣ, сдѣланный одной Нѣмецкою газетою въ 1822 году, то есть въ то время, когда Листъ былъ еще мальчикомъ. Вотъ что было тогда сказано о немъ въ этой газетѣ: «6-го Декабря былъ данъ на Театрѣ у Карпентійскихъ Воротъ (въ Вѣнѣ) концертъ, въ которомъ одинъ мальчикъ, нѣкто Францъ Листъ, исполнилъ на фортепیانѣ рондо Риса. Маленькій Листъ, точностию и силою игры своей доказалъ, что онъ предназначенъ быть великимъ виртуозомъ. Желасемъ, чтобы нынѣшній руководитель его, котораго онъ вполне достоинъ, сократилъ и уравниалъ путь, ведущій къ избранной имъ цѣли... Отличный художникъ, обладающій талантъ, подобный этому, совершаетъ великій подвигъ.»

НАПОЛЕОНЪ И СИДЪ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ, Наполеонъ пріѣхалъ однажды во Французскій Театръ совершенно неожиданно. Въ этотъ вечеръ тамъ играли, или, лучше сказать, уродовали Сидя. Ноде страшно гнусѣлъ въ роли Дона Діего, старикъ Лакавъ распѣвалъ роль Короля, Г-жа Гро отличалась въ роли Химены; одинъ плохой актеръ, по имени Варенъ, играя роль Графа Гормаса, какъ говорится, ревелъ на про-

палу; наконецъ, какой-то, столь же плохой дебютантъ безжалостно коверкалъ роль Родрига. Императоръ едва могъ выслушать два акта этой жалкой пародіи. Онъ, съ видимымъ гнѣвомъ, оставилъ театръ. Возвратясь въ Тюльери, онъ тотъ же часъ призвалъ къ себѣ въ кабинетъ Г. Ремюза, завѣдывавшаго тогда Французскимъ, Театромъ и осыпалъ его упреками за невнимательность, благодаря которой безсмертное твореніе Корнелия дѣлалось посмѣшищемъ публики.

Г. Ремюза оправдывался, и вдругъ имѣлъ неосторожность сказать, что, судя по средствамъ Французскаго Театра, не могъ лучше обставить Сидя.

— Не могли! воскликнулъ Наполеонъ, гнѣвъ котораго достигнулъ тогда послѣдней степени. Извольте, сударь, садиться и писать... Я продиктую вамъ распределение ролей.. Пишите:

Родригъ,	Тальма.
Донъ Діего,	Монвель.
Графъ Гормасъ,	Сенъ При.
Король,	Лачонъ.
Донъ Санхо,	Дама.
Хименъ,	Г-жа Дюшенуа.

— Теперь только еще одиннадцать часовъ, присовокупилъ онъ потомъ; поѣжайте во Французскую Комедию, сзовите комитетъ и передайте ему это распределение ролей; прошу также извѣстить его, что я желаю, чтобы Сидъ былъ обставленъ такимъ образомъ, и что я, въ

день представленія его буду въ моей ложѣ ровно въ семь часовъ.

Приказаніе это было исполнено буквально, и Сидъ былъ сыгранъ превосходно, въ присутствіи Наполеона и при стеченіи многочисленной публики.

БОГАТЫЙ СЮЖЕТЪ ДЛЯ СКРИВОВСКОЙ ПЬЕСЫ.

Остроумный и богатый драматическій писатель Скрибъ, въ сочиненіяхъ котораго находятся *Свадьба по разсудку* (Mariage de raison), *Свадьба по склонности* (Mariage d'inclination) и *Свадьба изъ денегъ* (Mariage d'argent), и сверхъ того пережившій множество Наполеоновскихъ полковниковъ, маркизовъ старыхъ времени, денди, нотариусовъ, дипломатовъ и банкировъ, наконецъ самъ вздумалъ жениться. Онъ обвѣщался, какъ извѣстно, на дняхъ съ молодою и хорошенькою вдовою, принесшею ему въ приданое столько же любезности и красоты, сколько и денегъ. Утверждаютъ, что у нее имѣнія 200,000 фр., изъ которыхъ половина принадлежитъ двумъ дѣтямъ, прижитымъ ею съ первымъ мужемъ, Г-мъ Биоле (Biolay), бывшимъ ликернымъ фабрикантомъ.

Скрибъ проводитъ нынѣ медовый мѣсяцъ въ своемъ замкѣ, Серикурѣ, близъ Ферте-су-Жуара.

Изъ повода къ своему браку Скрибъ можетъ выкроить прелестный сюжетъ для комедіи. Извѣстно, что онъ получаетъ до ста тысячъ франковъ ежегоднаго дохода, и очень часто не знаетъ какимъ бы образомъ ихъ пустить въ оборотъ. Года за два или за три, у Скриба было 200,000 фр., не опредѣленные еще ни на что; онъ сообщилъ о томъ своему нотариусу, который ему предложилъ дать ихъ взаймы богатому виноторговцу въ Ла-Вилетѣ, подъ залогъ поземельнаго имущества въ 800,000 фр.; при этомъ нотариусъ замѣтилъ, что это имѣніе уже въ залогъ на 200,000 фр., данныхъ въ приданое дочери владѣльца, и потому Г. Скрибъ поступаетъ во второй разрядъ займодавцевъ. Предложе-

ніе это не понравилось Скрибу, и объ этомъ дѣлѣ болѣе не было рѣчи.

Черезъ недѣлю послѣ того, Скрибу докладываютъ, что съ нимъ желаетъ переговорить, о частномъ дѣлѣ, какая-то молодая женщина. Женщина эта, обворожившая его съ перваго взгляда пріятною наружностію и отличнѣйшимъ обращеніемъ, была Г-жа Биоле, дочь виноторговца, котораго Скрибу предлагали для денежной сдѣлки. Подавая Скрибу бумагу, подписанную ею и мужемъ ея, она сказала ему: Вы хотите отдать взаймы 200,000 фр., и рѣшались повѣрить ихъ батюшкѣ моему, но требовали поступить въ первый разрядъ займодавцевъ; извольте, вотъ о томъ бумага. Мужъ мой и я желаемъ помочь батюшкѣ, и по этому отказываемся охотно отъ нашихъ правъ и передаемъ ихъ вамъ, для ускоренія заключенія дѣла, которое выведетъ батюшку изъ большаго минутнаго затрудненія.»

Скрибъ былъ тронутъ этою дѣтскою любовью и предложеніемъ объ уступкѣ преимущества; тотчасъ же далъ онъ Г-жѣ Биоле письмо къ своему нотариусу, и заемъ состоялся. Съ тѣхъ поръ 200,000 фр. уже выплачены обратно, и Скрибъ только сохранилъ воспоминаніе о Г-жѣ Биоле, съ которою болѣе не видался.

За нѣсколько мѣсяцевъ, за обѣдомъ у нотариуса, заговорили о старинныхъ 200,000 фр., и Скрибъ осведомился, съ поддѣльнымъ равнодушіемъ, о хорошенькой женщинѣ, навѣстившей его для заключенія того займа. Нотариусъ объявилъ ему, что уже два года она овдовѣла. Скрибъ обрадовался этому извѣстію, поручилъ нотариусу предложить ей его руку, и предложеніе это было принято такъ хорошо, что Г-жа Биоле нынѣ переименовалась въ Г-жу Скрибъ.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ МУЗЫКИ.

Весь Парижъ зналъ нѣкогда Барона Бажъ (Bage), этого богатаго, остроумнаго и пламеннаго меломана. Баронъ Бажъ былъ, въ свое время, однимъ изъ луч-

шихъ знатоковъ музыки. Мало того: любя музыку со всею силою страсти, онъ былъ, такъ сказать, руководителемъ почти всѣхъ тогдашнихъ композиторовъ, при началѣ ихъ поприща.

Какъ-то познакомился онъ съ Крейцеромъ, который начиная свой музыкальный карьеръ, жилъ въ Парижѣ очень небогато и почти незнаемый ни кѣмъ. Мало по малу они сблизились между собою. Наконецъ, однажды, Крейцеръ показалъ барону какое-то сочиненіе свое, и спросилъ напрямки, хорошо-ли оно.

Бажъ расхвалилъ талантъ Крейцера: «но», сказалъ онъ въ заключеніе, «чтобы быть великимъ художникомъ, надобно оплодотворить талантъ наукою... А вы еще мало знакомы съ нею... Не хотите ли брать уроки у меня? Я могу давать ихъ вамъ три раза въ недѣлю, и надѣюсь, что благодаря моей методѣ и вашимъ способностямъ, вы скоро приобрѣтете то, чего недостаетъ вамъ... Но я не хочу отнимать у васъ время даромъ... Позвольте ли вы, чтобы учитель платилъ ученику?.. Угодно ли вамъ брать по мундору за урокъ?»

Крейцеръ, натурально, согласился, и цѣлые полгода аккуратно являлся, въ назначенные дни, къ своему щедрому наставнику.

Черезъ шесть мѣсяцевъ, Бажъ нашелъ, однако жъ, что ученикъ его уже усовершенствовался, и прекратилъ свои уроки.

ПРОДЪЛКА БЕНЕФИЦИАНТА.

Какъ-то зимою, въ кофейнѣ Цирка было веселье обыкновеннаго. Нѣсколько драматическихъ писателей и актеровъ, собравшись въ кружокъ, говорили между собою, будто наперерывъ одинъ передъ другимъ, то рассказывали забавные анекдоты, какъ вдругъ одинъ изъ собесѣдниковъ, актеръ М..., говорившій менѣе прочихъ, привсталъ съ своего мѣста и сказалъ съ какою-то торжественностью:

— Мицуту вниманія, господа!

— Двѣ! воскликнулъ одинъ изъ собесѣдниковъ, между которыми тогда же воцарилось совершенное молчаніе.

— Ваши приключенія, господа, продолжалъ М..., очень милы и очень забавны: вы проводили директоровъ и актрисъ, вы подсмѣивались надъ главными режиссерами, вы мистификовали товарищей, вы торжествовали на счетъ вашихъ сотрудниковъ; но, скажите, случилось ли кому нибудь изъ васъ, какъ это случилось мнѣ, смѣло, явно провести вдругъ столько публички, сколько можетъ ее умѣститься въ театрѣ?

— Да это невозможно! Это вещь необычная! слышалось изъ кружка.

— Возможно, сказалъ М..., закуривъ сигарку. Слушайте и вы убѣдитесь.... Видите ли: въ 18... году находился я при театрѣ Напорамы. По контракту съ дирекціею, я имѣлъ право на бенефисъ... Само собою разумѣется, что я старался, сколько могъ, сдѣлать мои бенефисы привлекательными, т. е., что я выбиралъ для нихъ піесы самыя заманчивыя...

— Знаемъ, знаемъ! воскликнули два или три актера. — Далѣе!

— Извольте, далѣе. Не задолго передъ однимъ изъ моихъ бенефисовъ, у насъ на театрѣ была представлена мелодрама: *Бдливый пастухъ*. Мелодрама эта имѣла огромный успѣхъ, благодаря тому, что ей послужилъ основою уголовный процессъ; занимавшій въ то время весь Парижъ, всю Францію, процессъ героя котораго, — молодого пастуха, — сначала обвинили въ убійствѣ, посадили въ тюрьму и даже приговорили къ казни, а потомъ вдругъ признали невиннымъ, освободили и осыпали наградами. Эту-то піесу выбралъ я для моего бенефиса, но я присоединилъ къ ней... что бы вы думали?

— Пожалуйста, безъ ораторскихъ перерывовъ!

— Я присоединилъ къ ней идею... да!

но такую идею, отъ которой я былъ въ восхищеніи, идею необыкновенную, дивную, гениальную... идею...

— Сжатѣ! сжатѣ! Скорѣе къ дѣлу!

— Да я и такъ у дѣла... Я возвѣстилъ на афишахъ, что въ бенефисъ такого-то будетъ представлена; *Блудный пастухъ*, мелодрама въ трехъ дѣйствіяхъ, съ новыми декораціями, съ эволюціями, сраженіями, и пр. и пр... Ну, какъ водится... Но при томъ было напечатано, большими литерами, еще вотъ что: герой этой пьесы, несчастный и добродѣтельный, двадцати двухлѣтній пастухъ, родившійся въ деревнѣ NN. Департамента, и только что прибывшій въ столицу, явится лично въ театръ, во время спектакля. Онъ будетъ помѣщенъ въ виду всей публики и, во время антрактовъ сочтетъ удовольствіемъ отвѣчать на вопросы тѣхъ особъ, которымъ угодно будетъ узнать, отъ него самого, всѣ подробности его страшнаго приключенія.

— Славно придумано! Замѣтилъ одинъ актеръ.

— Надобно вамъ сказать, что передъ тѣмъ я пригласилъ, черезъ письмо, героя мелодрамы появиться въ театрѣ, во время моего бенефиса, за извѣстное вознагражденіе, и что пастухъ принялъ это предложеніе. И такъ, я весело ждалъ моего бенефиса, мечтая о колоссальномъ сборѣ. Наконецъ, наступилъ канунъ моего бенефиса: пастуха нѣтъ; наступило утро бенефиснаго дня: пастуха все такъ нѣтъ...

Я былъ въ отчаяніи, я чуть не рвалъ на себѣ волосы.

Наступило время послѣобѣденное: пастуха нѣтъ; наступилъ вечеръ: пастуха нѣтъ, какъ нѣтъ!...

У театра уже собрались цѣлыя толпы, касса уже открылась, а пастуха моего все нѣтъ!..

Кровь застывала въ моихъ жилахъ, а въ уши, какъ будто демонъ какой нашптывалъ безпрестанно: надо, надо отда-

вать назадъ сборъ! Отдать назадъ! Легко сказать, а каково исполнить?

Вдругъ опять сверкнула у меня мысль, мысль превосходная, удивительная, свѣтлая, высокая...

— Опять за прилагательные! воскликнулъ кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Не перебивайте его, не перебивайте! подхватили другіе.

— Видите ли: въ то время, когда, въ ожиданіи мелодрамы, играли небольшой водевильчикъ, я выбѣжалъ изъ театра, выбѣжалъ въ мастерскую одного столяра, отозвалъ въ сторону перваго встрѣтившагося мнѣ работника, и нанялъ, за тридцать франковъ, сыграть роль пастуха. Къ счастью, работникъ этотъ былъ малой толковый: онъ понялъ меня, какъ нельзя лучше. Онъ превалио усѣлся въ ложѣ, назначенной для пастуха; на него смотрѣли, какъ на чудо; ему рукоплескали отовсюду; во время антрактовъ его забросали вопросами, но онъ, благодаря моимъ наставленіямъ, превосходно отвѣчалъ на нихъ... Даже полицейскій комиссаръ, до слезъ разжалобленный его несчастіями, счелъ долгомъ засвидѣтельствовать ему свое сердечное соболезнованіе!

Послѣ спектакля, я получалъ, господа, тысячу двѣсти франковъ сбора, и расплатился съ моимъ подставнымъ пастухомъ.

— А настоящей? спросилъ кто-то.

— Настоящій? Онъ пріѣхалъ черезъ два дня послѣ моего бенефиса, и отправился потомъ назадъ, разумѣется, ни съ чѣмъ.

— Bravo! Bravo! воскликнули всѣ слушатели; хоть куда!

АЛЬСИДЪ ТУСЕ.

Альсидъ Тусе, артистъ Пале-Рояльскаго Театра, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ современныхъ комиковъ. Самое драгоцѣнное изъ его драгоцѣнныхъ сценическихъ качествъ, есть сильный, грубый голосъ его, изъ котораго извлекаетъ онъ такіе звуки, которые могутъ разсмѣ-

шить самага угрюмага зрителя. Онъ особенно блистаетъ въ тѣхъ піесахъ, гдѣ имѣетъ случай выказать искусство свое представлять кривоногихъ и другихъ калекъ—искусство, доходящее до чудеснаго. Мудрено себѣ вообразить ноги болѣе искривленныя, болѣе изуродованныя, чѣмъ тѣ, которыми щеголяетъ Тусе на сценѣ, между тѣмъ, какъ видѣ ея, онъ стройный, молодой денди. Недавно распространился было въ партеръ Пале-Рояльскаго Театра зловѣщій слухъ, что Альсидъ Тусе потерялъ *свой* голосъ. Громъ и молнія! Какъ? Что? Альсидъ Тусе говорить не по прежнему! Онъ говорить теперь, какъ говорятъ всѣ другіе! Неужели? Давайте его сюда! Тусе не игралъ въ тотъ вечеръ, но его отыскали. Онъ появился на сценѣ, раскланялся и сказалъ только: «Bon soir, messieurs et mesdames,» но сказалъ такъ, что исчезли всѣ опасенія объ утратѣ его голоса. Разумѣется, что на радости, зрители осыпали своего любимца громкими рукоплесканіями.

НАХОДЧИВОСТЬ РЕЖИССЕРА.

На Ножанскомъ (Nogent-sur-Seine) Театрѣ, было разъ чрезвычайное представленіе. Въ составъ этого чрезвычайнаго представленія вошли слѣдующія піесы:

Гораціи,
Павелъ и Виргинія,
Кавалеръ Сень-Жоржъ,
Indiana et Charlemagne.

Первыя три піесы прошли безъ помѣхи; но, передъ началомъ послѣдней, актриса, долженствовавшая играть роль Индіаны (она уже сыграла роли Камиллы, Виргиніи и Маркизы Прель), вдругъ почувствовала себя сильно нездоровою: это значило, что піеса дана быть не можетъ.

Директоръ пришелъ въ ужасъ, и хотѣлъ уже предстать предъ почтеннѣйшею публикою съ повинною головою; но къ нему подошелъ режиссеръ, и сказалъ, съ какимъ-то вдохновеніемъ:

— Прикажете играть увертюру, и не б спокойнось ни о чемъ.

Музыканты принялись за свое дѣло. Цѣлые полчаса угощали они публику га-лопадами, вальсами и кадрилими; но публика наконецъ вышла изъ терпѣнія: свистки, крики и угрозы заглушили звуки музыки.

На сценѣ явился режиссеръ, и униженно спросилъ о причинѣ общаго неудовольствія.

— Давайте намъ піесу! воскликнуло вдругъ челоуѣкъ двадцать въ партерѣ. Давайте намъ скорѣе послѣднюю піесу!

— Піеса эта, сказалъ режиссеръ, сыграна, господа; но машинистъ забылъ поднять завѣсу.

МЕЛОЧИ.

Извѣстный композиторъ, Копенгагенскій профессоръ Вейзе (Weyse), праздновалъ, недавно, пятидесятилѣтній юбилей своей службы, и получилъ при этомъ случаѣ, отъ Датскаго Короля орденъ Данеброга, а отъ Копенгагенскаго Университета дипломъ на званіе доктора философіи.

— Въ Дармштадскомъ Театрѣ, недавно случился пожаръ, но былъ скоро потушенъ. Впрочемъ, онъ успѣлъ истребить часть гардероба и бібліотеку. Представленія были прекращены только на весьма короткое время.

— Мендельсонъ, чрезъ посредство посольства, обратился къ Парижской Королевской Академіи Музыки съ просьбою доставить ему либрето для оперы. Либрето это взялся написать Скрибъ. Найдется ли теперь у него время для этого?

— Директоръ Ковентгарденскаго Театра, Г. Матью (Mathew) прекратилъ платежи свои. Долги его простираются до 600,000 руб. асс. Въ продолженіе трехъ послѣднихъ сезоновъ, онъ одинъ потерпѣлъ убытка 300,000 руб. гульденовъ.

НЕКРОЛОГЪ.

Въ Мюнхенѣ умеръ, семидесяти лѣтъ отъ рожденія, бывшій режиссеръ Придворнаго Театра, I. Курцигеръ. Последніе двадцать лѣтъ провелъ онъ въ уединеніи, живя однимъ своимъ маленькимъ пенсіономъ. Онъ пользовался также нѣкоторою извѣстностію, какъ живописецъ.

— Изъ Парижа пишутъ слѣдующее: «Еще одно изъ нашихъ юныхъ дарованій угасло внезапно, угасло, не произведя всего, что обѣщало произвести: у насъ умеръ А. К. Берне (Vogau). Ему было только двадцать девять лѣтъ. Двѣ пьесы его были представлены, одна во Французской Комедіи, другая въ Театрѣ Возрожденія. Послѣ того, онъ окончилъ двѣ драмы въ стихахъ, изъ которыхъ одна, подъ названіемъ *l'Héritage du Mal*, будетъ представлена въ Одеонѣ, а другая, *Clotaire*, должна быть прочитана, на сихъ дняхъ, во Французской Комедіи, Г-мъ Бовале. Слогъ К. Берне — слогъ современный, но онъ носитъ на себѣ отпечатокъ великой школы XVII вѣка. Берне оставилъ послѣ себя нѣсколько другихъ, не конченныхъ сочиненій и отрывковъ комедій, драмъ и романовъ, отличающихся прекраснымъ слогомъ и наблюдательностію. Онъ погибъ случайно. У него, отъ излишка труда, появились легкіе болѣзненные припадки. По этому случаю, врачъ предписалъ ему катапласмы, опрысканные

нѣсколькими каплями лавданума. Въ одну ночь, Берне, наскучивъ безсонницею и немѣя подлѣ себя никого, съ кѣмъ бы можно было посоветоваться, вылилъ себѣ на животъ всю склянку лавданума, долженствовавшую служить долгое время... Черезъ нѣсколько дней, его не стало!»

— Въ Берлинѣ умерла талантливая, заслуженная артистка Фридерика Крикебергъ, урожденная Кохъ. Она дебютировала въ первый разъ за 55 лѣтъ предъ симъ, въ Берлинѣ, (въ комедіи *Die drei Töchter*). Вскорѣ послѣ того она поступила на Шверинскій Театръ, и вышла замужъ за актера Крикеберга. Потомъ она играла въ Гамбургѣ, въ Касселѣ и въ Кенигсбергѣ, а въ 1816 году, была ангажирована въ Берлинѣ, и съ того времени, въ продолженіе цѣлой четверти столѣтія, была одною изъ достойныхъ тамошнихъ артистокъ. Въ Февралѣ 1837 года, она праздновала свой пятидесятилѣтній артистическій юбилей. Она особенно была хороша въ роляхъ благородныхъ и комическихъ матерей. Замѣчательно, что еще въ 1775 году, она, будучи дитятею, участвовала въ представленіи небольшого пролога, подъ названіемъ *Das Fest der Thalia*, написаннаго для празднованія дня рожденія Герцогини Готской. Въ послѣдствіи, Г-жа Крикебергъ очень любила рассказывать, что извѣстный Эггофъ училъ ее читать.

V. ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ, ТОЛКИ И СЛУХИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Лѣтняя пора, увлекая публику за городъ, и празднества, радующія сердца всѣхъ Русскихъ, даютъ нѣкоторый отдыхъ нашимъ драматическимъ артистамъ. Со времени выхода послѣдней книжки нашей, на Русской сценѣ было только одно замѣчательное явленіе — *Ифигенія въ Авлудѣ*, въ которой дебютировала Г-жа Самойлова 3-я, являвшаяся на сцену уже прошедшею осенью. На Нѣмецкой сценѣ, Г. Девриентъ еще продолжаетъ свои представленія, объявивъ въ своемъ бенефисѣ, что намѣренъ остаться у насъ долѣе, нежели предполагалъ сначала. Онъ былъ отличенъ въ новой драмѣ Гуцкова: *Вернеръ, или Сердце и Свѣтъ*.

П А Р И Ж Ъ.

За недостаткомъ времени, не желая отсрочивать выхода книжки, ограничиваемся однимъ исчисленіемъ новыхъ пьесъ, игранныхъ въ послѣднее время въ Парижѣ. Тамъ лѣтняя пора, видно, не отбиваетъ охоты у публики къ посѣщенію театровъ, а у дирекцій тамошнихъ театровъ желанія угождать посѣтителемъ новостями. На первомъ Французскомъ Театрѣ представлена *Un veuvage*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. актера-писателя Савсона, вообще не понравившаяся

публикѣ. На театрѣ Комической Оперы представлена *Le Code noir*, комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Скриба, музыка Клаписсона, сюжетъ оперы очень занимателенъ, исполненъ драматизма, а музыка Клаписсона, имѣетъ неотъемлемыя достоинства. Сверхъ того даны: на театрѣ Гимназін водевилъ: *Edouard et Cémentine*, въ трехъ дѣйствіяхъ; на Театрѣ Пале-Рояля: *Les deux Cougonnes*, водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ; на Театрѣ de la Gaité: *La ville de Wagram*, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ, соч. Поль-де-Кока; на Театрѣ des Variétés: *Le Tambour Major*, водевилъ; на Театрѣ de l'Ambigu: *Le Croix du pont*, драма въ трехъ дѣйствіяхъ, и на Театрѣ Драматическихъ шалостей: *Le Croissant d'argent*, водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ. Обо всѣхъ этихъ пьесахъ поговоримъ подробнѣе въ слѣдующей книжкѣ.

— Въ числѣ новостей должно упомянуть о дебютѣ Канапля, на сценѣ Большой Оперы; онъ пѣвецъ очень хорошій и былъ ангажированъ къ этому театру.

Изъ Женевы пишутъ слѣдующее: «Въ половинѣ этого мѣсяца (Мая), прибытъ

къ намъ, изъ Берна, Г. Юлій Эдель съ своею Нѣмецкою оперною труппою, и, послѣ того, далъ нѣсколько прекрасныхъ представлений. Труппа эта еще лучше, чѣмъ прошлагодня. За нѣсколько дней предъ симъ, ее пригласили, совершенно неожиданно, на нѣсколько представлений въ Шамбери, куда прѣдутъ Наслѣдный Принцъ и Наслѣдная Принцесса Сардинскіе. Она давала у насъ *Фрейщюца*, *Монтеки и Капулетти*, *Норму*, *Нильму*, *Донъ Жуана*, *Севильскаго Цирюльника* и н. др. оперы. Въ каждое изъ этихъ представлений, театръ былъ совершенно полонъ, и Г. Эдель можетъ похвалиться богатымъ сборомъ, чему мы отъ души радуемся, желая, чтобы и въ будущемъ году, труппа эта доставила намъ наслажденіе, подобное нынѣшнему.»

— Въ Берлинѣ ангажирована знаменитая пѣвица Фанни Гольдбергъ. Она родилась въ Вѣнѣ, но, въ продолженіе пяти лѣтъ, была примадонною на замѣчательнѣйшихъ Италіянскихъ Театрахъ. Еще весьма недавно играла она въ Генуѣ, на Театрѣ Carlo Felice, въ Bravo, Меркаданте. Вотъ что пишутъ о ней оттуда по этому поводу: «Она пѣла партицію Виолеты, но съ какимъ чувствомъ, съ какою страстію пѣла она! Рукоплесканіямъ и вызовамъ не было конца, и если мы прежде удивлялись силѣ ея голоса, то при этомъ случаѣ могли оцѣнить вполне превосходство ея, истинно Италіянской методы и чистоту ея вокализациі. Только одно не понравилось намъ, что партиція Г-жи Гольдбергъ была такъ мала.» Г-жа Гольдбергъ еще очень молода. Ей всего теперь двадцать пять лѣтъ. Она принадлежитъ къ числу ученицъ Чичмарры, который образовалъ Леве, Лущеръ, Клару Гейнефеттеръ и Штаудигля.

— Въ Вѣнѣ были представлены, въ первый разъ: *Treue Liebe*, драма въ пяти дѣйствіяхъ, Эдуарда Девриента. Она нѣсколько растянута, однако жъ, принята довольно благосклонно. Особенно хорошо

обработана въ ней и наиболѣе заслужилъ одобренія послѣдній актъ, *Der Sohn der Wellen*, романтическая драма Бульвера. *Onkel und Nefte*, комедія въ одномъ дѣйствіи; та и другая имѣли успѣхъ.

— Изъ Нюрнберга пишутъ, что въ теперешнее время, тамошняя публика необычайно равнодушна къ театру. Даже гости не могутъ заманить ее въ театръ. Представленіе *Пльмой* доставило Вильду только сорокъ два крейцера, а это была половина всего сбора; Г-жа Роснеръ собиралась играть въ *Жидовку*, но сборъ оказался столь незначителенъ, что были принуждены отложить спектакль; на представленіе *Донъ Жуана*, при участіи въ немъ весьма хорошихъ пѣвицъ, собралось не болѣе пятидесяти человѣкъ!

— Въ Веймарѣ представлена въ первый разъ и имѣла успѣхъ *романическая картина Kaiser Rudolph in Worms*, соч. Александра Роста. Изъ Веймара пишутъ объ этой пьесѣ, что языкъ ея весьма хорошъ, и что характеры въ ней, за исключеніемъ только одного, обрисованы чрезвычайно удачно. Авторъ разослалъ ее, для представленія, на многіе Германскіе театры.

— Въ Дармштадтѣ готовится большое артистическое празднество, сборъ съ котораго поступитъ на построеніе Кельнскаго Собора. Въ этомъ празднествѣ будутъ участвовать музыка, поэзія и живопись. Первой будетъ дирижировать придворный капельмейстеръ Мангольдъ.

— Въ Дармштадтѣ же скоро будетъ представлена пьеса, подъ названіемъ: *der Adept von Jahr 1842*. Это, вѣроятно, какая нибудь пародія. Вообще съ нѣкотораго времени на Германскихъ сценахъ опять много дается шуточныхъ пьесъ, видно потому, что серьезное не очень привлекаетъ Нѣмцевъ въ театры.

— Въ Мюнхенѣ имѣлъ блестящій успѣхъ балетъ: *Der Pas cha und sein Hof*, соч. Горшельта, музыка капельмейстера Штун-

Театръ	Въ ка-комъ те-атрѣ	Спектакли	Въ ка-комъ те-атрѣ	1842.
10	2	181	Алекс.	22 Втор.
10	2	178	Алекс.	21 Чет.
11	20	228	Домин.	23 Втор.
22	17	190	Домин.	26 Чет.
12	3	222	Алекс.	27 Сре.
			Алекс.	28 Понед.

VI. А Ф И Ш А.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

1842.	Въ ка-комъ те-атрѣ.	Спектакли.	Послѣд-ней.	Каретъ.	Прочихъ экипажей.
1 Пон.	Алекс. Мих.	Отецъ и дочь, др.; Фортункинъ, вод. König Enzo, Tr.-Sp.	230 550	8	13 12
2 Вторн.	Мих.	Les Mémoires du Diable, vaud.	555	57	28
3 Среда.	Алекс.	Представленіе Г. Боско	300	29	13
4 Четв.	Мих.	Der Landwirth, Lstsp.; Der Schiffscapitain, vaud. Une chaine, com.	540 180	12 16	13 21
5 Пятн.	Алекс. Мих.	Гамлетъ, драм. предст. Das Glas Wasser, Lustsp.	323 220	58 7	11 8
6 Суб.	Мих.	Une chaine électrique, vaud.	183	25	13
9 Вторн.	Алекс.	Школа женщинъ, ком.; Критика на школу женщинъ, ком.; Капитанъ второго ранга и жена первой статьи, ком.-вод.; Дядушка Назаръ Андреевичъ, ком.	830 220	30	13 12
10 Среда.	Мих.	Les fées de Paris, com.; En Pénitence, vaud.	460	24	30
11 Четв.	Алекс.	Kabale und Liebe, Tr.-Sp. Въ людяхъ ангель, не жена, вод.; Жена Кавалериста, ком.-вод.; Комедія съ дядюшкой, оп.	280 160	7	11 17
12 Пятн.	Мих.	Un duel sous le Cardinal de Richelieu, dr.	343	10	17
13 Суб.	Мих.	Возстаніе въ Сераля, бал. Des beste Arzt, Schsp.; Die Braut aus der Residenz, Lstsp.	420 330	20	17 23
14 Воск.	Алекс.	Les Mémoires du Diable, vaud. Школа женщинъ, ком.; Дядушка Назаръ Андреевичъ, вод.; Капитанъ второго ранга и жена первой статьи, ком.-вод.	780	19	28
15 Понед.	Алекс. Мих.	Июгенія въ Авлидѣ, траг.; Сынъ миллионера, вод. (Бенефисъ г-жи Самойловой 1-й). Werner, oder Herz und Welt, Schsp.; Nach Sonnenuntergang, Lstsp (Бенефисъ г-на Деоріента).	736 330	40	27 24
16 Вторн.	Алек. Мих.	Ревизоръ, ком.; Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дядушки подъ замкомъ не удержишь, вод. Madame de Croustignac, vaud.; La Tante mal gardée, vaud.	330 170	17	11 16
17 Среда.	Мих.	Der beste Arzt, Schsp.; Der Roman, Lstsp.	530	13	10
18 Четверг.	Алекс. Мих.	Июгенія въ Авлидѣ, траг.; Сынъ миллионера, вод. D-lle Dangeville, vaud.; Les deux voleurs, op.; Trois étoiles, com.	580 260	14	11 13
19 Пятн.	Больш.	Сильфиды, бал.; Морской разбойникъ Цампа, оп.	573	23	37
20 Суб.	Мих.	Le chevalier de Saint-Georges, dr.-vaud.	170	20	15
21 Воскр.	Алекс.	Харьковскій женихъ, вод.; Дьявица отшельница, ком.-вод.; Два огня и два куца, ком.-вод.	330	17	36
22 Понед.	Алекс. Мих.	Обойщикъ, др.; Тартюфъ, ком.; Иголкинъ, др. Nathan der Weise, Dr.	430 450	13 51	19 23

1842. Июнь.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣ- телей.	Каретъ.	Прочихъ зрѣвшихъ.
23 Втор.	Алекс.	Дѣдушка Назаръ Андреевичъ, вод.; Сынъ миллионера, вод.; Фортункинъ, вод.	331	2	10
24 Сред.	Алекс.	Мнимый больной, ком.; Жена какихъ много, или мужъ какихъ мало, вод.; Новички въ любви, ком.-вод.	153	2	10
25 Четв.	Больш.	Жизнь за Царя, оп.	328	20	48
26 Пяти.	Мих.	Les fées de Paris, com.-vaud.; Tiridate, com.-vaud.	160	15	56
27 Суб.	Больш.	Аскольдова Могила, оп.	223	9	42
28 Воскр.	Алекс.	Les Mémoires du Diable, vaud.			
		Спротка Сусанна, вод.; Покойная Ночь, вод.; Пута-ница, вод.			

1842. Июнь.	Въ ка- комъ те- атрѣ.	Спектакли.	Посѣ- телей.	Каретъ.	Прочихъ зрѣвшихъ.
1 Июн.	Алекс.	Отецъ и дочь, др.; Фортункинъ, вод.			
2 Втор.	Мих.	Les Mémoires du Diable, vaud.			
3 Сред.	Алекс.	Die Landwirthe, vaud.; Der Schiffcapitain, vaud.			
4 Четв.	Мих.	Une chaine com.			
5 Пяти.	Алекс.	Les fées de Paris, com.-vaud.			
6 Суб.	Мих.	Das Gine Wasser, vaud.			
7 Воскр.	Алекс.	Les Mémoires du Diable, vaud.			
8					
9					
10					
11					
12					
13					
14					
15					
16					
17					
18					
19					
20					
21					
22					
23					
24					
25					
26					
27					
28					
29					
30					
31					